ЛЮДИ ЗЕМЛИ ЮГОРСКОЙ

К63.6(253.3)
Д 53

Г.М. ДМИТРИЕВ-САДОВНИКОВ

ВЕРСТЫ И СТРОКИ

А 63.2(255.3)
Д 53

Г.М. ДМИТРИЕВ-САДОВНИКОВ

ВЕРСТЫ И СТРОКИ

Нижнесергеевское
МУ "БИС"
инв. № 30484/3 -3-ко

Екатеринбург
Средне-Уральское
книжное издательство
1998

ББК 63.3(Р53)
Д35

Редактор-составитель
В. К. БЕЛОБОРОДОВ

Книга издана
при финансовом содействии
администрации Нижневартовского района.

Д $\frac{0503020300-023}{158(03)-98}$ Без объявл. —98

ISBN 5-7529-0718-7

© В. К. Белобородов, сост.
вступ. ст., примеч., 1998
© И. В. Игонина, вступ. ст., 1998
© А. Ф. Агзамов, оформл., 1998

70-летию
Нижневартовского
района посвящается

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Начало моего знакомства с духовным наследием Григория Матвеевича Дмитриева-Садовникова относится к первой половине 90-х гг., когда я редактировал журнал «Югра» и собирал материалы для словаря «Югорские краеведы». Информация о его профессиональной и общественной деятельности приходила из разных, зачастую неожиданных, источников и накапливалась довольно быстро. Вскоре вырисовался глубоко симпатичный облик учителя ваховских ханты, исследователя природы бассейнов рек Ваха, Полуя, Надыма, Северной Сосьвы и жизни тёамошнего населения, облик общественного деятеля и незаурядного человека.

Подобные ему люди были в прошлом и начале нынешнего веков редчайшим явлением для Тобольского Севера. Равновеликие фигуры — березовские учителя Н. А. Абрамов и Ф. Ф. Ларионов, юганский священник И. Я. Тверитин (им посвящены отдельные книжки «Библиотечки журнала «Югра»). Став северянами (Тверитин — по рождению, другие — по жребию судьбы), они сумели подняться выше обыденного существования, поставили перед собой и осуществили творческие задачи; их труды по праву можно назвать местной классикой.

Постепенно собирался материал и для книги, посвященной Г. М. Дмитриеву-Садовникову. Основная его часть почерпнута в Тобольске — в библиотеке и фондах музея-заповедника, в государственном архиве. Это вновь подтверждает непреходящее и еще более возросшее в последнее десятилетие значение бывшего губернского центра для познания истории Обь-Иртышского Севера. Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность руководителям и сотрудникам этих ценнейших хранилищ сибирской истории А.В.Малышкину, А. В. Нескорову, А. П. Маргулис, Л. В. Шестаковой, Н. А. Мура-

шовой, В. А. Нестеровой (ТГИАМЗ), Т. Ю. Коклягиной, Т. А. Пановой (ТФ ГАТО) и их коллегам.

В начале 1997 г. мне неожиданно позвонила научный сотрудник Нижневартовского краеведческого музея Ирина Владимировна Итонина, также собиравшая материалы к биографии Дмитриева-Садовникова — главным образом об его личной судьбе. Она разыскала родственников Григория Матвеевича, встречалась и переписывалась с ними, нашла старые фотографии, документы. Так открылась возможность для нашего сотрудничества. Сложение результатов поиска позволило дать во вступительной статье более полное жизнеописание учителя-краеведа, чем если бы авторы работали в одиночку.

Настоящее издание, по нашему мнению, высвечивает из тьмы забвения достойного человека, немало доброго сделавшего для Ваховского края и вообще Тобольского Севера.

В. Белобородов

УЧИТЕЛЬ, КРАЕВЕД И ГРАЖДАНИН

Г. М. Дмитриев-Садовников — один из тех замечательных людей, которых дал Северу Тобольск. Здесь он родился 3 ноября 1885 г. в семье коренного тоболяка Матвея Васильевича Дмитриева, здесь его крестили в церкви Захария и Елизаветы. Прихожанами ее были большей частью деловые люди, связанные с рекой — с рыбным промыслом, пароходством. Матвей Васильевич, как помечено в переписном листе первой всеобщей переписи населения Российской Империи в январе 1897 г., основные средства к существованию получал от содержания постоялого двора в нижнем этаже своего двухэтажного дома по ул. Береговой.

По поводу происхождения двойной фамилии у нас возникла простая версия, получившая подтверждение со стороны родственников Дмитриева: постепенно за ним официально закрепилась уличная фамилия. В то время это было распространено повсеместно. В одной из тобольских газет нам встретилось объявление с таким указанием адреса: «По Абрамовской стрелке на постоялом дворе Дмитриева, он же Садовников». А в дневнике губернского агронома Н. Л. Скалозубова за 1905—1907 гг. есть такая строчка: «В огороде у Дмитриева Садовникова за Абрамовым мостом вызревают арбузы» [1].

Кроме 42-летнего хозяина и его жены Анны Васильевны в переписном листе упомянуты также двое сыновей: Михаил, ученик приходского училища, и Григорий — младший в семье, ученик образцовой школы при духовной семинарии. Старшие сыновья Николай и Александр, выучившиеся на церковнослужителей, жили отдельно от родителей.

Благодаря прочности семейной памяти, можно теперь обрисовать и обстановку в доме Дмитриевых.

Племянница Григория Матвеевича Галина Михайловна Полякова из рассказов своей матери Натальи

Георгиевны, жены Михаила Матвеевича, запомнила следующее. Родительский дом был выстроен в конце 60-х гг. прошлого века. Выбор места обусловила близость к пристани и рынку, располагавшемуся под горой. В этой части города, Заабрамке, позднее стали селиться торговые люди — неподалеку от Дмитриевых, например, поставил особняк известный пароходовладелец и хлеботорговец Д. И. Голев-Лебедев. Когда Матвей Васильевич строил свой дом, в Заабрамке было еще просторно и рядом, в камышах по берегам Абрамовской речки, водились утки.

На постоялом дворе часто останавливались ханты и ненцы, привозившие с севера рыбу, а также крестьяне из южных уездов.

Анна Васильевна была очень чистоплотной. В жилых помещениях хозяев над всеми дверными проемами висели вышитые белоснежные портьеры. К ее неудовольствию, их постоянно пачкал Матвей Васильевич, который, будучи уже пожилым, красил свою шевелюру сажей, чтобы казаться моложе.

В доме часто пекли пирожки с грибами, мясом либо яйцами; обычно их ели, накрошив в мясной бульон. Пекли и так называемые рублевики — круглое печенье в специальных, похожих на вафельницы, формах с длинными ручками. «Рублевиками» их называли потому, что печенье получалось золотистым, с выпуклым изображением двуглавого орла. Эти формы целы до сих пор, и Галина Михайловна зачастую готовит те же самые блюда, что и ее бабушка Анна Васильевна. Сохранилась в семье и кой-какая кухонная посуда: ложечки, вилки, половник из тяжелого серебра. Уцелела швейная машина, и до сих пор идут старинные часы, которые Михаил Матвеевич под Новый год торжественно ставил на стол и заводил — этого завода хватало на весь год.

Михаил Матвеевич служил приказчиком и часто уезжал на Север. Там у него было свое стадо оленей. Наталья Георгиевна рассказывала, как однажды ездила с мужем посмотреть на это стадо, ночевала в чуме и как ее поразила летняя ночь Заполярья с незаходящим солнцем.

Григорий Дмитриев-Садовников по выходе из образцовой школы при Тобольской духовной семинарии, видимо, окончил Тобольское уездное училище. Во всяком случае, такое утверждение содержится в корреспонден-

ции из Сургута, напечатанной в тобольской газете «Сибирский Листок» 24 августа 1906 г. и подписанной инициалами Н. С. Судя по тексту (о содержании его — немного ниже), автор был подробно осведомлен о делах Дмитриева-Садовникова.

В конце 1903 г. произошло событие, круто изменившее судьбу молодого тоболяка. В декабре во время ежегодной ярмарки в селе Ларьякском сургутский уездный исправник Г. А. Пирожников[2] предложил туземцам открыть свою школу (до этого ларьякские дети обучались грамоте в местной церковной школе). Ярмарочный съезд принял соответствующий приговор, и были найдены необходимые средства. Исправник добился разрешения на открытие в Ларьяке начального училища Министерства народного просвещения и, будучи в Тобольске по делам службы, подыскал учителя. Тобольский училищный совет назначил на эту должность, как писал позднее Г. А. Пирожников, «молодого педагога» Григория Дмитриева-Садовникова. В январе 1904 г. они вместе приехали в Сургут, а до Ларьяка учитель добирался уже один.

Трудно сказать что-либо о мотивах такого смелого решения 18-летнего юноши. Возможно, Севером Григория заинтересовал его старший брат Николай. Выучившись на псаломщика, он в 1891—1892 гг. служил в Сургутской Троицкой церкви, а в 1892—1898 гг.— в с. Шекурьинском Березовского округа, где вместе с известным краеведом священником В. Н. Герасимовым[3] занимался археологическими раскопками и участвовал в делах Тобольского губернского музея. Впрочем, юные учителя в нашем крае были в то время скорее правилом, чем исключением; другое дело, что задерживались на Севере они очень недолго. Григорий Матвеевич же прожил в Ларьяке без малого 10 лет и, что особенно примечательно, именно здесь, в лесной глуши, и сформировался как учитель, исследователь и гражданин.

По приезде на место службы в январе 1904 г. Дмитриев-Садовников сразу же приступил к делу. С согласия родителей он отобрал 15 учеников, в том числе остяков: четырех мальчиков и двух девочек. Училище разместилось в доме, построенном главным образом на средства туземцев и субсидию от казны в сумме 2000 рублей. Здесь же квартировал и учитель. В первые годы детям туземцев выдавались бесплатно одежда и обувь за счет пожертвований и казны. Кроме того, на 40 из пожертво-

ванных 200 рублей приобрели картофель, культивировать который стали специально для ознакомления с ним остяков.

Начинать учебу было очень трудно: ученики не знали русского языка, а учитель — остяцкого. Но Дмитриев-Садовников вскоре освоил так называемый звуковой способ: написав рядом простое остяцкое слово и его русский перевод, он учил детей произносить буквы и слова, а затем писать и читать предложения. Так ученики овладели русским языком, а учитель настолько хорошо освоил остяцкий, что впоследствии составил его словарь и грамматику. Все дети учились со старанием. Часто они расспрашивали Григория Матвеевича о городах и жизни других народов. После занятий вместе ловили рыбу, катались на санках, иногда охотились.

Обо всем этом свидетельствует заинтересованное лицо — уездный исправник Г. А. Пирожников, внимательно следивший за школьными делами.

Человек городской, Дмитриев-Садовников не мог не тяготиться оторванностью от привычных условий и все же нашел в Ларьяке вполне благоприятную для себя среду. Как учитель он получил хорошую опору в лице попечителя училища Прохора Акимовича Кайдалова [4]. Поселившись здесь в 70-х гг. прошлого столетия, Кайдалов сам построил дом, сделал резные наличники, мебель. Открыл лавку, наладил торговые связи с Томском и Нарымом. У Кайдаловых обычно останавливались экспедиции, приезжавшие для проведения исследований в бассейне Ваха, иногда Прохор Акимович выполнял роль проводника. Рыбак и охотник, он хорошо знал Ваховский край.

В дом Кайдаловых почта доставляла столичные газеты, журналы, приложения к ним, книги — все члены семьи были грамотными, в том числе шесть дочерей (Анна, Анастасия, Анфиза, Антонина, Зоя и Мария) и два сына (Иван и Виктор). Девочки умели шить, вышивать, готовить, работали на сенокосе, проявляли интерес к наукам. Агния увлекалась метеорологией, Анастасия — этнографией, Зоя стала учительницей и занималась краеведением.

С этой семьей Дмитриев-Садовников через два года после приезда в Ларьяк породнился: 14 апреля 1906 г. он обвенчался с Анной. 14 января 1907 г. у них родился сын Андрей, а 15 апреля 1909 г.— дочь Зинаида. Семей-

ные узы, конечно, немало способствовали укоренению учителя в Ларьяке.

Но вернемся к школе, какой она описана в «Сибирском Листке» 24 августа 1906 г. Автор отмечает, что на содержание ее отпускалось 370 рублей в год, из них 300 — из общегубернского земского сбора, а 70 — от местного инородческого общества. В школе 23 ученика: 16 остяков и 7 русских. Первые два года учитель совершенно не имел учебников, пришлось подготовить рукописные и учить по ним. Зная основы рисования, он ввел преподавание этого предмета — к большому удовольствию учеников. Зимой школа пользовалась волшебным фонарем, в ее тесное помещение (размер классной комнаты 3 на 1½ сажени) битком набивались остяки, знакомившиеся по картинкам со священной и гражданской историей, невиданными городами и чудесами природы. Учитель привез семена огородных культур и намеревался устроить при школе силами учеников огород.

В заключение автор статьи призывает всех заинтересованных в развитии школьного дела оказать поддержку пионеру просвещения остяков Дмитриеву-Садовникову, помочь ему в снабжении школы книгами для чтения и наглядными пособиями, скрасить общественным вниманием жизнь и облегчить труды учителя, оторванного от культурного мира и получающего почту не чаще 8 раз в год. В статье высказывалась и мысль о том, чтобы устроить при школе слесарную мастерскую.

Молодой учитель оказался жадным до дела, поэтому многие свои замыслы спустя недолгое время воплощал в жизнь. Так, по сообщению «Сибирского Листка», весной 1909 г. Дмитриев-Садовников посеял семена огородных растений и получил хороший результат: родились горох, редька, свекла, морковь.

А годом раньше в Ларьяке произошло другое значительное событие: при одноклассном сельском училище открылась кузнечно-слесарная мастерская. На оборудование ее ассигновали 500 р. из губернского земского сбора. Назначенный преподавателем ремесел, Григорий Матвеевич заранее готовился к исполнению этой обязанности: освоил столярное дело, а в Сургуте в крестьянской мастерской выучился лудить медную посуду и ремонтировать ружья. Летом 1908 г., будучи на каникулах, овладевал в Тобольске слесарным и кузнечным ремеслами. Вероятно, тогда же или год спустя он прошел

обучение еще и на ремесленном отделении Самаровского двухклассного училища. С началом 1908/09 учебного года мастерская при Ларьякском училище, как и намечали, открылась, заработали кузница и слесарня, сразу же получившие заказы.

Нужно отметить, что в 1908 г. вступило в силу Положение о ремесленных отделениях и программа практических работ по столярному, слесарному и кузнечному ремеслам для низших ремесленных школ. Это было новое веяние в российской педагогике. По всей Тобольской губернии насчитывались лишь единицы ремесленных отделений, и то, что одно из них действовало не в крупном селе вроде Самарова, имевшего хорошее транспортное сообщение с губернским центром, а в далеком даже по отношению к Сургуту Ларьяке, целиком заслуга Дмитриева-Садовникова.

Вот почему Ларьякское училище составляло гордость губернии, и в 1911 г. дирекция народных училищ включила в свою экспозицию на 1-й Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставке в Омске две фотографии с видами здания училища с улицы и со двора, снимки группы учеников в классном помещении и в кузнечно-слесарной мастерской и несколько изготовленных в училище изделий: коловорот, лобзик, пресс-папье, острогу для ловли рыбы, клепальный молоток, циркуль, кронциркуль, пешню, кузнечные тисы, образцы резьбы по дереву. Фотографии, вероятнее всего, сделаны самим учителем, а все остальное — под его руководством [6].

Надо отдать должное Григорию Матвеевичу: он любил и умел учиться, располагая для этого, казалось бы, довольно ограниченными возможностями. Любознательный, восприимчивый непоседа, искатель сибирского «золотого дна», он многое познавал во время рыбалки и охоты, в беседах с местными жителями и в наблюдении за их трудом — изготовлением обласа, речного запора, охотничьего лука со стрелами, берестяного кузова и пр., все глубже проникая в культуру аборигенов. Во время летних каникул он выезжал в родной Тобольск и там тоже не упускал случая для пополнения знаний.

Опыт учителя был оценен редакцией «Сибирского Листка», и его заметки и корреспонденции с реки Вах стали появляться в газете. Можно полагать, что Дмитриев-Садовников испытал на себе доброе влияние

фактического редактора газеты, бывшего революционера-народника В. Ф. Костюрина[7]. А в 1910 г. им заинтересовался консерватор Тобольского губернского музея В. Н. Пигнатти[8], написал письмо и получил из с. Ларьякского ответ следующего содержания:

«Весною 1910 года я получил от Вас письмо, в котором просили собрать гербарий ваховской местности, интересовались ремеслами остяков и проч.; летом я виделся с Вами в музее, но переговорить подробно обо всем нам не пришлось. На лето будущего года я остаюсь в Ларьяке для сбора гербария и насекомых, и если Вам что-либо будет нужно, то пишите.

В настоящее время у меня есть модели нарты, облаза, перевеса, черкан, женское весло и проч., которые пошлю музею весною, потому что зимняя пересылка сопряжена с большими трудностями, да к тому же я не знаю, согласится ли музей уплатить за пересылку.

К Рождеству пришлю Вам несколько описаний быта остяков, словарь с краткой грамматикой[9] и небольшое количество фотографических снимков. Сейчас посылаю несколько снимков, но не знаю, найдете ли Вы их удовлетворительными. Главное — я не знаю, что необходимо музею, так как в нем уже, вероятно, собраны некоторые материалы; может случиться, что и я соберу то же самое»[10].

Свое обещание прислать фотографии Григорий Матвеевич сдержал. В фонде В. Н. Пигнатти в Тобольском филиале Госархива Тюменской области[11] сохранилось несколько сделанных учителем в 1910 г. снимков, на которых запечатлены промысловая избушка на берегу Ваха, Ларьякская церковь, два русских ученика Ларьякского училища и мальчик по имени Дюша (скорее всего, Андрей, сын Дмитриева-Садовникова).

Из письма мы видим, что к этому времени внутренняя работа, происходившая в Дмитриеве-Садовникове, превратила простую любознательность в исследовательский интерес, и Тобольский музей получил в его лице неплохо подготовленного для начала сотрудника, готового неустанно учиться дальше.

В следующем году в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» (ЕТГМ) появилась первая статья ларьякского учителя — «С реки Ваха Сургутского уезда». По получении книги Дмитриев-Садовников в письме к Пигнатти, датированном 2 ноября 1911 г., делает ряд

замечаний и уточнений и сообщает некоторые подробности своих занятий:

«Получил от Вас «Ежегодник музея» за 1909 год, в котором напечатана моя статейка по описанию р. Ваха. Думаю, что необходимо было бы пометить, в котором году она писана, иначе можно думать, что и сейчас еще есть винная лавка в с. Александрове, что население по Ваху увеличивается, тогда как в 1909 году оно заметно уменьшилось.

Разлив осенний р. Ваха помечен 1910 годом, тогда как это было в 1908 году, а в 1910-м он был лишь незначителен. Тут могут получиться недоумения, так как сведения о разливах доставляются мною в Николаевскую физическую обсерваторию.

Нынешним летом собирал гербарий. Собрал более 100 видов (более 300 экземпляров, по 3 на каждый вид), который не знаю или переслать Вам зимою, или же привезти самому летом. Послать зимою — опасаюсь, как бы не отсырел. Напишите.

Весною послал музею модель перевеса и еще кой-что на пароходе Голева-Лебедева... Если музей желает, могу написать до 10 небольших характерных остяцких сказок, которые Вы можете издать в свою пользу. Некоторые из них есть у Костюрина. Собираю сейчас остяцкий словарь, который вместе с грамматикой ваховского языка привезу музею весною. Словарь порядочный» [12].

Первая опубликованная работа Дмитриева-Садовникова получила положительный отклик. Зоолог С. М. Чугунов из Томского университета много раз ссылается на нее в статье «Млекопитающие и птицы Сургутского уезда, собранные летом 1913 года» [13]. Он же в статье «Природа и люди Сургутского края» пишет: «...многие наблюдения г. Садовникова часто представляют немалый интерес» [14].

В 1911 г. сотрудничество учителя с Тобольским музеем было еще более плодотворным. Активное участие он принял в подготовке к уже упоминавшейся Омской выставке. Помимо материалов о своем училище, Григорий Матвеевич послал небольшую, но интересную этнографическую коллекцию. Среди бумаг Г. А. Пирожникова, переданных краеведом Ф. Я. Показаньевым в Сургутский городской архив, есть написанный рукой Дмитриева-Садовникова перечень собранных им для Омской выставки предметов. В нем даны их названия на

русском и хантыйском языках и в отдельных случаях — краткие пояснения.

Одновременно с этнографией Григорий Матвеевич занимался в 1911 г. и сбором материалов о природе края. В Тобольском музее-заповеднике сохранилась записка, отправленная 31 мая: «Посылаю Вам в двух небольших ящиках почвы, взятые из долины Ваховского материка и с вершины (растет смешанный березовый, осиновый и сосновый лес), две бутылки «живой» и «мертвой» воды, модель перевеса и модель амбара на высоких ногах» [15]. Пробы воды предназначались, очевидно, для изучения явления замора, занимавшего Дмитриева-Садовникова и в последующие годы.

Переписка учителя с В. Н. Пигнатти продолжается, и в его письмах встречаются весьма любопытные подробности. Так, 9 января 1912 г. Григорий Матвеевич писал: «Нынешним, т. е. предстоящим летом я, если не задержусь в Тобольске, думаю предпринять что-то вроде разведочной экспедиции на одно из здешних озер Тором- Эмдар — Божье озеро, про которое очевидцы говорят, что имеет верст полтораста в ширину, верст 200 в длину. Из русских на нем летом никто не был, посещавшие же проездом зимою говорят, что переезжали его на оленях 10—12 часов, а бег оленя не с лошадью сравнить: гораздо быстрее. Можно думать, что величину его преувеличивают, но все же можно думать, что громадно. Из рыб на нем водится даже сырок, которого по р. Ваху, за исключением некоторых также озер, нет; на озере есть хвойные острова» [16].

Состоялась ли задуманная разведка, нам не известно, но мы знаем, что в это лето Дмитриев-Садовников на средства, изысканные Пигнатти, сумел с проводником-ханты по имени Егор, ларьякским кузнецом, пробраться на обласе к одному из культовых мест и сфотографировать его. Эта поездка описана в статье «На Вахе», напечатанной в 26-м выпуске музейного «Ежегодника». В этом же году музей приобрел у него гербарий, собранный в долине Ваха [17], получил около 80 фотографий и три предмета в виде пожертвования.

Пожалуй, наиболее плодотворным был для Григория Матвеевича 1913 г.— последний год его жизни в Ларьяке. В процессе интенсивного литературного труда происходила кристаллизация накопленного ранее. В апреле он обобщил свои фенологические наблюдения несколь-

ких лет — получилась рукопись в 21 тетрадную страницу (с приложением таблицы) под названием «Наблюдения над явлениями природы четырех времен года на Ваху» [18], оставшаяся неопубликованной. В июне написана работа «О вымирании инородцев р. Ваха, их болезнях и лекарствах», в которой приведен 21 способ лечения от различных болезней, применяемый в хантыйской народной медицине. В июне же закончена и статья «Ваховской облас»; описание технологии изготовления обласа дано в ней со скрупулезностью профессионального этнографа.

По-видимому, Дмитриев-Садовников уже принял решение об отъезде из Ларьяка и поэтому торопился литературно оформить собранные материалы. Побуждала учителя к усидчивой работе за письменным столом и приближавшаяся отправка экспедиции музея с его участием в бассейн Ваха.

Экспедиция состоялась со 2 по 26 июля. В ее организации участвовал и П. А. Кайдалов: помог нанять проводников и устроить поездки на реки Куль-еган и Сабун. Руководитель экспедиции Б. Н. Городков [19] провел ботанико-географические и почвенные исследования. Кроме того, совместными усилиями собрали гербарий из 1200 листов (около 300 видов) высших растений и 114 листов мхов и лишайников, небольшие зоологические коллекции, купили для музея вещи, относившиеся к быту и культу инородцев, составили способом маршрутной съемки карту пройденного пути. В краткой записке об итогах экспедиции Городков высказал благодарность Дмитриеву-Садовникову, изучавшему во время поездки быт инородцев.

В конце 1997 г. удалось отыскать в фондах Тобольского музея дневник, который Григорий Матвеевич вел во время экспедиции. В этом простом повествовании за отдельными, скупо описанными фактами хорошо видится сам автор — надежный спутник, всегда готовый встретить опасность, привычный к тяжелой работе, умеющий и добыть утку на ужин, и заделать щель в протекающем обласе, и изготовить блесну из подручного материала, и подать дельный совет, и объясниться с ханты на их языке. Позднее музей получил от Дмитриева-Садовникова и большое количество фотографий, сделанных во время поездки.

Наряду с этим в 1913 г. Дмитриев-Садовников был также и одним из немногих постоянных авторов «Си-

бирского Листка» на периферии губернии. В книге публикуются его корреспонденции, по которым можно составить представление о жизни Ларьяка в начале века.

Отметим еще одну деталь, может быть, весьма существенную для характеристики жизни Дмитриева-Садовникова в Ларьяке. По словам Ольги Васильевны Редковской и Марии Васильевны Трофимовой, они не раз слышали от своей матери Анастасии Прохоровны Трофимовой, родной сестры Анны Прохоровны Дмитриевой-Садовниковой, что Григорий Матвеевич был революционно настроенным человеком. В небольшого формата альбом в красном переплете он записывал революционные стихи. Сестры хранят листок из этого альбома с записью нескольких строк «Варшавянки» и датой 9 марта 1908 г. Этот факт заставляет вспомнить, что в Ларьяке в то время обитали и политссыльные [20], с которыми учитель не мог не общаться.

Какими мотивами руководствовался Григорий Матвеевич, когда просил тобольское начальство о переводе в Обдорск,— неизвестно. Возможно, на решение повлияло то, что в Низовой край каждый год выезжал на промысел рыбы его брат Михаил Матвеевич. По всей вероятности, кроется за этим шагом и исследовательский интерес к Крайнему Северу.

«Сибирский Листок» обратил внимание на этот переезд и 27 августа 1913 г. отреагировал на него следующей фразой: «В Обдорское двухклассное училище [21] переведен из с. Лариака на р. Вахе учитель Дмитриев-Садовников, за свою долгую службу в Лариаке хорошо изучивший быт остяков...»

В Обдорске Григорий Матвеевич не изменил своим пристрастиям, занятия его остались теми же: школа с ее повседневными хлопотами, краеведение, сотрудничество с «Сибирским Листком». Редакция публиковала «Обдорские очерки», в которых сообщалось о плохом снабжении приходской школы учебниками, начале эпидемии тифа, об устройстве спектаклей, маскарадных вечеров и катушки, о бесплатных услугах библиотеки при народном доме. Не мог, конечно, автор обойти вниманием и местный музей, в одном из очерков кратко описал его коллекции. Он пользовался довольно богатым «северным отделом» библиотеки музея, насчитывавшей до 7000 томов, и позднее был избран библиотекарем.

В 1914 г. Б. Н. Городков пригласил Дмитриева-Садовникова в поездку на р. Полуй, организованную, как и год назад, Тобольским музеем. Экспедиция оказалась удачной: провели ботанико-географические и почвенные исследования, собрали более 600 гербарных листов цветковых растений, около 300 листов мхов, лишайников и паразитных грибов, произвели маршрутную съемку пройденного по реке пути, сделали фотоснимки, взяли почвенные образцы, привезли несколько остяцких изображений шайтанов. Для Григория Матвеевича итогом этой поездки, длившейся около месяца, стала публикация статьи «Река Полуй» (вероятно, при содействии Городкова) в «Известиях Русского Географического общества» [7]. В ней содержится описание рельефа, характера водоемов, растительности, животного мира, населения, промыслов. Экземпляр этой работы с дарственной надписью автора можно и сейчас увидеть в библиотеке Тобольского музея-заповедника.

Возвратившись из полуйской экспедиции, легкий на подъем Григорий Матвеевич выехал в Ларьяк, где в августе успел написать еще одну этнографическую работу — «Лук ваховских остяков и охота с ним». В статье детальное описание технологии изготовления этого старинного оружия, которым ханты еще продолжали пользоваться в то время, сочетается с поэтическими картинами охоты.

В Обдорске музейные дела поглощали Григория Матвеевича все больше и больше. Каждый выпуск «Ежегодника» сообщал о каком-либо ценном вкладе учителя в пополнение музейных коллекций. В 1915 г. он пожертвовал «10 предметов домашнего обихода обских остяков... Среди этих предметов чрезвычайно любопытна семья кукол, состоящая из пяти лиц — старика отца, его жены, сына, его жены и внука, наряды этой группы удивительно выдержаны, тщательно сработаны и стильны» (вып. 26). В этом же выпуске появилось сообщение о том, что Дмитриеву-Садовникову поручено приобрести самоедские изделия из кости и выдано на это 25 р. В следующем году он собрал и пожертвовал музею несколько вещей инородцев Севера и среди них — «великолепный нож, ножны и ручку из мамонтовой кости работы самоедов Ямала» (вып. 28).

Краеведческие усилия Дмитриева-Садовникова в Обдорске разделились, так как наряду с губернским здесь

существовал свой музей при миссионерском братстве во имя святителя Гурия. Григорий Матвеевич не только заведовал его библиотекой и участвовал в пополнении коллекций, но вместе с единомышленниками вынашивал план, о котором сделал следующее сообщение в «Сибирском Листке»: «Обдорское миссионерское братство св. Гурия журнальным постановлением 30 ноября решило издавать при этнографическом музее при братстве «Ежегодник». Он будет выходить по мере накопления материалов по следующей программе: 1. Отчеты и протоколы заседаний братства. 2. Описание коллекций музея. 3. Работы по местным вопросам: а) миссионерская деятельность, б) история, в) география, г) этнография, д) археология и проч., е) беллетристические статьи. Остановка лишь за утверждением» [23].

Такое издание нам неизвестно. Задуманное вряд ли удалось осуществить, разве что в рукописном варианте. Зато параллельно вызревал другой, вполне реальный план экспедиции Тобольского музея на р. Надым, и исподволь шла кропотливая к ней подготовка, что запечатлелось в письмах Дмитриева-Садовникова к Пигнатти. В письме от 1 января 1915 г. выражается огорчение тем, что намеченная на лето поездка может быть отложена до следующего года:

«Сообщение... не особенно приятно: я уже подыскал людей, основываясь на Вашем предыдущем письме, что денежный вопрос может быть вырешен окончательно в январе, с которыми в январе и должен вырешить, как им обещал, окончательно о поездке; весною же очень трудно найти кого-либо: в настоящую поездку на Полуй с Городковым мы предлагали знакомым с краем по 3 руб. в день — и никто не согласился ехать.

Я подожду от Вас ответа до первых чисел февраля. Если к тому времени нельзя будет вырешить денежного вопроса, я отказываюсь от поездки в Надым от имени Тобольского музея. Быть может, денежный вопрос может быть вырешен в меньшей, чем предполагалось, сумме. Впрочем, Вам будет виднее» [24].

Несмотря на свой отказ, Дмитриев-Садовников продолжал думать об экспедиции, и год спустя, когда музеем были созданы для поездки необходимые предпосылки, его настроение стало совсем иным.

«Глубокоуважаемый Василий Николаевич! — писал он 21 января 1916 г.— Письмо ваше от 6 января получил

вчера. Беспокоиться об экскурсии не советую: сделаем все, что возможно и «невозможно», краснеть за нас не придется.

Карту пройденного пути я сделаю, конечно, на основании маршрутной съемки. Представляю Вам опыт в этом деле: съемку Лонтовой (Лонгинской) протоки и части Малой Оби. Опыт показал, что результаты получаются довольно правильные, о картографической работе я не забочусь.

Керамика встречается и здесь: в осыпях обдорских мысов, в устье речки Васюганки и проч., но все ломь, все же довольно интересная. Собирать буду. Кстати: опросный лист о городищах (Вы его казали мне летом) будет ли разослан до нынешней весны? Если можете, то пришлите.

На полное оборудование лодки мне переведете к 1 марта 40 руб. (По возвращении из экскурсии лодку опять можно будет продать, поэтому покупка ее будет выгоднее найма)...»

Короткое письмо тому же адресату, датированное 24 марта, дышит энергией и нетерпеливым ожиданием дороги:

Глубокоуважаемый Василий Николаевич!

Сейчас получил от Вас письмо и спешу ответить скорее, так как через несколько часов прекратится прием на почту.

1. Багаж пошлите с первым же пароходом, так как с ним я думаю уже отправиться, задержка может быть лишь из-за спутников, которым (Кузнецову) я назначил конечный срок явки в г. Тобольск 20 мая.

2. Насчет Кузнецова почти такого же мнения, но там увидим: откажется — займемся (чем можем) его обязанностями с Иванцовым.

3. Краткий отчет представлю.

4. Об отправке в экскурсию и прибытии в Обдорск уведомлю Вас телеграммой.

5. Если окажется возможным, буду посылать Вам вести с пути.

6. Вернуться в Обдорск (в Тобольск я тоже думаю проехать) надеюсь в середине августа.

Спасибо большое за вложение кой-чего в багаж! Спасибо за открытые листы на пароходы!!!

С уважением к Вам остаюсь

Гр. Дмитриев-Садовников.

В «экскурсии» по Надыму участвовали кроме Дмитриева-Садовникова его коллеги-учителя Павел Иванович Иванцев (Иванцов) [2], служивший в Тобольском уезде, и Сергей Степанович Кузнецов из Туринского уезда, а также опытный переводчик М. Ядопчу. 21 июня путешественники прибыли в с. Хе, а 23 июля спустились к Св. Мысу у устья Надыма.

Как руководитель, Дмитриев-Садовников отчитался перед музеем о выполненной работе. Сам он в ходе поездки занимался маршрутной съемкой, этнографическими и археологическими работами, участвовал в сборе орнитологической и энтомологической коллекций, Иванцев собирал гербарий и коллекцию насекомых, Кузнецов делал чучела птиц и спиртовые препараты.

Две предшествующие экспедиции с Городковым были для Григория Матвеевича хорошей школой полевых исследований, поэтому и третья — очень непростая, по слабоизученному и малонаселенному району — оказалась успешной. Результаты ее — картографический материал с обозначением перекатов Надыма, формаций лесной растительности и населенных пунктов, данные метеорологических наблюдений, полученные путем опросов сведения о вскрытии и замерзании рек, глубине снегового покрова и др., образцы почв, 840 листов гербария и до 500 образцов мхов и лишайников, 56 чучел птиц, более 100 экземпляров птиц, зверьков, рыб, яиц, гусениц в виде спиртовых препаратов, 7900 насекомых, остяцко-самоедский словарь с краткой грамматикой и небольшой словарь народа пянхазово, 78 этнографических приобретений, более сотни фотоснимков, план и описание старинного городища в нижнем течении Надыма, копии восьми дел Обдорской остяцко-самоедской управы. Все материалы поступили в Тобольский губернский музей.

Подробное описание «экскурсии» Дмитриев-Садовников дал в работе «Река Надым», напечатанной в 28-м и 29-м выпусках музейного «Ежегодника». Кроме того, в конце 1918 г. в газете «Тобольское народное слово»

появилась его журналистская работа «В низовьях Оби» [26], в которой уже в беллетристической форме описана наиболее трудная и опасная начальная часть пути по бурной Оби от Хе до устья Надыма.

Проведенные Дмитриевым-Садовниковым исследования Полуя и Надыма и опубликованные материалы экспедиций послужили основанием для включения статьи о нем в биобиблиографический словарь «Русские ботаники» [27].

Как бы ни был увлечен обдорский учитель своими многочисленными занятиями, а российская действительность не могла не тревожить его. Человек дела, настроенный позитивно и не склонный к мрачным сетованиям, он постепенно проникается критическим духом. Интонация разочарования слышится уже в некоторых его ларьякских корреспонденциях, когда он описывает неустроенность жизни северной глубинки с бесшабашным пьянством остяков и неумением местных жителей обратить себе на пользу богатства сибирского «золотого дна».

Наступил 1917 г., и Дмитриев-Садовников оказался-таки в котле общественных страстей. Теперь становится трудно уследить за его передвижениями, но, надеемся, наиболее важные шаги все же нами замечены: как человек активный, он всюду привлекал к себе внимание, в нем видели сотрудника, надежную опору.

По какой-то причине в 1917 г. Григорий Матвеевич оказался в селе Демьянском на Иртыше. Конечно, переезд не был делом одного только слепого случая, значение имело и то, что неподалеку служил Иванцев, экспедиционный товарищ и единомышленник, а в самом Демьянске учительствовала свояченица Зоя Прохоровна Кайдалова. Но главные мотивы переезда нам неизвестны.

Верный себе, Дмитриев-Садовников здесь так же, как до этого в Ларьяке и Обдорске, взвалил на себя множество дел: учительство, этнографические поиски, участие в общественном самоуправлении. Записывал частушки, в которых своеобразно преломилась тема первой мировой войны. По-видимому, не без влияния свояка вовлеклась в краеведческие занятия и Зоя Прохоровна: в 1918 г. Тобольский музей получил от нее через Григория Матвеевича собранный в Демьянске гербарий. В 1919-м, когда Дмитриев-Садовников стал уже одним из ведущих

сотрудников «Тобольского народного слова», она прислала в газету несколько заметок о культурной жизни Демьянска и деятельности местного просветительского кружка «Знание — сила».

А для Григория Матвеевича тогда, в начале 1917 г., первостепенными вдруг стали заботы о новом общественном устройстве. Заметка в «Бюллетене Тобольского Временного Комитета Общественного спокойствия» от 16 марта сообщала: «С. Демьянское. Население вполне уяснило суть происходящих событий. Избран комитет общественной безопасности в следующем составе: председатель — учитель Г. Дмитриев-Садовников, товарищи председателя — Н. Н. Перевалов и П. С. Доронин». В конце марта тот же «Бюллетень» известил об организации в Демьянске волостного правления и избрании Дмитриева-Садовникова его председателем. В августе к этим обязанностям прибавилась еще одна: председатель волостной избирательной комиссии по выборам в земство. Тогда же появляются его короткие сообщения в «Сибирском Листке»: одно — об экстренном собрании Тобольского уездного учительского союза для выбора представителей в школьный комитет городского самоуправления и другое — по продовольственному вопросу.

Хотя прямых свидетельств тому нет, но есть все основания предполагать, что к этой перемене в жизни Дмитриева-Садовникова оказался причастным В. Н. Пигнатти. Назначенный Временным правительством тобольским губернским комиссаром взамен губернатора, чья должность была упразднена, он искал помощников среди тех, кого хорошо знал и кому доверял. К их числу наверняка принадлежал и Григорий Матвеевич [28].

О характере его новых забот можно судить по его заметке, помещенной в «Бюллетене»:

«...Демьянский комитет общественной безопасности проявил свою деятельность в целом ряде мер. Например, в ведение комитета поступили земские ямщики, благодаря чему следующим чрез Демьянск эвакуированным солдатам предоставлялись земские кони, тогда как до этого им приходилось дожидаться целыми днями, когда их отправят на обывательских. Порядок на местной ярмарке восстанавливался членами комитета, бывшими солдатами и проч. Некоторыми любителями кулачной расправы новый порядок был понят по-своему: могу пить, ругаться и буянить. Один из таких был связан

и на полсуток заперт в каталажку с приговором к 6-рублевому штрафу.

19 марта был сход жителей Демьянска и окрестных деревень. В каждую деревню были выбраны по два человека в народную милицию для охраны общественного порядка. Кроме того, единогласно был постановлен приговор не сидеть (здесь: не заниматься винокурением.— *Сост.*) и не пить вино, пьяных арестовывать и штрафовать в пользу мирского капитала, орудия самосядки отбирать и уничтожать. Хорошо и убедительно говорил по этому вопросу эвакуированный солдат Овсянкин.

Местная полиция, урядник оставлены в распоряжение комитета...»

Дальнейшие события привели Григория Матвеевича из Демьянска в Тобольск. В начале 1918 г. он регулярно печатался в газете тобольской организации партии социалистов-революционеров «Земля и воля», а после ее закрытия — в газете «Тобольское народное слово». Политические симпатии его вполне уже определились: он разделял идеи эсеров и сибирских областников-патриотов, сторонников сибирской автономии. Но при этом в публикациях Дмитриева-Садовникова (часто он печатался под псевдонимом «Н. Сугма») трудно усмотреть четко оформленные политические пристрастия и тем более политический расчет. Скорее он выступает как рыцарь идеи справедливого общественного устройства, мало интересовавшийся политическими оттенками.

Характерен такой его поступок. Летом 1918 г., после того как исполком Тобольского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов оставил город, была назначена комиссия для расследования совершенных членами исполкома преступлений против личной неприкосновенности граждан и казенного имущества. Вошел в ее состав и Дмитриев-Садовников, но вскоре по собственному решению вышел. О причинах неудовлетворенности деятельностью комиссии он рассказал в публикуемой ниже статье.

Тобольская Следственная Комиссия

Членом Тобольской Следственной Комиссии с правом совещательного голоса, представителем партии с.-р., на имя губернского комиссара заявлен протест по поводу деятельности комиссии. Протест сводится к следующему.

1. С начала работы следственной комиссии не зачитывалось в заседаниях ни одного протокола; на его предложение от 26 августа зачитать протокол предыдущего заседания (23 авг.) последовал ответ от председателя, что протокол еще не приготовлен. При таком положении дел в протоколах возможен ряд неточностей.

2. Некоторые аресты производятся без соблюдения требуемых законом справедливости правил: напр., по заявлению (имярек), без расследования справедливости его заявления, состоялось постановление об аресте указанных им лиц и т. д., т. е. противозаконных с точки зрения социалиста поступков комиссией совершено порядочно.

3. Члены следственной комиссии с правом решающего голоса без извещения об этом членов комиссии с правом совещательного голоса вынесли постановление о том, что заседания *распорядительного характера* должны быть без участия членов с правом совещательного голоса, *что не указано инструкцией.*

Первый параграф, указывающий на ту халатность, с которой относится комиссия к своим протоколам, выразителям ее мыслей, говорит сам за себя; более интересен второй параграф, воскрешающий пред нами времена большевизма, когда аресты, лишение свободы, то, против чего борется русская интеллигенция, решается большинством голосов, закрытой баллотировкой. Кого тут привлекать к суду за неправильные действия, когда... совершенно невинного человека закатывают в тюрьму?

Третий параграф опять воскрешает перед нами времена большевизма: пользуясь правом большинства, большевики заявляли, что обсуждать некоторые вопросы могут только они, без участия др. членов, и *обсуждали!*

На этот путь сейчас встала и Тобольская следственная комиссия. Что последует на протест со стороны комиссара, покажет время, но представитель с.-р. сделал в группе партии заявление, что участие в работах комиссии компрометирует партию, он отказывается от участия в работах Тобольской следственной комиссии [39].

Тематика газетных выступлений Дмитриева-Садовникова отличается своеобразием. Значительная часть вышедшего из-под его пера не имеет отношения к сиюминутной политической борьбе. В «Земле и воле» он начал краеведческий цикл «Изучение Родины» и успел до закрытия газеты опубликовать записанные в Демь-

янске частушки и статьи «Безрыбье» р. Иртыша» и «Замор». В конце августа газета прекратила существование, но спустя полторы недели цикл был продолжен под тем же названием в «Тобольском народном слове».

Особенно сильное впечатление производит самая первая статья цикла [30]. Ее можно назвать программной: автор ясно выражает свою жизненную позицию и, очерчивая свой духовный путь, подводит его итог — назначение учителя в том, чтобы быть связующим звеном между народом и наукой, помогать землякам взять свою судьбу в собственные руки. Следуя этим путем, Дмитриев-Садовников и сформировался как педагог-исследователь, краевед.

Нельзя не заметить, что обе газеты делались интересно: чуждые политического экстремизма, они отличались созидательной направленностью, стремились содействовать становлению кооперации, молодых земских учреждений и вообще всякому полезному живому делу. «Земля и воля» вскоре после своего рождения получила высокую оценку петроградской газеты «Вольная Сибирь». В № 17 за 1918 г. анонимный автор писал в заметке «Новости сибирской печати»:

«...Газета призывает, и горячо призывает, к внимательному и вдумчивому отношению к своему краю, к остякам и самоедам (например, прекрасная статья Г. Дмитриева-Садовникова «Изучение Родины»)».

Помимо краеведческих статей в газетах часто появлялись стихотворения Дмитриева-Садовникова. Гражданские эмоции требовали для своего выражения поэтической формы. Но это не был клич пламенного агитатора, зовущего на бой. Автор никого не клеймил, не разоблачал. Душевная отзывчивость соединялась в его стихах с терпкой застарелой горечью. Это были строки человека не ожесточившегося и не готового убивать.

Конечно, писал он и на злобу дня — о всевозможных неурядицах в школьном деле, переживавшем смену ценностных ориентиров, о нелегком положении учителя, деятельности учительского союза, вообще о так называемых мелочах текущей жизни. В «Земле и воле» существовал «Школьный отдел», который, скорее всего, и вел Дмитриев-Садовников. По поводу споров о «старой» и «новой» школе он, например, писал так: «Положение нашей школы действительно трагикомическое: старые педагоги, вышибленные из обычной колеи, опустили

руки, а новые, победители, стоят, разводят руками и не знают, с какого конца за нее, матушку новую школу, взяться» [31].

Будучи избранным в Тобольский уездный учительский союз и школьную комиссию при уездной земской управе, Дмитриев-Садовников был хорошо осведомлен о глубинных процессах школьной жизни, поэтому при неизбежной редакционной спешке его корреспонденции, шероховатые и литературно небезупречные, внутренне оставались цельными и дышали жизнью. Для примера приведем одну из них.

Очерки Тобольска

(Полуфельетон)

Холодная зима и холодная весна окончательно заморозили местный уездный учительский союз, не говоря уже о губернском, замерзшем еще в прошлую зиму и скончавшемся без покаяния пред создавшими его организациями. Между тем пред учительством одна за другою встают задачи, разрешить которые оно может, лишь будучи сорганизованным. В печати все чаще начинают мелькать известия, рисующие безотрадную картину постановки начального образования: учитель, творец школы еще собирается творить, начальное учительство оказывается во многом обойденным пред остальным учительством и в материальном отношении, и в правовом и т. д. и т. д., учительству необходимо подумать об оживлении союза.

С средины мая Союзом культурно-просветительных организаций города предположены к открытию полуторамесячные курсы для работников по внешкольному образованию: отовсюду поступают заявления о стремлении масс к образованию, работников же очень мало. Устроителям курсов необходимо иметь в виду, чтобы выпущенные ими работники могли дать населению не только «по части увеселений и приятного времяпровождения», но и необходимые в той или иной местности знания, хотя бы по развитию, напр., местных промыслов и проч.

Летом текущего года уездным земством устраиваются педагогические курсы для учащихся уезда. Помимо общеобразовательных специальных предметов в программу курсов вводится краеведение, необходимость которого резко выявилась за последнее время.

Н. Сугма [32].

Приходилось ему писать, и не только на особенно близкую ему школьную тему. Так, например, в статье «Родные картины (К работам земства)» [33] он пытается, опираясь на свой северный опыт, очертить поле деятельности для нарождающегося земства.

Стиль Дмитриева-Садовникова своеобразен: ему присущи динамизм, простота, разговорные интонации и отсутствие какого-либо намека на морализирование. Это как будто картинки, выхваченные прямо из уличной жизни, порой кажущиеся сделанными на скорую руку и недосказанными (автор как бы подразумевает, что вывод сделает сам читатель). Подмечая различные нелепости и неустройство революционного времени, он пишет без сарказма и даже почти без иронии, а потому нередко к заголовку прибавляет: «Вместо фельетона», «Полуфельетон», «Впечатления» и т. п. Проиллюстрируем сказанное одной из таких заметок.

Картинка

(Маленький фельетон)

...Авраам роди Исаака, Исаак роди Иакова... Комиссар роди Комиссара, и родился удалой Пейсель, который с благословения Президиума Тоб. Исполкома ринулся для водворения тишины и порядка в Низовой край, ринулся не один, а с отрядом, с пулеметом, с винтовками и с полномочиями «Чрезвычайного Комиссара». До водворения тишины и порядка пока еще далеко, а с Низового края уже несутся вопли: Пейсель дерет контрибуцию.

Этот считать умеет; так что на низу в недалеком будущем белугой заревут.

Н. Сугма [34].

Просматривая газеты, убеждаешься, что Григорий Матвеевич с головой ушел в редакционную работу и принял на себя немалую ее часть. В последний месяц существования «Земли и воли» на него легли и редакторские обязанности. Он довел издание до последнего номера.

Но на политике жизнь для него не замыкалась. Осенью 1918 года он стал заведовать библиотекой губернского музея и извещал через «Тобольское народное слово» о днях и часах, по которым принимал читателей. Кроме того, читал в музее лекции по родиноведению, проводил экскурсии. А 15 июня 1919 г. в «Тобольском народном

слове» появилось следующее сообщение: «26 июня на пароходе «А. Станкевич» отправляется на Северный Урал, по р. Сосьве и ее притокам геологическая экспедиция в составе П. Л. Низковского от Академии Наук, Гр. М. Дмитриева-Садовникова от Тобольского губернского музея и В. И. Иванова; руководитель — Низковский. Кроме своего специального задания экспедицией будут произведены обследования Сосьвинского района в этнографическом и ботаническом отношениях».

Григорий Матвеевич был, очевидно, этнографом и ботаником экспедиции, никакими материалами о которой авторы, к сожалению, не располагают,— это одно из многих белых пятен в биографии Дмитриева-Садовникова. Известно только, что экспедиция состоялась: в обширной, предельно насыщенной фактическим материалом работе «Рыболовные осенние и зимние промыслы окрестностей Обдорска», опубликованной посмертно в технико-экономическом сборнике «Урал» (Свердловск, 1926 г.), Дмитриев-Садовников упоминает о проведенных им исследованиях на реках Северной Сосьве и Ляпине летом 1919 г. (Любопытно было бы узнать, какими путями добралась рукопись до Свердловска. Не через посредство ли Б. Н. Городкова, ставшего к тому времени руководителем Северо-Уральской экспедиции Академии наук и Уралплана?)

К осени Григорий Матвеевич вернулся в Тобольск и, по свидетельству его племянницы Галины Михайловны Поляковой, жил здесь с семьей в последующие годы. После прихода красных частей Блюхера он сотрудничал с советской властью — заведовал внешкольным подотделом уездного отдела народного образования при Тобольском военно-революционном комитете, продолжал свои музейные занятия. А в 1920 г. подключился еще и к подготовительным работам экспедиции Наркомвнешторга для научно-экономического обследования Обь-Урало-Печорского Севера (руководителем ее был известный уральский краевед Д. М. Бобылев). В архиве А. А. Дунина-Горкавича, который находится в Тобольском музее, есть сообщение Дмитриева-Садовникова «Летние районы разведочных экспедиционных партий по обследованию тундры в 1921 году», датированное 25 января 1921 г. и переданное Дунину-Горкавичу на заключение. Из текста видно, что Григорий Матвеевич замышлял для себя большой объем исследовательских

работ на севере губернии, предполагая участвовать в изучении рыболовства и морских звероловных промыслов. Видимо, статья «Рыболовные осенние и зимние промыслы окрестностей Обдорска» и была частью его вклада в экспедиционное дело.

Но планам не суждено было исполниться: началось крестьянское восстание [35]. В Тобольске деятели эсеровской партии образовали Главный штаб Народной Армии. 27 февраля вышел первый номер газеты «Голос Народной Армии».

Авторы этого весьма интересного издания, понимая смертельную опасность своего труда, не подписывали статей и заметок собственными именами, а скрывались за псевдонимами или вымышленными инициалами. Есть все основания считать, что и Дмитриев-Садовников активно сотрудничал с газетой. Так, стихотворения «Мечта моя молнией в жизни сверкнула» и «Сибирячкам» в № 5 и 13, подписанные инициалами Г. С., близки по содержанию и стилю к его стихотворениям 1918—1919 гг. (Поэтому они публикуются в книге как предположительно принадлежащие перу Дмитриева-Садовникова.) В заметках «Приезжего» с характерными подзаголовками «Вместо фельетона», «Картинка с натуры» угадывается, как и в ряде других публикаций без подписи, оригинальный стиль журналистских работ Григория Матвеевича 1918—1919 гг. То же впечатление складывается и при чтении некрологов Петра Феликсовича Равского и Валентина Ивановича Алмазова. Их, расстрелянных вместе с двадцатью тремя другими заложниками при отступлении большевиков из Березова, Дмитриев-Садовников должен был знать, поскольку первый учительствовал в Березове, а второй, журналист по профессии, с 1920 г. участвовал в экономическом обследовании Тобольского Севера. Далее, в чудом сохранившемся полном комплекте газеты (31 номер) внимательнейшим образом выявлены и подчеркнуты все фамилии и по тексту статьи Каспия «Март 1917 — март 1921» написано от руки: «Димитриев».

Наконец, писатель К.Я.Лагунов в своем труде «Двадцать первый» прямо утверждает, что среди активнейших авторов «Голоса Народной Армии» был эсер Дмитриев-Садовников.

После подавления восстания судьба оставила Григорию Матвеевичу считанные дни. О гибели его до сих пор не имеется каких-либо точных сведений. Родственники

же считают, что летом 1921 г. он был схвачен на улице какими-то военными людьми и расстрелян. В эти же дни от шальной пули погиб его сын Андрей.

Оставшееся от Григория Матвеевича наследство было не слишком богатым: массивный двухтумбовый стол, заполненный бумагами, коллекция насекомых в тщательно отшлифованных деревянных ящичках, гербарий, книги... Все это мало кого интересовало. Г. М. Полякова, учившаяся в 50-е гг. в Омском ветеринарном техникуме, представляла коллекции в качестве своих контрольных работ. Остальное куда-то исчезло при переезде семьи в новый дом.

Галина Михайловна вспоминает, что семья Михаила Матвеевича Дмитриева-Садовникова относилась к занятиям ее дяди с иронией. Ее мать Наталья Георгиевна говаривала: «Был бы серьезным мужчиной — содержал бы семью как следует, а то как дурачок по Северу за бабочками гоняется, цветочки собирает».

Да, жизнь нередко повторяла сюжет ершовского «Конька-Горбунка» («Старший умный был детина, средний был и так и сяк, младший вовсе был дурак»): старшие дети становились ближайшими помощниками родителей в добывании средств к существованию, а на крепнущем экономическом фундаменте семьи младшие получали возможность духовно развиваться и пускали ростки в интеллигентский слой. И все же в жестокой круговерти 1921-го братья Дмитриевы-Садовниковы в конце концов все оказались в одном обреченном отряде. Александр Матвеевич, как организатор повстанческого батальона и полковой священник, был, по словам его внучки Ольги Дмитриевны Ковригиной, сброшен с парохода в Тобол с привязанным к шее камнем [illegible]. Примерно в то же время погиб при неизвестных обстоятельствах и старший из братьев — Николай Матвеевич. Уцелел лишь Михаил Матвеевич.

Так прервалась на взлете богатая разнообразными событиями и крутыми поворотами жизнь героя нашего повествования, в котором хотелось обрисовать путь даровитого человека, устремленного к добру, познанию и многообразному творчеству, последовательно восходящего к расцвету своих духовных сил. Остается надеяться, что Григорий Матвеевич Дмитриев-Садовников будет принят читателями таким, каким он состоялся в отведенное ему судьбою время.

А закончить мы бы хотели проникнутыми печалью и сдержанным достоинством строками безымянного автора «Голоса Народной Армии» (им мог быть и Дмитриев-Садовников), запечатлевшими высокий духовный накал того трагического времени и обращенными в будущее:

Всему настанет свой конец,
Правда высшая не знает произвола —
Одним она дарит блестящий свой венец,
Другим несет клеймо постыдного позора.

Ложная молва очей не ослепит,
Народ живет, имея свои очи,
Ошибки, ложь и мудрость он узрит,
Все различит, как свет во мраке ночи.

В. Белобородов
И. Игонина

С РЕКИ ВАХА СУРГУТСКОГО УЕЗДА

Вах берет начало в Енисейской губернии из болот, недалеко от Елогуя, притока Енисея, и, пройдя около 700 вер., впадает в р. Обь. Река эта очень извилиста и быстра; ширина ее в верховьях достигает 60 сажен, а в нижнем течении — 200.

Течет р. Вах среди материков *, которые то сходятся и сжимают его, то расходятся верст на 40—50, образуя низменные пространства, прорезанные множеством проток и речушек и усеянные кедровыми островами, сорами и болотами, с маленькими и огромными озерами, в которых водятся щуки, окуни и караси; все это, за исключением островов, затопляется весеннею водою. Материки, из которых идущий по левому берегу реки выше правобережного, не очень широки; за ними — кочковатые моховые болота — зыбуны, с гривками ельника и сосняка; за болотами — опять материки. В нижнем течении Ваха материки расходятся, и кедровые и сосновые острова уступают тальниковым, осиновым и березовым. У самой Оби материки встречаются изредка — Вах бежит по сорам. Когда в этом месте весенние воды Ваха сливаются с обскими, получается обширное водное пространство, с виднеющимися то тут, то там гривами и небольшими островами,— пространство, по которому даже в больших каюках стараются проплыть в тихую погоду, а в бурю и показаться не смеют,— отсиживаются где-нибудь за лесом суток по 3.

Случается, что Вах делает по два разлива в год, как это и было в *настоящее* ** лето: вода сбыла, а потом, после трехдневного дождя, начала прибывать,— прибыла до двух

* Материками здесь называются возвышенности, состоящие из песку и глины (встречается серо-белая) и покрытые хвойным и смешанным лесом.— Здесь и далее * обозначены примечания автора.— *Прим.*

** В 1910 году. (Здесь и далее курсив автора.— *Сост.*)

сажен[2] и простояла недели две. В один из таких годов стога сена были затоплены и заморожены, так что жителям пришлось кормить скот прошлогодними запасами.

Узкие, но многоводные притоки впадают в Вах с обеих сторон; при этом верховья некоторых из них находятся так близко к реке Тазу, что весною нетрудно попасть на него в легких облазках (душегубках).

Рекостав бывает в средине октября, открывается же река иногда 15—25 мая, а иногда и 20 апреля.

Ржавые болотные воды и родниковые скоро разъедают зимний лед, так что езда по нему бывает небезопасна: проедешь сегодня по одной дороге, а завтра опасайся ее, особенно если ее занесет снегом.

Берега Ваха, спускающиеся в реку то обрывами, то широкими песками, длиною по 2, по 3 версты, с идущими чуть не через реку косами, покрыты дряблым березником, осинником, тальником, кедровыми и сосновыми гривами. Почти везде по берегам его растут рябина, черемуха, кусты бузины и масса крупной черной смородины, которую редко кто собирает.

Заросли черемухи, окруженные водою и покрытые цветом, как пушистым инеем, хороши бывают особенно весною: словно в цветуший сад заедешь; запах одуманивает; совсем не думаешь, что находишься где-то на севере, и только начинающие донимать комары вернут к действительности.

Породы рыб, находящиеся в р. Вахе, немногочисленны: те же зубастые щуки, окуни, те же ерши, чебаки (мохтик), пескари и вьюны; много язя, есть налимы и небольшое количество нельмы, из которой в низовьях Ваха приготовляют позем [3].

В лесах, по берегам р. Ваха, мало крупного зверя: медведь, большею частью, проходной; диких лося и оленя днем с огнем не найдешь; и домашних оленей *мало*, штук по 5—6, самое большее по 10 найдется у некоторых хозяев. Не очень давно было много медведя, бродили стада диких и домашних оленей — теперь все повыбили, домашние же погибли от разных болезней. Встречаются черные, черно-бурые и красно-бурые лисицы, сиводушки [4] и белодушки [5], небольшое количество росомах, выдры, изредка — песец; водится много колонков, горностаев, зайцев, но больше всего белки, бывающей годами и составляющей почти единственный и самый выгодный источник промысла.

Белки здесь было бы очень много, если бы не пропадала она от лесных пожаров, хищных птиц и от недостатка пищи, которую составляют орехи и грибы.

Вследствие недостатка пищи в одном материке, она переселяется в другие. Сначала в том направлении летит роньжа (ореховка), а за нею бежит белка; реки и озера не служат для нее препятствием: она смело бросается в волны, иногда достигая противоположного берега, иногда погибая. Интересно отметить, что проходя через материк, она втыкает на сучья деревьев грибы, которые и служат пищею сзади идущим.

Из птиц водятся здесь глухари, косачи, тетери, рябчики, куропатки; маленькие филины и огромные, как говорят, отвертывающие головы у молодых телят оленей, совы и вороны; несколько разрядов дятлов, боровые сороки и роньжи; за последнее время около жилья появился воробей, а лет 10 тому назад неизвестно откуда залетела пара голубей, один из которых был убит, а другой, прожив в доме целую зиму, улетел и не вернулся обратно.

Число певчих птиц здесь невелико: есть чечетки, синицы, жуланы, дрозды и другие какие-то серенькие птички.

В феврале месяце прилетает орел, за ним снегирь, а в последних числах марта с громким карканьем появляется ворона; еще до вороны прилетают лебеди, останавливающиеся на болотах, где вода местами не замерзает. За ними являются коршуны, скворцы, ласточки, мартышки [6], утки и жаворонки. Дикие гуси не останавливаются здесь, а летят далее на восток и на север, остаются же только утки, кулички, небольшое количество кроншнепов, изредка — лебеди. Много остается вострохвоста [7]: здесь царство его. В начале лета являются стрижи и строят гнезда в ярах.

Птицы отлетают назад поздно — в последних числах сентября; много самцов улетают линять, переменять оперенье, на р. Обь еще в средине июня.

По берегам Ваха и его притоков, на небольшом расстоянии друг от друга, разбросаны небольшие зимние и летние селения остяков, которых, по последним церковным отчетам, насчитывается до 2170 человек.

Зимники состоят из землянок, с вделанными вверху льдинами вместо окон, и с чувалом [8] в средине одной из стен, затыкающимся на ночь дерном или сеном, из

плохо срубленных изб и кисочных юрт *. За последнее время у остяков начали появляться и русские избы со стеклянными окнами, железными и кирпичными печами. Ночью в землянках очень холодно, если не поддерживать огонь; о кисочных юртах и говорить нечего, потому что там нет чувала, а огонь раскладывается посредине юрты, и дым выходит в непокрытую вершину конуса.

Летники состоят исключительно из кисочных юрт.

В каждой юрте есть иконы, преимущественно св. Николая; по углам разбросано небольшое количество одежды; лежат свернутые полога, которыми остяки защищаются зимою от холода, а летом — от комаров; висят ружья и луки со стрелами, стоят куженьки ** с посудою и рыбой; у огнища или чувала — чайники и котлы, небольшой столик с вершковыми ножками; встречаются самовары.

Зимние припасы и орудия промыслов сохраняются в амбарах, устроенных на четырех высоких ногах где-нибудь на возвышенном месте.

Близ юрт привязаны собаки, валяются отбросы, стоят пошевни [3], олени, собачьи нарты, перевернуты облаза, а подалее, в глубине леса, устроены загородки для лошадей.

Остяки р. Ваха — среднего роста; головы у них круглые, с редко седеющими, темными, щетинистыми волосами, выдающимися скулами, одноцветными, мало выражающими глазами и приплюснутыми носами; растительность на лице слабая. Грудь плоская, ноги и руки тонкие; физическая слабость остяков является причиной того, что они легко подвержены всевозможным болезням и очень чувствительны к ним: легкая головная боль или что-нибудь подобное — и остяк свалился. Остяки вспыльчивы, но честны, доверчивы и гостеприимны, всегда делятся с нуждающимися и оказывают им помощь: утопающего кинутся спасать, хотя бы пришлось и погибнуть. Воровство среди них встречается редко.

Ваховские остяки первых юрт от Оби, где в с. Александрове есть винная лавка, начинают спиваться поголовно. Воровство, ругань и сифилис, чего не было здесь

* Киска — вареная береста.
** Род ящиков или плоских банок из бересты.

ранее, теперь — обыкновенные явления *. *Население по Ваху пока увеличивается.*

Нижняя одежда здешних остяков — русского покроя; рубахи, визитки, штаны, как у мужчин, так и у женщин: женские платья походят на холодаи татарских женщин.

Летняя верхняя одежда состоит из короткого зипуна **, сшитого из белой или черной байки (сукно); в зимнее же время поверх зипуна надевают или более длинные зипуны на беличьем, бурундучьем, а иногда и на лебяжьем меху; (к ним пришиты короткие воротники из шкур бурундука, горностая или выдры), или парку ***.

Поверх зипуна, а иногда и поверх парки, надевается кумыш или колег (из оленьей шкуры) — длинная, до полу, распашная одежда, с завязками вместо пуговиц, состоящая из двух половин: первая от шеи до бедер, шерстью вверх, а вторая от белер до полу, шерстью вниз. Одежда эта приспособлена для спанья в лесу; для того же, чтобы полы не мешали при ходьбе, средину ее подбирают кверху и перетягивают опояской, с неразлучным ножом в ножнах, от чего кажется, что живот остяка отвесился.

Обувь, как летняя, так и зимняя, состоит из кисовых и кожаных ноговиц, некоторые обзаводятся броднями и сапогами с галошами. Кисовые ноговицы состоят из шкур оленьих ног, облегающих лишь ступню и менее половины голени, к которым пришиваются длинные куски сукна (голенища), у кожаных ноговиц вместо шкур оленьих ног — кожа. Подошвы к ноговицам шьют и из гагарьих шкур.

* Мне приходилось видеть их в самый разгар попойки. Пьяны поголовно, даже подростки девочки: лица исцарапаны, в синяках; пьяные остячки, в мокрых платьях и с пеною на губах, лезли целоваться с таковыми же мужчинами и, обнявшись, падали на песок; кругом все хрипело, сопело и стонало; раздавались ругань и пожелания оборвать голову; у воды на берегу лежала вчера пойманная и теперь разлагавшаяся под лучами солнца рыба...

Мрачная картина мрачна еще и потому, что всех их ожидает то же самое, если вместо необходимой поддержки для них будут открывать винные лавки.

У нас, близ Ларьятского села, не часто встречаются подобные явления, но их можно ожидать с минуты на минуту.

** Очень красивые воротники к женским зипунам шьют из шкур гагарьих шеек.

*** Род короткого зипуна из оленьих шкур, шерстью вверх, с неплотно сходящимися бортами и с завязками вместо одной пуговицы.

Сукно ноговиц расшивают узорами разноцветного бисера.

При надевании обуви ноги толсто и туго обертываются особым чесаным сеном, похожим на коноплю, отчего пальцы инородческих ног всегда сжаты углом.

Мужчины редко носят шапки, в большие морозы завязывая голову шалью или платком; женщины носят платки и шали, связывая под подбородком концы одной из сторон.

Как мужчины, так и женщины курят и нюхают табак, от чего неразлучными спутниками их кроме ножа бывают трубки, кошельки и берестяные табакерки. Табачные кошельки пестрят узорами бисера; кроме того, к ним нашивают пояски с массою колец. Остяки вообще большие любители ношения колец на пальцах: чуть не на каждом пальце у них по 2 кольца.

Питаются остяки большею частью чаем с пресными лепешками (толщиною в вершок, печенными в золе или пред огнем, на палках) и жаренной на тычинках перед огнем рыбою. Далеко живущие от села потребляют немного муки, заменяя ее порсою (мука из рыбы) и рыбою, которую много едят в сыром виде.

Если сварят мясо зверя, птицы или рыбы, то жидкость, кроме жира, не употребляют в пищу. Любят особенно мясо белок; мерзлый глухарь составляет не последнее блюдо; приготовляют лепешки из ягод черемухи; любят пить весенний березовый сок; грибов же и груздей, которых здесь очень много, не едят, предоставляя это оленям, которые едят лишь корни их.

Орудиями для промыслов зверя служат здесь ружья, большею частью кремневые, рогатины, луки, черканы[10] для горностаев и колонков, пасти для зайцев, особо устроенные слопцы[11] для лисиц, кулемы[12] для медведя, имеющие вид бревенчатого угла с наваленными поверх бревнами, которые обрушиваются на зверя, когда он полезет к приманке и заденет насторожку.

На лисиц кладут ловушки из стрихнина. Стрихнин насыпается в гильзу, которая потом обмакивается в сало и кладется в кучке порсы где-нибудь на мысу речки или близ родников, к которым ходят лисицы ловить рыбу; «ловушку» сверху засыпают снегом и ставят над нею прутик. Достаточно лисице перекусить гильзу, чтобы пропасть, отбежав несколько сажен; если же она проглотит небольшой кусочек ее, то околеет тут же на месте.

Старую лисицу, однако, трудно провести: очень осторожно подойдет она, разроет порсу и съест ее, далеко откинув ловушку. Редкий раз лисица попадается под лук или в капкан, которыми здесь почти не промышляют.

Лесных птиц, за исключением куропаток, которых промышляют зимою пленками, ловят слопцами; их ставят и на увалах материков, где много песку и гальки, и на островах.

Горностая и колонка промышляют осенью с собакою, которая разрывает их норы, хватает их или загоняет на лесину, где те и погибают от дроби или стрелы — томара *.

Молодых лисят берут прямо из гнезд и, выкормив их, убивают.

Молодых и ленных ** уток промышляют с собакой: осенью бьют из ружей на садбищах, т. е. таких местах, где они останавливаются для еды. Самым же распространенным способом ловли уток является перевес, которым промышляют весной и в средине лета, когда табуны «мужичков», оставив маток, мчатся на р. Обь линять.

В гривах, где подойдет близко сор с одной стороны, а река или протока с другой, устраивается просека, шириною 6—7 сажен. В наиболее удобном месте, на одной стороне просеки ставят на расстоянии аршина друг от друга два столба, вершины которых чуть не сходятся вместе и соединяются не толстой, вершка 3 в диаметре, перекладиной. В один из столбов врезаются короткие бруски, которые служат лесенками к вершинам. На другой стороне просеки, против первых столбов, устраивают такие же. На перекладины кладутся длинные журавцы (толстые жерди), прикрепляющиеся к ним березовыми лапами так, что лежа на них, они могут вертеться кругом. К комлю журавца привязывают веревку и подтягивают его вниз меж столбов, так что вершина подымается наравне с лесом или даже немного выше. К вершинам журавцов еще ранее привязаны векши (деревянные блоки), в которые продеты длинные вожжи (бечевки).

К одному концу вожжей привязывают не очень тяжелые камни и прикрепляют по одному концу перевеса ***, ширина которого такая же, каково расстояние меж

* Томар — стрела с деревянной толстой шишкой на конце.
** *От слова — «ленять».— Ред.*
*** Перевес — четырехугольник тонкой мережи.

журавцами. Когда потянут другие концы вожжей, камни подымутся к вершинам журавцов,— и стена из сети готова.

Под перевесом, на высоте сажени от земли, растягивают полтон — длинный четырехугольник мотоузной мережи с аршинными ячеями, средина которого приходится против нижних полос перевеса, а концы направлены по длине просеки.

Недалеко от журавцов устраивается станок *, к которому притягиваются концы вожжей и в который садится человек.

В светлые весенние ночи птица перелетает по просекам. Вот мчится небольшой табунок, подлетает на сажень к перевесу,— роженок (палка), сдерживающий вожжи, выдергивается, перевес вздрагивает и, увлекаемый камнями, падает; птица не может сдержать полета, ударяется в него и вместе с ним падает на полтон. Человек бежит, закусывает, без крови, бьющуюся птицу, и затем, подняв за вожжи перевес, отчего птица вываливается, опять сидит и ждет.

Нужно уловить момент, чтобы птица не ударилась в перевес, прежде чем опустишь его, в противном случае может улететь обратно; если же опустить перевес, когда птица еще далеко, то она поднимется вверх или перелетит через перевес.

Перевес белого цвета, и его стараются не пачкать, особенно в крови, чтобы птица не боялась. Добывают в ночь по 20—40 шт. (прежде добывали по 100—150); когда ветер, перевес спускают.

Во время плоховой ** поры (так наз. это время ловли птиц, продолжающееся весь май месяц) ловят рыбу; ловят ее мордами, которые ставят близ берегов проток и речек, и сетями, когда она идет нерчиться — метать икру. Главным образом добывается язь и небольшое количество щуки.

Промышленники, разъезжая в легких облазках, ставят сети по сорам — ближе к мелкому ракитнику, в проходы между ним, между гривами; сети выкрашены под цвет воды.

Когда ездят по сору, то выдергивают травинки и смотрят, нет ли на них икры; если икра окажется, то

* Станок — небольшой сруб.
** Плохи — просеки.

окружают это место на большом расстоянии сетями, зная, что добудут рыбу, так как она мечет здесь икру. Язь нерчится большею частью на быстром течении, где-либо вблизи перекатов; укараулив его в таких местах, неводят сетями, как неводом; добывают по 100—150 голов на один облаз в ночь.

Главный промысел продолжается менее недели и зависит от погоды: в хорошую погоду рыба нерчится на мелких местах, где ее легко добыть; в худую же уходит на глубь, и тогда прощай хорошая добыча,— придется дожидаться другого времени — варовой поры.

Варовая пора начинается тогда, когда вода немного сбудет, и разошедшаяся по сорам и озерам рыба начинает выходить в реку. Таких выходов обыкновенно бывает один-два.

Их перегораживают жильниками * недалеко от устья. На большом расстоянии от берега в запоре устраивают отверстие, в вершок шириною, острым углом выдающееся наружу, как бы проход для рыбы. К этому отверстию примыкает с наружной стороны огороженное от берега жильником пространство, сажени 4 в длину и до $1^1/_2$ в ширину. Зайдя в эту комнату, рыба не имеет выхода и вылавливается небольшими неводами. Кроме того, с другого конца запора устраивают небольшие подобные ловушки, из которых черпают ее огромными саками, сделанными из черемуховой драни и переплетенными кедровым корнем. Рыба подходит к запору, бьется в него, скачет аршина на 2 в высоту и иногда пробивает запор или подкапывается под низ. Массы ее, за исключением нельмы, заходят в котцы **, массы стоят за запором. Тут ее надо успеть выловить, потому что иначе, постояв, она уходит в глубь речек, и часть ее возвращается через день-два, а часть остается в глубоких озерах.

Это самый важный промысел, доставляющий запасы на целую зиму.

Из загороженного вара можно питаться рыбою целое лето. Сбыло много воды, его перегородят, т. е. подвинут котцы глубже, и рыба, под конец щука, опять идет в них, хотя и в небольшом количестве.

В такое лето, когда бывает два разлива, бывает и по две варовых поры.

---

* Жильники — тычинки, переплетенные кедровым корнем.

** Котец — ловушка в запоре.

До листопаду промышляют блеснами щук, нельму и окуней; на песках неводят небольшими неводами; до рекостава ловят близ берегов налима деревянными удами (подобие жерлиц).

Последний промысел рыбы, после которого уже уходят все в материки, бывает осенью. В только что замерзшую реку, близ берегов, ставят морды. Рыба подойдет к берегам, встретит загородку, пойдет по ее направлению и зайдет в ловушку, из которой уже трудно выйти. Морды смотрят раз в день, за исключением замора [13], когда приходится смотреть раза 2—3. Во время замора, бывающего в первых числах ноября, в морду заходит до 100 рыб, большею частью — щука; в другое же время по 10—15 штук. Признаком скорого замора служат съеденные и выброшенные назад щукою рыбы. Весьма многие здешние речки, вытекающие из болот, никогда, даже в большие морозы, не замерзают совершенно. Впадая в глубокие протоки, они привлекают к себе рыбу, которая около них собирается в огромном количестве, глотая живую воду. В таких местах ее неводят и ловят еще иным способом: живое течение приостанавливают, заваливая снегом или землею, а близ берегов протоки наставляют морд и чумов. Мертвая вода протоки нахлынет на рыбу, она кинется к полым берегам, где и набивается в ловушки. Набивается столько, что один небольшой чум вытаскивают несколько человек. Сначала попадает мелкая рыба — ерш, окунь, мохтик (чебак), а потом крупная — щука, налим, язь.

Долго живую воду не задерживают — часов 5 не более, иначе можно погубить много рыбы. Случается, что наберется слишком много рыбы к такому источнику, и если он скоро иссякнет, она гибнет, устилая собою под льдом землю на целые аршины толщиною.

В материках промышляют до зимней ярмарки, которая начинается с средины декабря и продолжается до конца. На нее приезжают остяки с р. Таза, привозят белку, шекура и сырка, икру и порсу из сельди, пригоняют для продажи небольшое количество оленей; приезжают купцы и из г. Сургута.

Инородцы продают на ярмарке привезенное, платят ясак [14], платят за порох и дробь, за товары, которые они берут в долг из инородной управы [15], и за долговую муку. После этой ярмарки инородцы разъезжаются по материкам до весенней, увозя в оленьих нартах необходимые запасы.

Весенняя ярмарка начинается с 15 мая и продолжа ется до 1 июня: оживлена менее зимней, потому чт многие не приезжают по недоступности местности. Он мало чем отличается от зимней. По берегу протоки, лесу за селом, разбивается до 30 кисочных юрт; ночам оттуда слышны песни, смех, плач ребят, звуки бомбр (струнный инструмент) и бубна.

Бум! бум! бум!.. несется по воздуху, вместе с диким возгласами шамана «елта-ку».

Кончится ярмарка, кисочные чумы разбираются складываются в облаза; народ разъезжается; село пустее до того времени, когда придет пароход, каждогодно до ставляющий муку в хлебозапасный магазин [16].

Время стоянки парохода сопровождается обильным попойками.

Уйдет пароход — село опять почти безлюдно и. оживляется только при наступлении ярмарок.

Задумал остяк жениться, посылает своей избранни шаль. Шаль принимается не ею самой, так как ее согла сия не спросят, а родителями. Нравится им жених - шаль оставляют у себя, т. е. принимают предложение, н нравится — отсылают обратно, т. е. отказывают.

Жених узнает о калыме и припасает его менее, че требуют, надеясь, что уступка будет. Окончательно до говариваются о женитьбе спустя много времени посл принятия шали, когда у жениха готов калым; до этог времени жених и невеста «стыдятся» друг друга и есл встретятся, то разбегутся в разные стороны.

В последний день начинается сватанье. Родители родные жениха собираются в одну юрту, родители и род ные невесты — в другую; юрта от юрты близко. Жени сидит у огня, глаз не подымет, слова не промолвит; ко выряет землю пальцами или курит трубку. Невесты ж нет в юрте родителей,— бегает где-нибудь с молодяжни ком или заберется в чужую юрту. Родители жениха по сылают свата. Приходит тот к родителям невесты, начи нает заводить речь издалека, доходит до сущности дела Тут и начинается. Все чернят невесту, выдумывают пр нее разные небылицы; и делать-то ничего не умеет, и родителям непочтительна, и одежду на себе от злост рвет — убыток будет мужу; какая это невеста!

Сват огрызается на них, говорит, что жених — чело век состоятельный, может сшить ей кожаную одежду - пусть-ка порвет; жених — парень не требовательный -

невесте легко будет работать и т. п. Нарочно выбирают доку-свата, умеющего дать ловкий ответ и убедить родителей,— и труды его не остаются без награды.

Потом начинается разговор о калыме. Родители невесты просят много,— сват бежит в юрту жениха; там объявляют, что могут дать. Он к тем. Те сделают небольшую уступку. Сват идет, не торопясь, и объявляет. Те просят уступить еще и т. д. Сват ходит из юрты в юрту почти целый вечер. Достается бедному — ноги на другой день болят. Тот велит спросить то, другой — другое, и все нужно исполнить. Например, велели спросить, сколько у невесты платьев в приданое. Тот идет и спрашивает. Говорят «столько-то». Идет назад с ответом,— «Мало! столько-то надо!» Сват опять идет.

Выряживают количество не только калыма, но и приданого за невестой. Если жених дает оленей, то и невеста несет оленей в приданое, несет и принадлежности для будущего хозяйства: чашки, котлы, топоры (дрова рубят женщины) и т. п. Таким образом, жених обыкновенно в большом убытке не остается. Когда сватанье окончилось, жених отдает калым, а приданое невесты несут к нему; сходятся все в одну юрту,— начинается попойка. А жених сидит, ни на кого не глядит. После попойки к нему притаскивают невесту; та упирается, ревет; посадят их рядком, растянут над ними полог и уйдут.

Если родители не отдают невесту, а она желает пойти, то жених может украсть ее.

Девственниц невест почти не встречается, и жениху приходится довольствоваться остатками. Это зависит от беспризорности девочек: где они бегают, что делают — родители мало обращают внимания; да и женихи не требовательны,— им лишь бы девка была, работала бы, а до ее прошлого нет дела. Прошлые дела продолжаются, так что каждую остячку может взять встречный и поперечный.

Молодая живет, работает, но не бывает рабой мужа, как на Оби, а скорее командует им. Если же муж начинает восстанавливать свои права кулаками, а ей не нравится, то она забирает свое приданое, ребят и отправляется или к отцу, или к родным, обругав его на прощание, как только умеет.

Многие долго живут невенчаными, потому что приезжают в село почти всегда в Великий или в Рождественский посты.

При рождении ребенка присутствует бабка; мужчины все удаляются из юрты, между тем как женщины, которые есть поблизости, собираются в нее.

За несколько часов до родов родильница начинает исповедываться присутствующим во всех своих проступках: крала ли что, жила ли с другими, кроме мужа. Если не покается, роды будут тяжелы.

Во время родов становится на колени; на ней раздирают нижнюю рубашку; если есть сундуки, отпирают их.

Новорожденного обмывают, завертывают в тряпки и дают сосать грудь матери. Имя дают сами, а если священник даст другое, то редко будут звать им, хотя и не забудут его. Крещение совершается иногда через несколько лет после рождения.

Рождению мальчика рады; бездетную сноху презирают.

Если умрет некрещеное дитя, ему дается имя «почак». Он выходит из могилы, кричит жалобным голосом и гоняется за людьми. Едет остяк в облазе, он бежит по берегу и просит перевезти его на другую сторону. Остяк пристает: «Куда же я тебя посажу? В облазе мокро и жестко; беги, неси что-нибудь постлать». Почак убегает и через несколько времени возвращается со множеством мехов дорогих зверей. Садятся и едут. «Что же ты не гребешь?» — говорит остяк. Слабенькими ручонками начинает тот загребать воду и выпадает из облаза. А остяк едет и едет, не оглядываясь назад, как бы ни молил некрещеный ребенок. Почаки живут группами.

Молодая должна «стыдиться», т. е. закрывать лицо при свекрови и даже при дальней мужской мужниной родне. Жена старшего в семье брата не «стыдится» других братьев, но жены тех открывают свое лицо только тогда, когда нет никого из их новой мужской родни. Теща закрывает свое лицо пред зятьями.

Старики строго следят за этим, и если видят, что остячка едва лишь прикрыла лицо — сейчас: «Кхе! кхе!» Знай, дескать.

Тесть и зятевья ни за что не станут купаться вместе.

Большим позором считается обругаться при родне; но, впрочем, здесь редко услышишь худое бранное слово от взрослых остяков, а дальние не любят даже намеков на подобное. В этом отношении здесь строго. Любимая ругань: «Амп! кынлюг!» (собака! черт!), которая употребляется и в смысле похвалы.

Детей своих как отец, так и мать любят до крайности. Редко увидишь, чтобы они наказывали их, а если и наказывают, то те обороняются чем попало, ругая родителей и русской, и остяцкой бранью.

Через несколько времени ребенок опять бежит к матери, которая обнимает его и целует, приговаривая: «Веля ма, веля!» (дитя мое, дитя).

Оставшихся сирот отец или мать редко отдают на воспитание другим, хотя бы в юрте не было и куска хлеба.

Захворает ребенок, отец ни за что не пойдет на промысел; сколько бы ни протянулась болезнь — будет сидеть и дожидаться окончания болезни. От этого должно бы быть хорошее отношение детей к родителям, но получается противное: то и дело слышишь жалобы их.

Маленький остячонок приучается к жизни охотника, сопровождая отца везде. Отец или старший учит его узнавать следы, главным образом белки, за которой ходят без собаки, потому что той трудно бегать по глубокому лесному снегу. Став побольше, лет 12, он уже ходит за белкой самостоятельно.

На промыслы отправляются партиями, в 5—6 человек. Если есть олени, то уезжают в дальние материки, где можно больше найти добычи; если же нет — отправляются пешком, таща за собой нагруженные мукой, порсою и проч. нарты.

Придя на намеченное место, разбивают кылас (ставят палки наклонной плоскостью и покрывают киской), в котором оставляют припасы и который служит местом ночлега. От кыласа отправляются ранним утром, напившись чаю, в разные стороны и ходят целый день, не беря с собою еды: возвращаются вечером, варят ужин, часто из белок, греют чайники; сбелковавши добычу [17], ложатся спать. Простояв на одном месте несколько дней, отправляются далее и т. д.

Многие инородцы уходят к верховьям р. Демьянки, за Обь; многие доходят до р. Енисея, Таза, колесят всю местность, ориентируясь направлением речек и болот (все болота имеют направление с востока на запад) и считая время по луне.

Некоторые охотничьи обычаи их очень интересны.

Если несколько человек идут на охоте вместе, убивший что-либо не имеет права взять это, а берет другой. Один убивает, идущие же рядом должны брать, а тот

ни за что не возьмет, хотя бы убитое и осталось тут; что убьют товарищи, берет он, как свою собственность. Такой обычай объясняют тем, что если возьмут убитое сами, то испортят руку, т. е. будут плохо стрелять. Когда здесь было много диких оленей, хорошие охотники убивали массу их, но редко пользовались всем, потому что плохие забирали многое. Не дать им, значило нарушить обычай.

Нашедший след медведя или берлогу может сам не идти на него: каждый охотник, которому бы он ни сказал, пойдет и убьет, взяв себе за труды часть мяса и сала, оставив шкуру и остальное в пользу нашедшего.

Если остяк, ходя в материк за белкой, найдет след медведя, то обязательно сообщит другим инородцам о необходимости прикончить зверя,— сообщит не из-за собственных выгод, а из-за того, что зимой ходит только голодный зверь, который не прочь загрызть и человека. Те бросят все, будут долго искать далеко ушедшего зверя и все же прикончат его. При таком порядке у нас мало медведей,— скотина спокойно ходит, где угодно.

Медведя, задравшего человека, сжигают вместе со шкурою; если съест собаку — сжигают одно мясо.

Однажды ходили в материк отец с сыном. Сына задрал медведь, когда отца не было поблизости. Отец нашел его уже застывшим, закрыл подволоками[18] и отправился в село заявить народу. Собрались человек 5 молодых остяков и пошли. Старик просил их не портить шкуру, а оставить на помин души сына; но когда те нашли медведя недалеко от трупа, то побросали ружья и кинулись на него с топорами, рогатинами и ножами. Шкура этого медведя потом представляла из себя ряды лент и дыр,— до того он был исполосован рассвирепевшими остяками.

Покойников кладут в гроб или в половину облаза; кладут вместе с ним и ружье, и топор, и котел, табак с трубкою также не забывают; с женщиною кладут принадлежности для шитья, куренья — одним словом, снаряжают их в будущую жизнь, как и в настоящую. Сверху закроют кискою — и в могилу; засыплют землею, поставят крест над ним.

Родные, встретившись после похорон, не разговаривают меж собою. Приехав из отлучки домой и увидев, что с ним не разговаривают, инородец уже знает, что в семье покойник. Имя кого-либо из умерших родных никогда не дадут новорожденному.

Могилы посещают: принесут чайники, вскипятят чаю, нальют чашки себе и чашку умершему, поставят последнюю в голове могилы, посидят, выпьют свои чашки, а чашку покойника выльют на могилу; поплачут, посыплют на могилу табачку, потом встанут, поклонятся праху и уйдут.

Верят остяки в живущего на небе Бога, верят во всех злых и добрых духов, чертей и чертовок, колдунов и прочих представителей темных сил.

Идолов у них нет, хотя и носятся слухи, что где-то, в стороне, есть один идол, охраняемый стрелами луков и требующий через шаманов мехов зверей, тканей и даже кровавых жертв. Есть у остяков несколько деревьев, на которые, за исполнение просимого, весятся шали, куски материй, халаты: белые — Богу, черные — черту. В эти же деревья пускают и стрелы, которые красиво выделяются на стволах.

Если кто тяжело захворает, призывают шамана, вера в которого с каждым годом все падает, и просят поворожить, т. е. попросить у Бога за больного.

Шаман начинает играть на бомбре (струнный инструмент) или бубне, колотя в него колотушкою.

Игру свою сопровождает пением, которое то дико, то смешно и в котором часто слышны слова «Ичег Тором» (Великий Бог); собирает все, что только придет на ум; потом затихает, как бы впадая в забытье. Присутствующие молчат. Мало-помалу шаман приходит в себя и сообщает, что шаману нужно дать шаль, ситцу и проч., а он уже отправит по принадлежности, что нужно повесить что-либо на лесину в подарок Богу, и тогда он вылечит больного.

Сказанное исполняется: все покупается, не рядясь, и сдается шаману, за исключением немногого, которое и весится на лесину. Шаманов много, почти каждый готов ворожить, и каждый объясняет болезнь по-своему: один говорит, что больного грызет черт, другой — что болезнь послал Бог: возносят моления тому и другому.

При повальных болезнях, при бедах обращаются к помощи черта, которому обещают или лошадь, или халат повесить на дерево, или шаль.

Обещанную лошадь застрелят, без всяких обрядов перережут ей горло и сдерут шкуру; мясо съедят, шкуру положат в амбар, где она и лежит в продолжение года, по истечении которого режется на ремни.

Таким образом, черт получает только лошадиную душу и право невидимо присутствовать при содрании с нее шкуры. Большею частью шаль также не сдается ему на руки, а кладется в небольшой сундук, из которого потом вынимается и изнашивается. Видя, что его надувают, черт продолжает свирепствовать по-прежнему, загрызая до смерти иногда и самого шамана.

Если нужно испросить улова рыбы, зверя, узнать что-либо, шаман обращается исключительно к чертям, потому что это находится в их ведении.

Колотит в бубен и сзывает их. Послушные зову, летят они к нему, царапают когтями киски юрты, хлопают крыльями, глухо гогочут, наводя ужас на присутствующих инородцев. Потом, если он захочет, подхватывают его и утаскивают. Возвращается он с шумом, как будто бросят его, полежит, пожалуется на неосторожных чертей, расскажет, где летал и что видел и что приказал сделать чертям.

Приказывать могут только собственным чертям, которых есть порядочное количество у старых шаманов и легионы их могут пополняться из легионов других; два враждующих шамана не вступают сами в борьбу, а подвизаются их черти, причем стараются «перекочкать» [19] хозяев друг у друга; черти убитого противника переходят в собственность другого.

Таким образом, может составиться очень внушительная сила, готовая наделать что угодно.

Но как попадают к шаману первые его черти, нельзя ни от кого добиться, даже от самого шамана.

Утверждают, что в заводях живут мамонты, которых порою и видят. В реках находят небольшое количество костей этого животного.

БОГАТЫРЬ РЕКИ САБУНА, ПРАВОГО ПРИТОКА РЕКИ ВАХА *

Самоеды убили сонного остяцкого богатыря и взяли себе оставшихся после него жену и двух малолетних сыновей; вдову выдали замуж за одного из своих самоедов.

* Записано со слов ларьякского старожила Ефима Гаврилова Кайдалова [1], прадед которого был первым священником на Вахе.

Эта семья поселилась недалеко от верховьев р. Сабуна.

Мать не могла привыкнуть к плену и внушала подраставшим сыновьям, что это не их отец, что их отец спит мертвым сном на берегу быстрого Ваха; рассказывала о жизни своего народа, о беспрерывной вражде, царящей между ними и самоедами, и просила их отомстить за нее, но при этом предупреждала, чтобы те не выдали, что знают о своем прошлом, иначе их ждет верная смерть.

Дети так и делали.

Старший рос слабым, малосильным, младший же уродился весь в своего отца-богатыря. То и дело он собирал гагарьи носы и оленьи кости и выделывал из них наконечники стрел. Стрелы же делал такие толстые, что отчим удивлялся, глядя на них.

«Что ты делаешь, сын мой? — спрашивал он порою,— Кого хочешь стрелять такими стрелами?»

«Видишь, теперь кругом война; стрелы нужны нам»,— отвечал мальчик и продолжал делать.

Когда ему исполнилось лет 15, он начал клеить огромный лук.

Отчим рассмеялся: «Не по себе ты делаешь такой лук: такими луками стреляли прежние наши богатыри, а тебе на него и тетивы не наложить».

Но мальчик, не обращая внимания на насмешки, окончил свой огромный лук, позвал брата и, почти не затрудняясь, согнул лук, а брат наложил на него тетиву.

Отчим испугался: а что да он узнает о своем прошлом! Когда мальчик стал пробовать лук, натягивая и опуская тетиву, он издавал звуки отдаленных раскатов грома,— до того был упруг.

Случилось раз, что медведь начал давить самоедских оленей. Самоеды пошли на него. Пошли и два брата со своим отчимом.

«Что же ты не берешь свой лук?» — спросил отчим.

«На эту собаку не стоит и стрел тратить»,— ответил молодой богатырь и пошел сзади всех, лукаво говоря брату: — Не лезь вперед: видишь, сколько у них оружия, а у тебя ничего нет; еще медведь задерет».

Встретившись с медведем, самоеды разбежались. Отчим попал под медведя, который начал его грызть.

«Дети мои, спасите меня! Ведь я вас вспоил-вскормил!» — взмолился тот. «Что!? Собаку бить — так и руки опустились! А моего отца умели бить?» — рассвирепел

богатырь, однако же подбежал к медведю, схватил за загривок и топором разбил ему голову.

Спрятавшиеся неподалеку самоеды слышали все. Они испугались, что он знает о своем прошлом, и порешили убить молодого богатыря, как только представится к тому случай. Случай представился.

В неводу поймали огромную щуку. Все дивились ее величине.

«Что большая! Ничего не большая: одному человеку саграмкой [2] съесть можно»,— не подумавши, сказал молодой богатырь.

«Посмотрим, как ты ее съешь!» — многозначительно сказали самоеды.

Богатырь спохватился, но было уже поздно.

Приехали домой. Он рассказал обо всем матери.

Мать его умела колдовать, о чем однако же никто не знал.

«Не бойся: это не большое дело. Только когда будешь есть щуку, не бросай позвоночной кости, ешь и ее»,— научила она его.

Вскоре пришли вооруженные самоеды и принесли щуку. Богатырь очистил ее и начал есть так, как учила его мать.

«Кость можешь и не есть»,— смилостивились самоеды, но богатырь съел все — мясо и кости.

Самоеды со стыдом удалились и перенесли свои юрты далеко от них, боясь, как бы он в свою очередь не предложил им чего подобного.

Прошло порядочно времени. Самоеды не показывались к ним, они платили тем же. Наконец богатырь не вытерпел.

«Что здесь за народ за такой: никого не видно, как будто пропали все. Пойду, поищу, нет ли живых кого».

«Что же, съезди»,— согласился отчим.

Сел он в облаз и поехал. В одном месте увидел на берегу юрты. Кругом никого из людей, только дым лишь подымается из некоторых юрт, да собаки лают.

Пристал он к берегу, вышел. Выбежали из юрт самоедские ребятишки и начали в него стрелы пускать. Он идет к юртам, стрелы веслом отшибает.

Вошел в юрту — сидят самоеды, поздоровался — и те поздоровались, разговаривать стали.

Посидел он немного, поел и домой собрался, а ребятишки опять начали в него стрелы пускать.

Угодила одна стрела в щеку богатырю. Рассвирепел богатырь, поймал стрелявшего, поднял и бросил на землю. Из того и дух вылетел.

Прыгнул богатырь в облаз и умчался домой. Долго и угрюмо просидел он у огня, ни с кем не говоря ни слова, а потом рассказал про свою поездку.

«Почему же ты молчал? — рассердился отчим,— того и гляди,— они приедут и всех нас перебьют».

Действительно, скоро показались берестяные облаза самоедов.

Сел богатырь в свой деревянный облаз и поехал к ним навстречу. Начали съезжаться. Самоеды пускали стрелы вверх, за дальностью расстояния; они долетали, но не причиняли вреда ни ему ни деревянному облазу.

Начал стрелять и богатырь из своего огромного лука. Его стрелы пробивали берестяные самоедские облаза, те начинали тонуть, и ему не стоило никакого труда перебить плавающих. Некоторые самоеды погибли от стрел, другие утонули, а остальные повернули облаза и уехали.

Покончив с самоедами, богатырь убил и своего отчима, несмотря на его мольбы; взял мать с братом — и поехали вниз по Сабуну. Молва о его подвигах разнеслась далеко; при его приближении многие разбегались, другие же выходили с покорностью.

В одном месте самоеды пришли к нему и просили избавить их от своего же богатыря, обижавшего их самым бесчеловечным образом. «Почему вы не убьете его?» — спросил богатырь.

«С ним ничего нельзя сделать,— ответили те,— наши стрелы проходили его насквозь, но он оставался невредим. К тому же кольчугу себе с Оби привез. Ничем его теперь нельзя взять».

— Разве всегда он носит кольчугу на себе?

— Нет. Ночью снимает и кладет под нарту, близ юрты.

— А где спит?

— Спит в юрте, сбоку двери; жену же свою кладет против двери.

— Ляжем спать, а завтра увидим, что делать,— решил богатырь.

Все уснули, не спит лишь богатырь. Поднял он брата, забрали необходимое оружие и поехали к юрте богатыря-самоеда. Приехали. Кругом тихо, даже собак не видать. Подошли к юрте. Богатырь нашел под нартою

кольчугу и надел на себя; подошел к двери и пуст стрелу сквозь нее в то место, где предполагал самоед

За дверью послышался стон. «Убили!» подумали б тья,— но в то же время из юрты выскочил велика самоед, держа в руках огромный лук с наложенной тетиву стрелою.

С визгом помчалась стрела в грудь остяка, уже отс чившего от юрты, ударилась, но отскочила, встрет кольчугу.

Остяк-богатырь пустил стрелу. Она пронзила самое насквозь, но не причинила ему никакого вреда.

Богатыри кинулись друг на друга. Самоед оказал сильнее. Через несколько минут остяк уже лежал земле. Увидел это старший брат, собрал все свои сил подбежал и нанес смертельный удар в шею самоеда.

Братья вошли в юрту. Около двери лежала пронзе ная стрелой жена самоеда. Вероятно, самоед спал пр тив двери.

Забрали они из юрты лучшее добро, пошли по ла зам и из них выбрали что получше и спрятали непо леку; потом, как ни в чем не бывало, воротились к сам едам, которые еще спали.

Проснулись самоеды и начали собираться на сво богатыря.

«Он уже спит»,— сказали братья и рассказали о всем.

Все обрадовались и поехали к юрте самоеда. оставшееся добро было разделено, причем братья по чили лучшую часть. Оленей себе не взяли. «Это он у в взял, вашего же нам ничего не нужно».

Было интересно знать, почему стрелы не причиня никакого вреда самоеду. Сбеловали его, разрезали ра и увидали, что они заполнены медными опилка Теперь только догадались самоеды, для чего он пил мель и ел эти опилки.

Отсюда братья беспрепятственно уехали на Вах к сво остякам.

Напуганные самоеды уехали с Сабуна на Таз, пред ставив остякам тогда богатые места.

Во время своих охот остяки р. Ваха встречаются верховьях Таза с самоедами.

«Зачем пришли сюда? — встречают те их.— Не х тите ли и эту землю отобрать, как отобрали Вах Сабун?»

«Теперь не те времена, теперь нет войны,— отвечают остяки,— теперь нельзя бить друг друга: у царя руки долги, всех достанет».

Однако некоторые из самоедов поговаривают, что не мешало бы «перекочкать» коротковолосых (за последнее время большая часть остяков стригутся) остяков, длинноволосых же не следует, потому что более походят на них.

С. Ларьякское.
1909 г., лето

ВАХОВСКОЙ ОБЛАС

I

Местными судами для сообщения во время навигационного времени на р. Вахе служит небольшое количество «каюков», крытых лодок, поднимающих в среднем от 50 до 80 пуд.* и передвигающихся с помощью 1—2 пар гребей, с рулем или боковым кормовым веслом, и «обласов», однодеревок, передвигающихся с помощью весел и являющихся одновременно специальными судами для промыслов.

Облас — национальное остяцкое судно, которое, повидимому, должно сохраниться и пережить самих остяков; оно распространено по рекам северной части Тобольской губернии не только среди инородцев, но и среди русских и имеет свои, сообразно местным требованиям, особенности, благодаря чему в бассейнах той или иной реки или даже в различных ее притоках как тип обласа, так и его производство различны.

И чем более мы будем вглядываться в эти особенности, тем более отыщем характерных черт, указывающих и на тип местности, в которой сделан облас, и на посадку ездока, и на большее или меньшее искусство, с каким он сделан, и на многое другое. Напр., на Оби, между с. Верхне-Лумпокольским и г. Сургутом, где в обласах приходится перевозить большие тяжести, можно встретить ветловые обласа, поднимающие до 100 пудов, тогда как на р. Вахе самый большой облас поднимает 20—40 пудов.

* Кроме этих каюков есть каюки торговцев, поднимающие от 200 до 300 пудов, но в них ездят лишь с торговой целью.

Обской облас указанной местности тяжел и широк, что необходимо для устойчивости на волнах, но в то же время с достаточно остроовальным дном, острыми водорезами и невздернутыми от воды кормой и носом, чтобы обладать таким ходом, какой необходим на быстром течении реки. Совершенно особую форму имеет облас низовьев р. Оби: он легок, с плоским, по сравнению с первым, дном, с тупыми водорезами, со вздернутыми от воды кормою и носом и высокими пришивными бортами, что опять-таки требует не быстрая, но огромная ширина низовой воды, поднимающаяся саженными волнами при бурной погоде. Ваховской облас непохож на эти два типа: он очень легок, узок, по сравнению с длиною, с остроовальным дном, острыми водорезами и низкими бортами,— условия, необходимые для быстрого хода, но мало пригодные для устойчивости на волнах — это опять требования местности, имеющей узкие, но быстрые воды. Устройство распорок в обласах одной и той же реки Ваха весьма различно: в одних — третья от кормы распорка, где обыкновенно сидит ездок,— широкая сверху, в других — узкая, но выбранная овалом от носа, в третьих — ничем не отличающаяся от прочих: в первых при езде седок садится на распорку, упираясь коленями в дно обласа, в других он садится на дно, свернув калачиком ноги и упираясь спиною в овал распорки, в третьих он садится на дно за распорку. В таких обласах ездят обыкновенно двое или более, смотря по его размеру. Самое производство обласов на р. Конде совершенно другое, чем на р. Вахе: ваховской остяк удивится, когда узнает, что на выделку обласа кондинские остяки тратят не одну неделю (судя по описанию «Изделия остяков Тобольской губернии», изд. Тоб. Губ. Музея), тогда как он может окончить в 2—3 дня облас среднего размера.

Ваховские обласа можно разделить на 3 типа: большие, средние и малые. Общий их признак — узкость, по сравнению с длиною, большая ширина и глубина к корме, нежели к носу, выпукло-острое дно, острые, не поднимающиеся над водою при правильной нагрузке водорезы кормы и носа и резвость хода; делаются они из осиновых стволов.

Большие обласа, поднимающие от 20 до 40 пуд., служат для дальних переездов с семьею и пожитками и для перевозки закупленных жизненных продуктов и продуктов собственных промыслов. Они — сажен до 3 длиною,

в аршин шириною и четверти в 2 глубиною к корме, в $^1/_2$ вершка толщиною, с 10—12 поперечными распорками. Один человек средней силы в состоянии перетаскивать такой облас через небольшие волока.

Средний облас, поднимающий до 8—15 пудов, предназначен для весенних и осенних промыслов, длиною до 2 саж., четверти 3 шириною и до 1,5 четвертей глубиною, в $^1/_4$ вершка толщиною, с 7—8 поперечными распорками. Он приблизительно в 2 раза легче большого обласа.

Малый облас поднимает лишь немного более одного человека с собакою и дневным запасом пищи и предназначен для летних охот за утками и лебедями, когда его приходится перетаскивать через длинные, часто зыбунистые волока; длиною он до 1 сажени и более, четверти в 2 с небольшим шириною, до 1—$1^1/_4$ глубиною, менее $^1/_4$ вершка толщиною, с 7—8 поперечными распорками; очень легок.

На приготовление обласа среднего размера, начиная от вырубки сырорастущего дерева и кончая спуском сделанного из него обласа в воду, ваховской остяк тратит в среднем 3—4 дня, но при достаточно напряженной работе хороший мастер может окончить его в 2—3 дня.

Сделанный облас остяк смолит редко (только тогда, когда он живет по соседству с русскими), потому что смоленый облас становится далеко тяжелее; разрывы несмоленого обласа от солнечных лучей редки: перевернутый на песок вверх дном, он без вреда может долгое время выносить довольно сильный припек.

Стоимость нового обласа, смотря по его отделке, качеству дерева и размеру — от 3 до 10 рублей. Мастеров, специально занимающихся лишь выделкою обласов, по р. Ваху нет: это — работа меж делом, но хорошие мастера славятся и в свободное время занимаются этим делом, которое как бы становится их навязанной специальностью. Одновременно с выделкою обласов мастера занимаются и выгонкою весел.

Весел два рода: мужские и женские.

Мужское делается из кедрового или соснового кремля [2] (кедровый кремль, как более легкий, предпочитают сосновому), который, подрубив снизу, откалывают большею частью от растущих деревьев. Длиною весло около $2^1/_2$ аршин, с длинною, в аршин, и широкою, четверти в $1^1/_2$ в средине, тонкою, слегка изогнутою лопастью.

Стержень близ лопасти имеет водорезные грани и на конце мульгу, поперечную резную ручку, в средину которой проходит конец стержня.

Женское весло делается из березы и в $^3/_4$ приблизительно менее мужского, с короткою, остроконечною, сердцевидною лопастью, сильно выгнутой от основания. В стержне его часто прорезывают для украшения продольные отверстия.

Лопасти мужского и женского весел иногда окрашивают в черный цвет, никогда не смываемый. Для этого лопасть горячо нагревают над огнем, посыпают котельной сажей и втирают ее в дерево куском древесной серы[3].

При езде мужчина гребет своим веслом так, чтобы выпуклая часть лопасти ударяла воду, женщина же наоборот: гребет вогнутой стороной, сильно бурля ими. Женское весло по своей форме негодно для кормы.

В настоящем очерке мною описано производство среднего размера обласа, которое мне неоднократно приходилось наблюдать от начала до конца.

2

Среди довольно густой гривы, идущей от материка, росла высокая, четверти в 3 толщиною близ корня, осина. Проходя около, остяк часто останавливался и с нескрываемым удовольствием оглядывал ее прямой и чистый ствол. «Хорошее дерево для обласа»,— говорил он. И вот в начале июня, когда деревья покрылись молодыми листьями и налились свежим, душистым соком, остяк пригласил на помощь другого остяка, и они вместе срубили осину.

Она упала, цепляясь сучьями за сучья близстоящих подруг, раскидистых берез и густых кедрин. Остяки отскочили и смотрели, как она сначала плавно, слегка задерживаясь, потом все быстрее и быстрее, с шумом и треском от ломающихся сучьев, упала на землю, на сухой валежник и мох.

«Упала»,— сказал один из остяков и посмотрел на другого. Тот не ответил ничего и молча направился к осине. На протяжении 2 сажен они очистили от сучьев ее корневую часть и отсекли от ствола. Потом они очистили ее от коры, обтесали концы, придав им наружные формы кормы и носа, подложили «катки» — очищенные

от коры палки — как под нее, так и по ближнему направлению до близ подошедшей воды, и по ним легко сдвинули болванок обласа в воду.

Тяжелый болванок почти весь ушел в воду. Его привязали веревками к боку обласа, носом вперед, чтобы он резал воду и не задерживал хода.

Комары погоняли остяков, и скоро облас пересек быстрое течение Ваха и ходко пошел по тихим водам сора.

Болванок обласа по двум каткам выкатили на низкий песок близ юрты. Остяк стал направлять инструменты. Кроме общеупотребительных топора, ножа, сверла и струга, всегда находящихся в исправности, есть еще два специально предназначенных для выделки обласов инструмента, это «сугэл» и «кур».

«Сугэл» — род известного в плотничном деле пазника, но с коротким, $1^1/_2$—2 вершка длины, и широким, лопато-желобообразным (середина желоба — плоская, до 1—$1^1/_2$ вершков шириною, края — до $^1/_2$ вершка высотою, загнуты внутрь полукруто носом-лезвием. «Сугэл» крепко насаживается на прямое, в аршин длиною, березовое топорище.

«Кур» — такой же, как и «сугэл», формы желобообразная лопатка, в $^3/_4$—$^1/_2$ менее лопатки «сугэла», с $1^1/_2$—2 верш. в длину и в вершок в диаметре широкого места, с втулкою вместо обуха.

«Кур» насаживается на тонкий, крюкообразный березовый черен, втулкою на крюк, на котором может быть по мере надобности повертываем и вновь закреплен «подсаживаньем».

Подобная посадка необходима потому, что этим инструментом приходится выбирать и подчищать через верхнюю борозду дугообразно вдающиеся внутрь бока болванка обласа, благодаря чему, не имея возможности достаточно изменить положение черена, часто приходится менять положение самого инструмента.

Направив инструмент, остяк топором выравнивает наружную сторону болванка, стесав его тупее к корме и острее к носу, соблюдая, чтобы их водорезы приходились по одной линии, посредине болванка. Средину болванка он почти не трогает, лишь подчищает кой-где выдающиеся места. Потом перевертывает его дном вниз и вверху, посредине, начинает выбирать «сугэлом» прямую борозду, начав ее четверти на 3 от конца кормы

и столько же не доводя до конца носа. Борозда — вершка 3 в ширину и в четверть глубиною.

Иногда на этом протяжении «сугэлом» выбирают не сплошную борозду, а лишь такой же ширины и глубины четвертные углубления, четверти на $1^1/_2$—2 одно от другого, оставшиеся же места высекают топором, что ускоряет работу. Ширину продольной борозды остяк увеличивает топором, шире (четв. на $1^1/_2$) к корме и уже (на четверть) к носу, потом сугэлом выбирает ее в глубину, вершка на 2 до поверхности противоположной стороны — дна. Выбрав борозду, топором выбирает еще нетронутые внутренности кормы и носа почти в их естественную длину и толщину, подчищает их сугэлом и крюком и тремя этими инструментами через борозду выбирает внутренности боков, сохраняя в $1—1^1/_2$ вершка их толщину. Начерно окончив выборку внутренности, он топором стесывает толщину боков около борозды и выравнивает их сверху, придавая им выпуклую посредине и понижающуюся более к носу и менее к корме форму, благодаря чему нос и корма кажутся слегка вздернутыми. Эта выпуклость необходима,— иначе, по разводке, получится сильно вогнутое положение бортов; потом перевертывает облас вверх дном и окончательно остраги вает стругом его наружную сторону.

На всю эту работу требуется день-полтора времени. Остяк не торопится: поработав немного, он порядочное время отдыхает, куря трубку и лениво посматривая на струящуюся по песку воду и на залитый водою дальний лес. Иногда придет товарищ из ближней юрты — необходимо поговорить,— время отдыха увеличивается.

Отделав поверхность обласа, остяк приготовляет «пурунт» — маяки. Маяки — круглые сосновые колышки диаметром в ширину сверла и длиною в нужную толщину обласа, служащие для соблюдения размеров толщины при окончательной отделке внутренности обласа. Для приготовления их берут соответствующей толщины доску, высверливают в ней до 100—150 отверстий, вколачивают в них маяки, чтобы они слегка выходили из противоположной стороны доски, и срезают их с другой ровно с поверхностью. Выходящие концы маяков чернят, смочив водою и натерев головешкою, и сушат, чтобы чернота не спала. С наружной стороны обласа тем же сверлом высверливают глубиною в его длину, от 100 до 150—200 отверстий, смотря по величине обласа, начиная

от основания кормы и до основания носа, располагая их правильными рядами, на $1^1/_2$—2 четверти один от другого. В каждом ряду от 7 до 8 отверстий, начинающихся вершка на 2 от края борозды и идущих кругом, на расстоянии 2—3 вершков одно от другого, до противоположного края борозды. В отверстия вколачивают маяки.

Покончив с маяками, снова перевертывают облас дном вниз и окончательно выбирают и подчищают внутренность до выходящих черных концов маяков, иногда захватывая и их, причем края борозды (борта) оставляют на ширине $^1/_4$ вершка внутри толще боков, в $^3/_4$ вершка при толщине боков в $^1/_2$ вершка и менее, получается неширокий навес, идущий краями внутренней стороны бортов от основания кормы и до основания носа. Под этот навес в проделанные отверстия по разводке обласа вгоняются концы распорок.

На водорезы кормы и носа, по их длине, остяк врезает и приколачивает деревянными или железными гвоздями по сосновой бланке, сливающейся с водорезом. Эти бланки предохраняют облас от продольных расколов при встрече с препятствием, особенно со льдом; в противном случае подобные расколы часты.

Наступает вечер второго дня, облас готов для разводки. Остяк постукиваньем еще проверяет его толщину, достаточно проверенную при работе, заходит с кормы и носа и на глазомер, не обманывающий его, проверяет расположение боков, водорезов... Нет, больше нечего делать: облас готов для разводки.

Если облас сделан из лежалой осины, уже высохшей и не имеющей сока, его погружают в воду мокнуть, иногда на сутки и более, и уже потом приступают к разводке, сделанный же из сырой и сочной осины облас не нуждается в моченье.

На песке разводят достаточной силы костер, длиною в длину обласа. Облас помещают ближе к огню и нагревают то той, то другой наружной стороной, то дном так, чтобы с внутренней стороны показалась испарина *. При разводке на основание кормы и носа, четверти на 2—3 от их концов, надевают «жемы», доски, с вырезанными в них отверстиями, шириною — в ширину основания кормы или носа и глубиною в четверть. Эти жемы

* Хорошие мастера при достаточно гибком дереве разводят облас и без нагревания.

предохраняют бока обласа от могущих получиться близ линий водорезов кормы и носа разрывов.

Разводят постепенно, начиная большею частью с средины, переменяя то одну, то другую разводку и заменяя ее разводкой немного большей длины, и, заметив, что в разводимом месте облас остыл, снова подогревают его и разводят дальше. Бывает, что который-нибудь из бортов обласа не поддается разводке, тогда как неестественно разводится другой; тогда на краю его, на навесе, делают до десятка заруб сильно, так что дерево начинает тлеть, подогревают его, давая в то же время остыть противоположному борту, и разводят.

Бывает, что выпучивается какое-нибудь место бока или дна. Тогда под навесы вгоняют толстую распорку, а под нее — один из концов вертикальной или наклонной, смотря по местоположению выпуклости, распорки, другой конец которой приходится на выпуклое место, на наложенную поверх него щепу, чтобы не портить дерева.

Разведя облас и горизонтально выправив (острогав) кромки бортов, вгоняют между бортами навесы (от 6 до 10, смотря по длине обласа) настоящих распорок, концы которых закрепляют сверху деревянными гвоздями, просверлив для них сверлом отверстия, проходящие через средину бортовых навесов концы распорок и выходящие около внутренней стороны бортов.

Несмотря на медленную разводку и проч. принятые предосторожности, в обласе иногда все же случаются расколы. Их сшивают кедровым корнем. Для этого по обе стороны раскола, на расстоянии $^1/_2$ вершка от него, сверлят отстоящие на вершок одно от другого отверстия. Между отверстиями, поперек раскола, с наружной стороны ножом прорезывают узкие борозды глубиною в $/4-^1/_2$ толщины обласа, и через отверстия, предварительно стянув облас веревкою так, чтобы раскол сжался, корнем стягивают его стороны, так что корень, входя в борозды, почти сливается с поверхностью обласа. Сверловые отверстия заделывают колышками и все это с внутренней и наружной сторон заливают кедровой серой, насыпав ее и расплавив горячим обухом топора. Сера застывает быстро и крепко и вполне предохраняет облас от течи.

В обласе случаются гнилые сучья. Их вырезают и вырезанные места заделывают с внутренней стороны или корою или деревом, заливая сверху серой.

Облас кончен. Остяк садится в него и, пробуя, взад и вперед ездит на нем по быстрине пред собравшимися на берегу соплеменниками,— и радостью наполняется сердце его, когда они криками выражают похвалу мастеру, сделавшему такой быстрый и легкий облас.

Солнце садится. Наступает вечер третьего дня.

С. Ларьякское.
1913 г., июнь

ЛУК ВАХОВСКИХ ОСТЯКОВ И ОХОТА С НИМ

Много времени должен был прожить ваховской остяк и много наблюдать прежде, чем его незаменимое охотничье оружие старины — лук со стрелами — из простой древесной палки с ременною или древесною же тетивою и неоперенной стрелой с наконечником из кости или клюва гагары стало таким, каково оно теперь. А его еще и в наши дни более удобное современное охотничье оружие — ружье — не можеть вытеснить совершенно.

Видов лука два: самый простой вид — это лук сторожевой, сделанный из одного куска кремля *, с простою веревочной тетивою, с несложной, но остроумной системой насторожки; другой же, более сложный вид — боевой или охотничий лук.

Рассмотрим сначала второй тип лука и охоту с ним.

Этот лук, длиною иногда в сажень, иногда менее, и различной в своих частях толщины и формы, замечательно плотно склеивается рыбьим клеем из частей трех пород деревьев: внутренняя часть, к тетиве, из елового или кедрового кремля; на ней — такая же, лишь меньшей толщины, из березы; у двух концов по одному как бы пальцу с зарубкой — из черемухи. Поверхность склеенного лука оклеивается тонкой берестяной пленкой.

Чтобы лучше представить себе устройство лука, последуем за остяком-охотником, которому понадобилось сделать себе лук.

* Сернистая, твердая часть хвойного дерева.

Первая его забота — отыскать подходящее дерево; он отправляется в «материк», покрытый смешанным лесом. Темен лес; в самую глушь его, в глубину какой-нибудь «саймы» * забирается он: там тоньше и прямее деревья; они стремятся как бы вырваться из мрака; тянутся кверху, мало раскидывая сучьев внизу, но зато темной и густой шапкой развертывают свою вершину.

В лесу остяк долго ходит, останавливаясь пред слегка изогнувшимися средней толщины и вышины елями, на значительном протяжении чистыми от сучьев, и пробуя их: он знает, что на всем протяжении горба, т. е. продольной выпуклости, есть кремль, но не везде он одинаковый. Остяку нужно, чтобы слои кремля были расположены ровно и чтобы он был не ломок, т. е. не очень сернист. Пробуя, остяк вырубает зарубку: иначе не узнаешь расположение слоев; он отщепляет щепку, сгибая которую узнает гибкость кремля.

Перепробовав несколько деревьев, остяк находит подходящее и срубает его близ корня, потому что чем ближе к корню, тем лучше кремль. От срубленной лесины, от нижней ее части, он отрубает чурку в сажень длиною, у которой стесывает всю внутреннюю, содержащую мало и плохого качества кремль, вогнутую сторону, а из оставшегося горба начинает вытесывать болванок одной половины лука, в вершок приблизительно толщиной и вершка в 2 шириною.

Покончив с кремлевой частью, остяк отыскивает средней толщины березу, также на значительном протяжении без сучьев, слегка и ровно изогнувшуюся, отщепляет от нее узкую и длинную щепку и пробует ее гибкость. Срубив и отделив такую же, как и от елового дерева, часть, он вытесывает из ее боковой части, избегая сердцевины, такой же, лишь меньшей толщины, болванок второй половины лука. Теперь его дела в материке покончены; нужно отправиться в смешанную гриву, или идущую от материка и почти в виде круга охватывающую подошедшую курью, или — на островную: там, близ воды, есть много черемошнику, в материке же он и редок, и плох. В черемошнике остяк высекает два, четверти по полторы длиною и вершка $1^1/_2$ толщиною, куска черемухи на пальцы к луку, очищает их от коры и отправляется домой.

* Буерак с бегущим в глубине его ручьем.

Частям лука необходимо дать просохнуть дня 2—3, смотря по погоде. Потом кремлевая и березовая части опять обтесываются топором: кремлевая — шириною вершка в $1^1/_2$ и почти в вершок толщиною посредине, постепенно утончаясь к концам до $^1/_4$ вершка; березовая — такой же ширины, толщиною же в средине до $^1/_2$ вершка, к концам — до $^1/_4$ вершка; после этого их начинают остругивать на колене ноги самодельным ножом.

Кремлевая часть, выструганная окончательно, имеет форму планки, одна из плоскостей которой закруглена, длиною до $2^1/_2$ арш., в $^1/_2$ вершка толщиною и шириною посредине. Толщина от средины закругленной стороны постепенно по направлению к концам становится тоньше и доходит до $^1/_8$ вершка. Что касается ширины, каждая половина планки, на расстоянии $^1/_2$ вершка от средины планки, постепенно расширена, причем, достигнув наибольшей ширины — одного вершка — в своей средине, далее постепенно сужена к концу до $^1/_4$ вершка. Березовая часть принимает такую же форму, но только меньшей, до $^1/_4$ вершка в средине и $^1/_8$ вершка к концам, толщины, с ровными плоскостями обеих сторон. Покончив с этими частями, остяк вырезывает из черемухи пальцы, длиною в четверть. Каждый палец имеет на одном конце, толщиною в вершок, зарубку для ушей тетивы, почти в средине своей по длине — уступ, в $^1/_4$ вершка высотою, от которого скашивается к своему другому концу, как клин.

Кремлевой части необходимо придать выгнутую форму, начиная от средины к концам; остяк делает гибало: стесывает с одной стороны имеющую такую же длину, как и кремлевая часть, и вершка 2 толщины жердь, начиная от средины наклонно к тому и другому концам, причем у самых концов делает более крутые, до противоположной стороны, наклоны и к полученной плоскости притягивает «саргами» * кремлевую часть, ровной плоскостью вниз.

Чтобы закрепить за кремлиной (кремлевая часть) приданную ей форму, кремлину необходимо на гибале же пропитать кедровой серой. Остяк разводит небольшой огонь, над ним сильно подогревает открытую, на-

* Сарга — кедровый корень, употребляемый как перевязочный материал вместо, напр., лыка, бечевок и т. п.

ружную часть кремлины в каком-либо одном месте и, не дав ей остынуть, втирает в нее чипом * мелко распорошенную серу, легко тающую на горячем дереве и впитывающуюся вовнутрь. Заметив, что сера застывает, остяк снова подогревает кремлину, в этой же части, над огнем и снова втирает серу, пока дерево не насытится, т. е. перестанет принимать серу. Так постепенно пропитыванье происходит по всей длине кремлины. Потом остяк отвязывает кремлину от гибала, перевертывает, кладет ее другою, пропитанной плоскостью на плоскость гибала и перевязывает их вместе лишь посредине, концы же и средина каждой половины кремлины, уже выгнутые и закрепленные с одной стороны, поднимаются над гибалом. Новую наружную сторону кремлины остяк также пропитывает серой и при этом еще более увеличивает ее выгнутость, расставляя между нею и гибалом, начиная от концов и по мере пропитыванья, деревянные распорки. Придав кремлине достаточную выгнутость, остяк отвязывает ее от гибала и очищает ножом не впитавшуюся серу. Потом складывает вместе, внутренними совершенно плоскими сторонами кремлевую и березовую части и крепко перевязывает их посредине. Не будучи выгнута, березовая часть, когда ее средина притянута к кремлине, плотно пристает к ней на всем протяжении своих сторон,— получается как бы одна дугообразная деревина, с кремлевою стороною наверху выгиба и березовою — внизу.

Теперь остяк приступает к склеиванью частей. Клей уже разогревается пред костром, в берестяной «чумашке» на тычинке. Остяк разжимает с одного конца две сомкнувшиеся части, просунув меж ними пальцы одной руки, другой же быстро смазывает клеем разошедшиеся плоскости, слегка подогревает их над огнем и, отняв пальцы, от чего плоскости опять смыкаются, крепко обвивает их на всем протяжении саргой. Потом он развязывает средину, быстро раздвигает и смазывает плоскости средины и другой половины, подогревает и, сомкнув, перетягивает саргой. Чтобы сарги еще крепче стянули части лука, между ними и частями, на протяжении одной стороны, череном ножа он вкладчивает тонкие, длинные клинья. Склеенные две части сушатся

* Чип — древесная мелкая стружка, употребляемая вместо тряпок для вытирания.

в продолжение дня, потом к концам их, освобожденным от сарги, сверх березовой стороны остяк приклеивает тонким концом по пальцу. Толстый конец пальца становится концом лука, уступом закрывается конец склеенных частей, а нижний, тонкий конец пальца плотно прилегает к березовой части и как бы сливается вровень с ней. Склеенные части притягиваются саргами, чтобы крепче пристали, и окончательно склеенный лук опять кладут сушить в продолжение дня. Приклеенные пальцы увеличивают на $^1/_4$ вершка толщину концов лука и, составляя с этими концами как бы одно целое, увеличивают длину каждого конца лука вершка на два.

Сушка окончена, лук освобождают от сарги, обделывают окончательно ножом и приступают к оклейке его тонкой берестой, предохраняющей лук от сырости. Береста снимается с несучковатой части средней толщины березы, растущей на крепком, высоком месте, не затопляемом водою. На такой березе береста белая, мягкая, чистая, без расщелин и лишаев. Остяк ножом делает на намеченной поверхности ствола вертикальный разрез приблизительно в четверть или полторы длиною, проходящий вглубь не до самой древесины, а до внутренней, светло-зеленой коры. От концов вертикального разреза наружной коры в какую-либо одну сторону остяк делает небольшие разрезы горизонтальные такой же глубины; потом концом ножа осторожно отделяет наружную кору бересты в сторону горизонтальных разрезов от внутренней коры на всем протяжении вертикального разреза. После этого он начинает отдирать бересту уже руками в том же направлении, помогая ей местами лучше отделяться именно там, где почти незаметные зачатки сучьев держат ее. Береста легко отстает, и скоро отделяется кусок ее, шириною в пространство между горизонтальными разрезами. Как известно, береста, т. е. наружный слой березовой коры, состоит из многих, плотно прильнувших друг к другу, но без особого труда разъединяющихся тонких слоев, неодинаковых по окраске. Эти слои разделяют и выбирают более тонкие, преимущественно внутренние пластинки; верхний же, наружный пласт бересты, белого цвета, бросается как непригодный.

Отобранная береста еще груба и не имеет достаточной мягкости; ее нужно «проварить». Свернув трубкой бересту, остяк кладет ее в наполненный водою чайник или котел, прикрывает последний сверху и начинает

варить на медленном огне, не давая воде закипать. Проваренная таким образом почти в течение часа береста уже годна к употреблению. Чайник снимают с огня и дают воде и бересте слегка остыть. Остывшую бересту остяк вынимает из воды, берет нужную ему пластинку, выравнивает ее ширину немного более длины окружности того места лука, которое он будет обклеивать, и, положив на лопасть весла, разглаживает бересту рукою, сгоняя с нее избыток воды; потом он смазывает клеем одну сторону ее, подогревает ее над огнем и быстро наклеивает на лук начиная с березовой стороны, так, что длина пластинки приходится своею срединою по длине лука, а шов образуется на кремлевой стороне. Так же быстро наклеивается далее по длине лука вторая пластинка, слегка прикрывающая своим концом конец первой, третья и т. д. до конца.

Наклеенные пластинки остяк протирает сверху сначала мокрым теплым чипом, чтобы лучше разошелся клей, потом — сухим, чтобы взять избыток воды, и оклейка кончена. Лук опять кладут сушить часов на 5. Особенность высушенного и ненатянутого лука та, что положение выгиба его сторон, начиная от средины и до пальцев, обратно тому, которое он получает, будучи натянут. От этого получается большая его упругость.

К луку необходима тонкая тетива, имеющая на концах уши. Она свивается из двух прядей или купленой конопляной кудели, или же из кудели собственной выработки, т. е. крапивной. Остяк вьет сидя, свернув под себя калачиком ноги, вьет пальцами обычным способом, как свивают из кудели бечевку в две пряди.

Когда которая-нибудь прядь станет тоньше или уже кончается, остяк подкладывает кудели, так чтобы пряди стали одинаковой толщины. Свив бечевку длиной до 2 четвертей и совсем тонко к концу, остяк складывает бечевку вдвое, причем состоящие из четырех прядей два конца ее складываются в две пряди, и витье продолжается. Получается таким образом петля — «ухо» тетивы.

К двум прядям прибавляют новые пряди, увеличивающие их толщину, и постепенно свивается сама тетива; она такой же толщины, как и бечевка уха. Другое ухо тетивы устраивают так: свитый тонко конец бечевки вплетают в нее, загнувши петлю и пропуская конец между свитыми прядями, раздвинувши их. Длина

сплетенной тетивы вместе с ушами делается четверти на полторы менее длины лука.

Тетиву остяк вымачивает в воде, вытягивает, наложив на нее натянутую древесные обрубки, и в таком положении просушивает; просушенную снова вымачивает, но уже в горячем клею, и снова вытягивает и просушивает. Длина такой вытянувшейся тетивы менее длины лука уже почти на четверть. Тетиву надевают на согнутый лук и также оклеивают разваренной берестой, но более тонкой, чем та, которая идет на оклейку лука. Пластинку ее остяк разделяет на два пласта и каждую из них раздирает на узкие, $^1/_4$ вершка ширины, ленты. Ленты эти он намазывает с одной стороны клеем и, начиная с корня ушей, окручивает тетиву, как бинтом. Оклеенную тетиву он протирает сверху мокрым и сухим чипом, и, высохнув, такая тетива уже не «сдаст», т. е. не будет вытягиваться и не будет гнить.

Лук готов, но для стрельбы из него необходима на кисть левой руки, у большого пальца, имеющая с нижней стороны вид желобка костяная накладка, вершка 2 длиною, в вершок шириною. Накладка эта тонкая с боков, посредине имеет две дырочки — для ремешков, привязывающих ее к кисти; желобок с одного конца сделан глубже, чтобы плотнее кость прилегла к сокрытому суставу большого пальца. Эта костяная накладка предохраняет во время стрельбы кисть руки от ударов тетивой.

К луку нужен целый набор оперенных стрел длиной 4—5 четвертей с толщиною древка около $^1/_4$ вершка, ровно выструганных из слового дерева. У многих стрел имеются разной формы прилаженные к древку железные наконечники, выкованные молотком на обухе топора из кусков железа, разогретых на костре с помощью ручного кожаного меха и отточенные подпилком. У других же стрел вместо железных наконечников тупые деревянные утолщения, имеющие у древка вид перевернутого усеченного конуса. Иногда они оправлены сверху костью; иногда же в таком утолщении, сделанном сравнительно тоньше, вставлен небольшой железный наконечник. А то есть стрелы с утолщением яйцевидной формы с острыми концами, пустым внутри, с двумя отверстиями по бокам, одно против другого; такие стрелы должны при полете издавать свист. Таким образом, стрел три типа: стрелы с железными наконечниками, стрелы с деревянными тупыми концами и стрелы с такими же, но заостренными

концами, пустыми внутри. Стрела, имеющая железный наконечник, делается так. Из отколотого топором довольно толстого бруска остяк выстругивает ножом на колене ноги круглую палку толщиною в палец взрослого человека и длиною в 4—6 четвертей. Эту палку, вогнав в один конец ее конец наконечника, он на коленях же остругивает ножевым стругом уже в древко обыкновенной толщины. Потом он вынимает из древка наконечник, заполняет серой его гнездо, подогревает на огне конец наконечника и вставляет его обратно. Конец входит в свое место, расплавляя серу, и остывает вместе с нею; застыв, сера крепко держит его. Место соединения наконечника с древком обвивают для крепости в один ряд ниткой, иногда еще оклеивая сверху тонкой берестяной пленкой. У другого конца древка остяк концом ножа выбирает дугообразные уши в $^1/_4$ вершка глубиною, которые, также для крепости, обвивает у основания ниткой и тоже иногда оклеивает берестяной пленкой.

Близ ушей делается оперение. На оперение идут преимущественно перья орла, хвостовые и крыловые, за неимением же орлиных — ястребиные. У пера, с каждой стороны стержня ствола, остяк сдирает опахало вместе с тонким наружным стержневым слоем, намазывает слой в отодранном месте клеем и прикрепляет вдоль древка так, что наклон бородок опахала направлен к ушкам и один конец его немного не доходит до их основания, оставляя место для пальцев, которые, натягивая тетиву, захватывают и наложенную на нее стрелу. Параллельно первому опахалу, на расстоянии $^1/_3$ длины окружности древка, наклеивается другое, параллельно этому второму, на таком же расстоянии от него — третье. Высоту приклеенных опахал остяк выравнивает ножом, к ушкам же они срезаются под углом в 45 градусов. Опахала придают стреле при полете винтообразное движение, как винтообразные нарезы ствола ружья пуле, и препятствуют менять приданное ей направление.

Стрела с тупым деревянным концом выстругивается ножом вся из одной еловой палки, толщиною в этот конец стрелы. Сначала ножом выделывается верхушка конца, от нее палку конусообразно, на протяжении вершка, обрезают ножом же почти до обыкновенной толщины древка, затем сначала ножом, а потом ножевым стругом обделывают и самое древко.

Стрела с острым, пустым внутри утолщением на конце устраивается из двух частей — собственно этого утолщенного конца и древка. Сначала выделывается — большею частью из осины — болванок конца; его раскалывают, выдалбливают, делают отверстия и склеивают по месту раскола, а затем уже в его удлиненный конец, после окончательной отделки, вклеивается оперенное древко. Оперение у этих стрел двух типов устраивается так же, как и у первой.

Стреляют из лука и с земли, стоя на ногах или на одном колене, и с обласа, стоя или сидя в нем.

При стрельбе остяк берет лук посредине, в узкой части, в левую руку; держа лук почти горизонтально, накладывает на него правою рукою стрелу, ушками на тетиву посредине, продолжением древка — на дерево лука, рядом с большим пальцем левой руки; левую руку, держащую лук, слегка выгибает от тетивы, а двумя пальцами правой, средним и указательным, охватывает тетиву снизу вместе с ушками стрелы так,что ушки приходятся меж ними, и натягивает ее; наметившись в цель по древку стрелы, меж перьями на наконечник, спускает тетиву. Стрела летит и быстро вертится, издавая певучий звук, замирающий вдали по мере ее удаления.

Каждая стрела, сообразно с устройством своего наконечника, применяется в том или ином роде промысла. На крепкую водоплавающую птицу употребляют стрелу с похожим на вилы железным наконечником, из развилок которого, имеющих острия, не выскочит и шея осторожной гагары, прячущей свое туловище в воду, не уйдет от которого и хитрая линяющая утка, пластом растягивающаяся по водной поверхности, и гордый могучий лебедь. На молодых уток, а особенно на их маток, пользуются стрелой, имеющей утонченный деревянный конец с подобным же железным, но только меньшего размера наконечником.

Чтобы лучше представить себе картину охоты с такой стрелой, последуем за остяком охотником. Он нашел выводок уток. Кричит отлетевшая и севшая невдалеке утка-мать, хлопает крыльями по воде, захлебываясь в поднимаемых ею же волнах и брызгах. Слыша призывный крик, утята с писком не плывут, а бегут к ней по воде, оставляя за собою длинные, расходящиеся борозды. Все собрались, лишь один или два отстали, но все же торопятся. Вот один из них как бы подпрыгнул и,

жалобно пища и поднимая брызги, понесся к матери. Порхнула и мать к нему. Грудью налетает и ведет за собой, оглядываясь на дальнего. Остяк хладнокровно пускает стрелу, с наклоном к воде, в их направлении. Стрела полетит, ударится об воду, скользнет, опять ударится — и понесется по поверхности, вздымая концом брызги, как будто утенок к матери спешит. А мать несется к этому утенку, грудью налетает и гибнет.

Для летящих над водою уток употребляется стрела с пустым внутри утолщением на конце; это «ястреб-стрела», «свистун-стрела», самая остроумная из стрел для охоты на птицу. Ее пускают перед летящим табуном, выше его; она летит и свистит, напоминая характерный свист в воздухе от ястреба, когда он несется на добычу. Табун дождем сыплется в воду, ныряет. Одна за одной показываются утки на поверхности, но подняться боятся, потому что стоит вспорхнуть одной — остяк пускает нового «ястреба», и вспорхнувшая снова падает в воду, рассчитывая найти в ней спасение; но тут ее без шума поражают вилы утиной стрелы. Подобная же участь ожидает и остальных.

Эта же стрела незаменима при охоте на зайца. Она летит и свистит над ним, несущимся сломя голову. Ястреб появляется в представлении зайца, и он испуганно забивается под первую попавшуюся кокору, где к нему подходят почти вплотную.

Стрела на рыбу подобна первой, но больше, длиннее, с таким же вилообразным, но большим наконечником. Отправимся за остяком. Он въехал в мелкую курью. Видно дно. Видна плавающая крупная рыба — щука, язь, зашедшие сюда для еды. Осторожно встает остяк на ноги и тихо подвигается вперед по зеркальной поверхности, подталкиваясь веслом, которым работает одной рукой, в другой же — лук с длинной стрелой. Подвигается и всматривается в воду. Вот у осоки притаилась щука, медленно поводя плавниками,— хищница, высматривающая добычу, не думающая об опасности: кто может устоять против нее в небольшом притоке северной реки. Но двуногий хищник уже натягивает лук, и оседает менее хитрая хищница с пересеченным позвонком, извивается, поднимая волны и рассыпая брызги еще сильным хвостом, и всплывает на поверхность.

С железным наконечником стрела может испортить небольшую шкурку белки или же засесть высоко в леси-

не; тяжелый глухарь, падая, сломает ее или о сучья, или же о землю. Во избежание этого в подобных случаях употребляется стрела с тупым, толстым концом, деревянным или же обделанным костью, которая не колется от постоянных ударов по древесным ветвям.

Все-таки нужно хорошо изучить полет той или иной стрелы, нужно иметь привычные руки, твердый наметанный глаз и быструю сообразительность, чтобы хорошо стрелять из лука; вот почему так мало хороших стрелков. Прежние стрелки вырабатывали в себе уменье стрелять долговременными упражнениями, часто устраивавшимися в форме состязаний, остатки которых, перешедшие в детскую игру, сохранились и доселе. Играют один на один. В землю втыкаются две дощечки в вершок шириною, в четверть длиною, на расстоянии одна от другой для хороших стрелков — 10—15 луков, для плохих — 5—7 луков. Число стрел делят поровну, один становится близ дощечки противника, другой — близ его дощечки; который-нибудь начинает стрелять в свою дощечку. Если он прометится, его противник берет стрелу себе; если же попадет, противник подает эту стрелу ему. Он отмеривает один лук от дощечки противника ближе к своей и начинает стрелять уже отсюда и т. д. Когда выстреляет все свои стрелы, так же начинает стрелять его противник, но уже вдвое большим числом стрел. Кто первый выстреляет до своей дощечки расстояние всех луков, тот считается выигравшим партию, и ему предоставляется право начинать новую и уже всем числом стрел, даже если бы его противник и не стрелял ими.

Дети ближних к русским остяков, уже имеющие ружья, не придают этим занятиям большого значения; поэтому если еще и можно найти стрелков из лука, то в более отдаленных местах р. Ваха и его притоков, где лук в большом употреблении. Подобными упражнениями остяки еще добиваются того, что, сидя в неустойчивом обласе, метко бьют показывающуюся мгновениями линяющую и молодую утку, сшибают взлетевшую крупную птицу,— и это уже хорошо; бить же птицу на дальнем расстоянии перекидной стрельбой, при которой стрела делает высокую дугу, заканчивающуюся в птице, или бить в лёт они не могут; не сохранилось и упражнений, благодаря которым остяки добивались этого, хотя еще многие помнят подобных стрелков. Пройдет десятка два-три лет, охота с боевым луком отойдет в область

преданий: ружье вытеснит его; сторожевой еще лук, не требующий упражнений в стрельбе, надеется пережить своего собрата.

О простом устройстве этого лука было уже упомянуто. Сделан он из куска кремля в сажень длиною, в вершок толщиною посредине, постепенно тоньше к концам; тетива — простая веревка, без ушей. Рассмотрим способ его насторожки.

Рис. 1

Первая, самая массивная часть ее — это ложе лука (см. рис. 1). Ложе — гладко остроганная палка или брусок, сверху полукруглый, снизу плоский, длиною арш. 1 $^1/_2$, в вершок с одного конца и до $^1/_2$ вершка к другому толщиной. В толстом конце сделан уступ, длина уступа вершка два и высота $^3/_4$ вершка; на другом конце ложа с той же стороны, где и уступ, сделано несколько неглубоких зарубок; конец ложа от уступа постепенно утончается и суживается. Та сторона ложа, где находятся уступ и зарубки,— нижняя. На верхней стороне, около уступа, также сделана особая зарубка. К ложу, на противоположной зарубкам части стороны, свободно привязан за одну из зарубок небольшой в общем очертании треугольный кусок дерева, вершка в 3 длиною, в полвершка у одного конца и $^1/_4$ у другого толщиною (см. рис. 1). Как он обделан и привязан, можно видеть на рисунке. На нижнем, толстом конце сделана полукруглая выемка, так что его можно поставить на ложе; выше выемки он и прикреплен веревкой к ложу у одной из зарубок. К верхнему, узкому концу этого куска дерева прикреплена тонкая аршинная бечевка, на конце которой привязана за средину палочка в $^1/_4$ аршина длиною и в $^1/_4$ вершка толщиною. Дерево лука кладется (см. рис. 2) на находящиеся на одинаковой высоте, приблизительно 1 арш. от земли, два сучка рядом стоящих деревьев; если же нет деревьев,— ставят для этой же цели две палки с сучками.

В средину дерева лука упирается уступ ложа так, что конец последнего проходит поверх дерева, тетива же лука помещается на верхней стороне ложа. Другой конец ложа кладется зарубками в развилки палки. Натягивают лук, захватывают тетиву сверху толстым концом привязанного куска дерева и ставят последний выемкой на ложе; придерживая его в таком положении, не дают тетиве вырваться. Чем далее к другому концу ложа привязан за зарубки кусок дерева, тем сильнее можно натянуть лук (см. рис. 2).

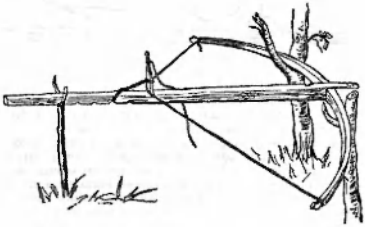

Рис. 2

На конец выступа ложа (см. рис. 3) надевается особая легкая дощечка с продольным, сделанным в ней отверстием. Дощечка вышиною в четверть, шириною в вершок, к верхнему концу сужена. В верхнюю часть отверстия дощечки упирают один конец палочки, находящейся на конце бечевки, идущей от верхнего конца куска дерева, нижний конец которого держит тетиву; другой конец палочки упирается в приспособленную для этого, сделанную поверх выступа вышеупомянутую зарубку.

Тетива тянет за выемку конца куска дерева, но перевернуть его, а следовательно, и вырваться не может, потому что дерево крепко держит привязанная к встав-

ленной в зарубку и отверстие дощечки палочке бечевка; но стоит только подернуть вперед (см. рис. 3), по направлению конца выступа, за верхний конец дощечки, как палочка, а вместе с нею и кусок дерева лишаются точки опоры — тетива выскакивает, и лук спускается.

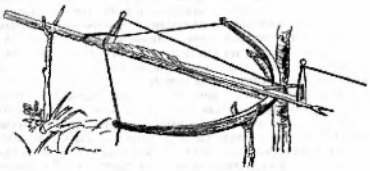

Рис. 3

На натянутый лук рядом с ложем накладывается стрела ушками на тетиву близ выемки куска дерева. Чтобы придать концу стрелы нужное направление, задний конец ложа поднимают или опускают, поднимая или опуская поддерживающую его палку с развилками (см. рис. 2 и 3). Точка, в которую направляется стрела, зависит от высоты сердечной области зверя, в которого должна попасть стрела; эта точка вымеряется особою деревянною меркой, похожей по виду на прямую детскую дудку среднего размера. У нее на низу широкого конца сделано большое углубление, чтобы она, будучи поставлена на этот конец, тверже могла стоять на ровной поверхности, а близ узкого просверлено насквозь круглое отверстие; по длине ее сделаны зарубки: первая — на расстоянии трех вершков от основания широкого конца, вторая — четырех и третья — пяти вершков. Эту мерку при установке лука ставят широким концом на место предполагаемого зверя, ставят длинной палкой, продевши конец ее в отверстие мерки; делается это для того, чтобы не наследить на дороге зверя, потому что, почуяв след, зверь свернет в сторону от нее. Если лук настораживают на выдру, конец стрелы направляется в первую, т. е. нижнюю, точку, если на зайца — во вторую, на

лисицу — в третью; при насторожке лука на медведя ставят вместо мерки палку с зарубкою на ней на высоте трех четвертей от земли; на эту зарубку и направляется стрела. Направив стрелу, мерку или палку убирают.

От конца дощечки, находящейся на конце выступа ложа, по направлению стрелы проводят через звериную тропу «синку» — нитку, зимою — белого цвета, летом — черного, с привязанною за средину палочкою на другом конце. Этой палочкой конец синки закрепляют на другой стороне тропы, на земле или в снегу, смотря по времени года. Задев за нитку, зверь этим дергает вперед дощечку и спускает в себя стрелу.

Синку, натягивая, переносят через звериную тропу также при помощи палки, из опасения наследить на тропе. Сначала на время снимают с лука стрелу, чтобы она не улетела в направленную точку, если бы каким-нибудь неосторожным движением тетива была бы спущена: тогда, в силу необходимости, пришлось бы пойти за стрелою. Потом берут длинную легкую палку с развилиной на конце, захватывают развилиной палочку синки и укрепляют ее на другой стороне тропы, как можно далее.

Высота синки от поверхности тропы почти такая же, как и высота точки, в которую направлена стрела; степень же ее натянутости, играющая немаловажную роль, зависит от того, чем зверь задевает за нее — головою или ногами, а вместе с тем — от длины его туловища и быстроты бега. На зайца синка устанавливается на высоте немного менее четырех вершков, на лисицу — пяти и натягивается туго, чтобы не могла «сдать», так как они задевают за нее ногами, в то же время сильно сжимая длину своего туловища, от чего стрела может пролететь сзади них. На выдру синку помещают на высоте трех вершков и натягивают средне: выдра хотя и задевает за нее ногами, но бег ее не отличается быстротою, и туловище имеет немалую длину; иное дело — на медведя: синка, находясь на высоте почти трех четвертей от поверхности тропы, натягивается слабо; медведь задевает за нее головою, и нужно, чтобы синка свободно могла сдать примерно на четверть и спустить стрелу тогда, когда сердечная область зверя будет на месте точки, в которую намечена стрела; иначе стрела может скользнуть по кости черепа или удариться в плечевую кость и не принести большого вреда.

Лук настораживают или при естественной звериной тропе, или устраивают засаду, в которую зверь должен пойти. Самое легкое — это поставить лук к протоптанной тропе, по которой зверь бегает без опасения, если не чувствует запаха человеческого следа; но гораздо труднее сделать засаду, напр., зимою на чистом сору для хитрой лисицы. Чистое место дает возможность свернуть в любую сторону и не пойти по ранее намеченному пути; но лисица опасается следов не только ног, а и лыж-подволок, и этим пользуются для устройства засады.

Рис. 4

От проторенной мирской дороги остяк отправляется в сторону, огибает широкий полукруг и опять приближается к ней уже на порядочном расстоянии от места отправки; не переходя на нее, он опять отправляется вперед, постепенно отклоняясь от мирской дороги, образуя между нею и своей «лыжницей» постепенно расширяющуяся курью (см. рис. 4). Потом по своему следу он возвращается обратно, выходит на мирскую дорогу и у того места, где он приближался к ней, немного сойдя с дороги, чтобы осталось нетронутое пространство в длину синьки, настораживает лук. Получается ловушка, которая ясна из рисунка:

Лисица забегает в сделанную курью, случайно натыкается на одну из дорог, отпрыгивает в сторону и идет опять вперед, приближаясь к тому месту, где насторожен лук.

В одну сторону она кинется — дорога, в другую — дорога, перебежать через дорогу боится, воротиться назад далеко, да и нет желания: она уже там была,— невольно отправляется по узкой снежной полосе, впереди

которой широкое чистое пространство, не ограниченное с обеих сторон, и попадается на стрелу.

Можно сделать для лисицы много подобных курей, отправившись из одного места (см. рис. 5), но уже от многолетнего опыта зависит, какое место захватить этими курьями, чтобы лисица не поняла, что они предназначены для нее.

Рис. 5

На голодную, более вынужденную на крайность лисицу настораживают лук на свою собственную лыжницу. Подойдя к лисьему следу, остяк отправляется от него, слегка труся за собою порсой *, и, пройдя таким образом достаточное расстояние, сворачивает обратно другою дорогою, параллельно первой, приближается к ней и настораживает лук. Подойдя к подобной тропе, лисица сначала идет около, но, слыша, что и далее пахнет съедобным, идет уже на нее и подбирает рассыпанную порсу, рыская взад и вперед, пока не наскочит на стрелу. Стрелы сторожевого лука, как и боевого, делаются различные, соответственно роду промысла. Стрела на лисицу и на зайца такая же, как и на крепкую водоплавающую птицу, лишь с более толстым и менее вилообразным наконечником. Стрела на медведя с копьевидным наконечником, способным войти в его толстое туловище, стрела на выдру устроена особо, вероятно, после неоднократного горького опыта. Выдра большую

* Мука из сушеной рыбы.

часть зимнего времени проводит подо льдом, охотясь за рыбой и живя в пустых прибрежных пространствах, образовавшихся между берегом, льдом и водою, после спада ее. Место своего промысла выдра переменяет нечасто. У нее есть известные выходы на поверхность льда и земли: или заваленная сугробом расщелина во льду, или полынья. Полынья затягивается льдом во время сильных морозов, расщелина же остается свободной. Через эту расщелину выдра выходит для испражнений, и обязательно к одному и тому же месту, так что протаптывает довольно твердую дорогу. Здесь, на дороге, на нее и настораживают лук. Если насторожить этот лук, употребивши стрелу с обыкновенным, уже известным нам наконечником — она вопьется в зверя и даже пройдет сквозь него, но удержать его не всегда будет в состоянии. Живучий зверь доберется до расщелины и нырнет под лед, откуда его, хотя и мертвого, достать нельзя. Поэтому наконечник выдровой стрелы, имеющий форму конуса, с жалообразным отлетом сторон, имеет в себе отверстие, в которое вдет одним концом тонкий шнур и закреплен. Другим концом шнур проходит по древку стрелы и прикрепляется к луку. Шнур длинен и не препятствует полету стрелы. Попав в выдру, такая стрела нелегко выдернется обратно: не пустит отлет сторон, и выдра остается как бы привязанной. Шнур привязан к луку, который выдра может и утащить; поэтому, казалось бы, лучше привязать его к чему-либо другому — неподвижному, но это-то и могло бы быть — и бывало — не достигающим цели: выдра может порвать шнур или, несмотря на боль, сорваться с наконечника; утащив же лук к расщелине и кинувшись в воду, она захлебывается, не будучи в силах ни сорваться, так как не во что упереться, ни протащить лук в отверстие.

В прежнее время, давно уже, лук настораживали и на колонков, и на горностаев; но с течением времени видоизменили форму сторожевого лука, образовав из него новое орудие — черкан, более удобное для этого рода промысла. Пройдет еще несколько времени, и за боевым луком, вместе с остяками, исчезнет и сторожевой лук, забудутся и былые охоты с этими луками, свидетельствующие о тонкой наблюдательности и изобретательности представителей этого вымирающего племени.

С. Ларьякское.
1914 г., август

НА ВАХЕ

В 1912 году мною были получены от консерватора Тоб. Губ. Музея Вас. Ник. Пигнатти небольшие средства на снятие фотографических снимков по Ваховскому району. Желая летом того же года выполнить это поручение и имея в виду обследовать одно интересное место на протоке р. Ваха Ларьятской, где, как я слышал, находится шаманская избушка, в которую остяки складывают свои приношения (состоящие из кож, халатов и проч.) и которая охраняется одним из инородцев, живущих в соседних остяцких юртах, я взял в проводники одного из жителей села Ларьятского *— остяка Егора, который знал о суще-

* Село Ларьятское находится на правом берегу протоки, соединяющей р. Вах с р. Сабуном, в 1 /2 верстах от р. Ваха, против нижнего устья протоки Ларьятской. Лет 18 тому назад в этом селе было лишь до 10 небольших домов и амбаров, среди которых ютились землянки и кисочные юрты, теперь же насчитывается до 30 жилых строений, включая сюда училище, инородную управу и общественный дом для фельдшера. Большинство домов принадлежит русским, которые наравне с остяками пользуются промысловыми угодьями. Все, как русские, так и инородцы, занимаются скотоводством (имеют до 80 лошадей и до 50 коров), огородничеством (садят картофель, репу, морковь, огурцы), рыбными промыслами (преимущественно язя) и охотой. Некоторые инородцы занимаются, кроме того, плотничным ремеслом, пилкой леса, выделкой обласов и лодок, кузнечным ремеслом. Первоначально русские поселились здесь лет полтораста-двести тому назад. Первым приехал миссионер-священник, за ним — служилый люд (псаломщик, вахтер), потом — торговые. О встрече остяками первого священника помнят еще и сейчас. Рассказывают, что остяки задолго узнали о его приезде и собрались с луками, чтобы застрелить его, как только он выйдет из лодки. Но когда он вышел к ним, неся в одной руке крест, и сказал: «Кого хотите стрелять: меня или Бога моего?» — они, пораженные и устыженные, опустили луки и пали ниц. После того их крестили. Крещение было общее, групповое, и происходило близ села, на урье (старица), подошедшем с западной стороны к окружающему село бору. После крещения постановлено было строить церковь. Многие настаивали выстроить ее в юртах Ларьятских (верстах в 50 от села), в месте своего первоначального поселения на Ваху, другие же — на настоящем местоположении села, где тогда было сначала самоедское, а потом остяцкое кладбище. (При рытье ям часто приходится находить прежние неприметные могилы и уже начавшие труплеть кости, котлы, ножи, ремни, наконечники стрел и проч.) Спор был решен жребием в пользу Ларьята. Когда был построен первый храм, в последних церковных отчетах не значится, известно лишь, что исповедные росписи хранятся с 1815 года, из чего можно заключить, что к тому времени остяки уже довольно освоились с новой религией. Остяки шаманства и новая религия перемешались между собою так, что настоящий шаман, посещая церковь и усердно молясь, так же усердно колотит в бубен, когда сзывает своих послушных чертей или когда возносит моления Творцу всего сущего — Богу.

ствовании вблизи Ларьята[1] указанной шаманской избушки. Чтобы не навлечь на себя гнева инородцев, нам пришлось свою экскурсию замаскировать поездкой на охоту на большое Ларьятское озеро, лежащее на том же пути, но несколько далее.

В один ветреный и морозный день конца августа мы нагрузили облас недельным запасом провизии, захватили ружья, фотографический аппарат, непременного спутника на охоте — сеттера Плутона, и оттолкнулись от Ларьятского берега. С версту пришлось нам ехать против быстрого течения протоки, на берегу которой стоит село. Протока версты 2 длины, сажен 30—15 ширины и от $^1/_2$ до 3 саж. глубины, начавшись выше села, считая по течению Ваха, впадает в реку Сабун верстах в полуторах от его впадения в р. Вах. Берега ее то яристы (суглинок вышиною в сажень), то сбегают в воду узкими песками; не густо покрыты тонким тальником, ракитником, березником; у села к протоке подошел мыс кедрового бора. По обе стороны протоки крепкие сора с хорошими (по левую сторону) покосами. Протока судоходна во все время навигации, но очень извилиста,— особенно крут и опасен для судов поворот при впадении ее в Сабун.

Наш узкий облас на двух веслах быстро подвигался вперед. Из протоки выехали мы на Вах, который в этом месте имеет сажен до 80 ширины. Тут нам предстояло два пути на Ларьятскую протоку: или, спустившись с версту вниз по течению, въехать в протоку с ее нижнего устья, находящегося на левой стороне Ваха, или пересечь Вах наискось вверх по течению, въехать в узкую варовую речку Вар-ватэн, идущую по сору параллельно Ваху, проехать по ней сажен 200 и спуститься по тихому течению прямой проточки Нор-мугэт, прямо соединяющей Вар-ватэн с Ларьятской протокой.

Последний путь представлял экономию версты в 2; но сейчас протока должна была местами обмелеть,— пришлось бы перетаскиваться, что с нагруженным обласом было не очень удобно. После некоторого раздумья мы решили, что «протащимся», и пересекли Вах; затем перетащили облас в устье Вар-ватэна и въехали в глубокое устье Нор-мугэта.

Протока Вар-ватэн узкая (2—5 сажени), осенью мелкая, с отлогими берегами; по обе стороны — сенокосы, со множеством утиных озер и речек, и редкие гривы

ракитника, березника и осинника. В средние воды это — оживленный путь к селу Ларьятскому из ближних юрт. Местами перетаскиваясь небольшими волоками, мы скоро выбрались на Ларьятскую.

Протока р. Ваха Ларьятская имеет до 100 верст длины и от 20 до 30 (а в низовьях до 50) сажен ширины; в среднем течении мелка, в низовьях глубина доходит до 2 сажен; течение слабое, за исключением некоторых мест. В нижнем течении она разделяется на два рукава — на Большую и Малую Ларьятскую, соединяющиеся друг с другом верстах в трех от впадения в Вах.

Берега ее покрыты редким березником и густым невысоким тальником; местами встречаются невысокие и неглубокие, но густые кедровые и сосновые гривы.

По обе стороны протоки верст на 10—15 раскинулись крепкие, хотя и не чистые, сенокосные сора. Все это пространство заливается весеннею водою и представляет из себя лучшее по Ваху, за исключением разве низовья, место для икрометания рыбы, спускающейся сюда весною как с верховьев ближних еганов [1], так и Ваха — этих не подверженных замору мест, где рыба проводит зиму. Сюда, на весенний нерцевой промысел, съезжаются инородцы даже с верховьев Ваха. В среднем течении протока Ларьятская принимает с левой стороны в виде небольшого, но очень быстрого живца сток озера Ларьятского (куда мы ехали). На этом живце еще до нерцового промысла бывает лучший по Ваху «половой» промысел *.

Местами перетаскиваясь по волокам, протоптанным подобно конским дорогам, чтобы не кружить длинные луки [1], мы подвигались вперед. Дорогою нам изредка попадались инородцы, ехавшие в село из горных еганов, впадающих в Ларьятскую, где они чистят орех. Они с любопытством поворачивают к нам свои обласы, а мы, слегка подгребая, поддерживаемся против течения и вступаем в разговоры. Остяки любознательны: им надо знать все — куда поехал, зачем, скоро ли вернешься, где

* «Пол» — дно протоки или живца — от одного берега до другого утыкается не широкою, но довольно густою полосою тальника. Подойди к тальнику, рыба не идет далее: ее смущает качающийся под напором быстрого течения тальник. Здесь ее и ловят неводом. Промысел продолжается до тех пор, пока вода не потопит берега протоки и не даст возможности рыбе обойти стороной. Когда вода достаточно сбудет летом и когда выйдут из-под воды берега, живец запирается «наром» [1], дающим опять обильный улов.

думаешь ночевать и т. д. Удовлетворив их любопытство, мы опять подвигаемся вперед. Попадавшиеся на берегах юрты все были пусты: народ — в материках, чистят орех. Едем дальше,— все так же пустынно и тихо, но видно, что в обычное время здесь есть жизнь: то и дело встречаются начавшиеся от воды и убегающие в глубь берега тропинки,— это охотники протоптали к утиным озерам, протоптали крепко и широко, чтобы и в тихую погоду можно было неслышно подкрасться к уткам. Вот на пустынном берегу обласок. Хозяина нет, но мы знаем, что лежит он тут не зря: где-нибудь в глубине сора загорожен котец, и хозяин, приехав в тяжелом нагруженном обласе, быстро съездит туда с этим легким обласом. Иногда дорогой встречаются на четырех столбах высоко положенные жильники, кругом — ни малейшего следа юрт: где-нибудь близко есть удобная для запора речка, и где-нибудь поблизости же или самая юрта, или место ее, жильники же здесь,— значит, это место мало затопляется водою и жильникам не грозит опасность быть унесенными.

У одних юрт нам встретился наполовину вытащенный на берег облас, в котором, судя по еще не высохшему дну, кто-то недавно приехал. Мы подъезжаем все ближе, но из юрт никто не показывался. Подъезжаем к обласу — никого. Решаем, что кто-нибудь пошел подкрадываться к уткам, и перестаем грести, чтобы не выехать вперед и не спугнуть уток: таков обычай здешних охотников. Подождали. Ни выстрела впереди, ни из юрт никого. «Ягай!» — крикнул Егор. Никого. «Так, должно, ушел куда-нибудь»,— решил Егор, и мы тихо двинулись вперед за крутой поворот, ярко освещенный солнцем. Оглянувшись неожиданно назад, я увидел, как чья-то голова спряталась за стоявшее у дверей юрт весло. «Смотри: человек спрятался,— говорю Егору — вон — за веслом!» Егор повернул облас. Макушка чьей-то головы виднелась за веслом; чуть показалось лицо и опять уткнулось, увидев нас. «Эй, тарах-парах, чего прячешься?!» — крикнул по-остяцки Егор. Голова неподвижна. Мы спрашивали его и по-русски и по-остяцки — не вылезает. Решив, что человек боится нас, поехали вперед своей дорогой. Неожиданно оглянувшись назад, я увидел, как из-за весла показывалось лицо и снова пряталось, заметив, что за ним следят. Отъехали дальше. Я вышел на берег, прошел лесом до места, откуда была видна юрта,

и видел, как с того места поднялся старик и пошел к облясу; за ним бежала собака, которую он, вероятно, все время держал близ себя. Это было в чисто старинном остяцком духе, когда, завидев русского, остяки, если их было мало, прятались, и стоило немалого труда вызвать их. Ниже от Ларьята, по Ваху, теперь русских не боятся: там уже привыкли к ним, то и дело проезжающим или с Оби, или на Обь, но выше русские не ездят, а если и пройдут, то «непременно варнаки» [5]— «мычим-яг», решают остяки, и нет ничего удивительного, что нас испугался одиночка остяк, приняв за каких-нибудь варнаков.

Порою я выходил на берег и подкрадывался к замеченным вдали уткам, Егор же оставался под прикрытием берега. Заслышав выстрел, он ехал ко мне. Мы подбирали уток, садились в облас и ехали вперед, обсуждая случай с остяком и вспоминая рассказы стариков о далеком прошлом Ваха.

К вечеру мы были уже недалеко от того места, где находилась шаманская избушка. Переночевав на крутом яру протоки, мы ранним утром наконец подъехали к самому месту.

Это был небольшой, но густой кедровый островок, саженях в 100 от берега протоки, стоящий на крепком, волнистом сору. Мы подошли к нему, перейдя небольшое высохшее озерко, и первое, что нам бросилось в глаза, был белый «ир» (жертва), резко выделяющийся на темном фоне острова. Мы подошли к самому «иру». Кусок полотна, обернутый вокруг средины и вершины очищенной от сучьев березы, перетянутый в нескольких местах поясками, а на самом верху повязанный платками и затем, привязанный к небольшой березе — вот что представлял из себя «ир». Белый «ир» — жертва Богу, черту же ставят черный «ир». На краю острова виднелось еще несколько ировых палок, но без одеяний. В глубине, недалеко от белого ира, выделялся громадный серого цвета кафтан с широкими рукавами, перекинутый через горизонтальную толстую палку, опирающуюся концами на высоте сажени от земли в развилки двух недалеко друг от друга стоящих палок. Длиною кафтан был более сажени, шириною — сажени $1^1/_2$, длина рукавов — аршина $1^1/_3$, ширина в плечах — четв. 3, в кистях — до 2 четв. Из-под кафтана, внизу, выставлялись копыта повешенной под ним рыжей лошадиной шкуры, а сбоку, в подоле ее — черный хвост; головная часть кафтана была

повязана шалью, а сверху — платком; посредине он был перепоясан длинным, узким поясом,— получалась слабая картина коня в кафтане, коня, перепоясанного поясом и повязанного шалью.

Материал кафтана, пояс и шаль были производства русских фабрик. Кафтан был сшит, по-видимому, недавно нитками из синей бумазеи (теперь уже посеревшей); по его подолу и по оконечностям рукавов проходил нашитый из той же бумазеи угловатый узор.

Кругом тихо. Не шелохнутся высокие кедры и ничто не нарушит покой мертвого коня, наводящего на размышления: откуда это поклонение коню в краю, где должно быть поклонение оленю? Незнакомый с прошлым ваховских остяков объяснил бы это пустою прихотью, между тем как культ коня очень давно существует у них и явился на Вах вместе с ними. К тому же и в их старинных сказках лошадь стоит на первом месте и ей отдается предпочтение пред оленем, разведение которого остяки переняли от покоренных ими самоедов, до этого же времени они были безоленны. Недалеко от лошади находился амбар на невысоких ножках, сделанный из толстых плах, с дощатою, на два ската, крышею. В амбаре — небольшая дверь, лестница от которой (березовый тонкий кряж с зарубами вместо ступеней) была прислонена к углу амбара. Дверь — на железных петлях и заперта на крепкий замок. Над дверью красною краскою изображен крест, по бокам ее красною же краскою сделаны грубые маленькие изображения людей и животных — не то оленей, не то лисиц. Амбару, как и кафтану коня, можно было насчитать не более 5 лет существования. Вероятно, они были сделаны в обильные по промыслу белки года. Старые амбары, как говорил Егор, остяки, разобрав, сжигают во время ворожбы, а старые приклады [6], подобные кафтану, закапывают в яму. Недалеко от амбара я видел эту яму, не более сажени в поперечнике, осевшую сверху. Видно было, что очень давно никто не дотрагивался до нее.

Ниже амбара и по ветвям окружающих деревьев висело множество всевозможных, частью истлевших, частью новых лоскутков, поясков, лент и отрезков материи; встречались платки и шали; иногда подобные приношения обвивали стволы деревьев. Близ избушки, слегка наклонившись, уходила вверх старая, толщиною в обхват, высохшая и кой-где покрывшаяся древесным

мохом сосна, раскидывая вверху, как руки, сухие короткие ветви. Это та сосна, в которую инородцы пускают стрелы, оставляя их в дар лесному духу. Сначала на ней нельзя было разглядеть ничего, но, присмотревшись, я был поражен обилием наконечников стрел, усеявших средину и нижнюю часть вершины сосны. Древков стрел мало: они истлели от времени: лишь одна или две, взявшиеся мохом, как тонкие сучья, торчали в стволе, и только по перьям можно было узнать, что это стрелы.

Кроме наконечников сосна была усеяна ружейною дробью: это, за неимением стрел, инородцы стреляют в сосну из ружей. Ружейную дробь сыплют и к подножию сосны. По верованию остяков, пролежав некоторое время у сосны, эта дробь становится меткою, т. е. попадает в птицу без промаха, так что каждый инородец старается захватить ее отсюда хотя немного и за этим ездит даже нарочно, если не отличается особой меткостью стрельбы. Взамен дроби взявший должен оставить несколько денежных монет. Если инородец, проезжая в обласе мимо шаманской избушки, не имеет возможности сходить к ней,— бросает на берег или в воду немного дроби, а за неимением дроби пускает по направлению к избушке стрелу. Стрелы пускают и на хвойные лесные мысы, выходящие в реку и служащие, по их уверениям, местопребыванием лесных духов.

У подножия сосны, разрыв сверху хвою, можно было заметить дробь, иногда взявшуюся желтизною; лежало несколько томаров (стрела с толстым деревянным наконечником), черепки битых чашек и бутылок, остатков недавних ворожб, по всей вероятности, сопровождавшихся попойками. На земле кой-где чернели огнища — остатки костров: видно было, что место посещается остяками.

В амбар невозможно было попасть, так как он был заперт на замок, сломать который никто из нас не решался. Мы заглядывали в щели, но можно было разглядеть лишь висевшие какие-то ситцевые одеяния и ничего больше: тьма царила внутри.

Сняв здесь фотографии, мы побродили по острову, но ничего интересного не нашли: те же лоскутки и пояски, лишь в меньшем количестве, видны на деревьях, да порою в каком-нибудь высохшем дереве торчит одинокая стрела. Опять вернулись к амбару и, как лиса пред виноградными кистями, ходили вокруг него. А внутри,

вероятно, было немало старинных вещей — прикладов, на которые не скупились прежние инородцы, съезжавшиеся сюда еще тогда, когда, как это передавали Егору, было много дикого оленя. «Ворожат, бывало,— дикий олень прибежит,— и застрелят его, и сердце ему перережут, чтобы не мучился, умер скорее». А это было давно, около 100 лет тому назад.

Скоро мы ехали далее по протоке, направляясь к Ларьятскому озеру. Дорогою встретился знакомый остяк Килька, гонявший с луком подстреленного гоголя. Несколько раз стрела летала в гоголя, но он ловко увертывался, ныряя в воду. Килька положил лук и начал гонять его в обласе, решившись утомить. Скоро гоголь действительно прижался к берегу, и Килька, подъехав, заколол его стрелою. «Давно бы убил,— лук худой»,— жаловался он. И лук действительно был никуда не годен: стар, слаб, с привязанными кремлевыми палками для упругости, однако мало помогавшими горю. Далее поехали вместе.

Дорогою мы спросили Кильку, откуда он взялся тут, когда весь народ в еганах. Килька усмехнулся и спросил в свою очередь, откуда взялись мы, когда все русские сидят в селе. В результате — обоюдно рассмеялись. Потом Килька рассказал, что ореха в материке не густо, народ скоро выйдет; он выехал на время за утками, потому что в материке нет еды. Ставили слопцы и сначала поймали хорошо, но потом повадился медведь. «Как ни пойдем, он уже вперед обходил и все повытаскал». На него натянули лук, и чем кончилось дело — Килька сейчас не знает, так как находится с нами. Так, весело балагуря, мы ехали вперед. Кроме лука у Кильки в обласе были два пистонных ружья и лежало десятка полтора уток. Лук на Вахе еще не вывелся из употребления,— почти каждый охотник летом берет его с собою, чтобы не тратить другого заряда в подстреленную, но не выходящую на берег птицу. Из-за одного поворота выпорхнул табун гоголей. Я выстрелил. Один был убит наповал, другому же переломило крыло, и он нырнул. Килька, по обычаю, взял застреленного мною себе, другого же начал гонять. Показываясь на миг, гоголь снова скрывался под водою. Килька не отставал и вдруг, положив весло, натянул лук и стал ждать. Из воды показалась голова, но не успела исчезнуть, как свистнула стрела, и гоголь всплыл на поверхность, пробитый посредине.

А Килька положил лук и поехал дальше вперед, даже не взглянув на гоголя. «Да ты хотя стрелку возьми»,— говорили мы ему. Ни малейшего внимания — едет и едет вперед.

Старый народ, старые обычаи! Не возьми мы гоголя, Килька ни за что не вернется за ним, не вернется и за стрелкой с дорогими для него орлиными перьями.

Захватив гоголя и стрелу, мы едем дальше.

К вечеру приехали к живцу [7], вытекающему из озера. Течение здесь довольно быстрое. Встречаются выходящие от берегов в реку мысы мелкой гальки. Вверх по протоке, на правом ее берегу, недалеко от живца — Большие Ларьятские летние юрты, состоящие почти из полутора десятков бревенчатых хижин. Несколько опустевших ировых палок виднеются между строениями. Народу — никого. Немного ниже живца к берегу протоки подошел чистый высокий мыс материка. Первоначально летние юрты были на этом мысу, но потом почему-то нашли удобным перенести их на чистую соровую гриву, где они находятся и сейчас. Кроме этих юрт за озером, в бору, есть зимние юрты-землянки.

Мы оставили облас и поднялись на мыс. Это — старинное место. В прежнее время вновь подъезжающий к юртам должен был подняться сюда и криком дать знать о своем прибытии: это означало, что пришел с мирными намерениями. К нему выезжали. Спустившись и отправившись к юртам (которые, однако, достоверно неизвестно, где находились тогда), путник должен был чем-нибудь перевязать свою голову, как короной, почему жители юрт еще издали узнавали, что именно он новичок. Приехав, должен был снять эту повязку и повесить на избранное для этой цели дерево; и по этим повязкам всякий мог определить, сколько за известное время нового народа перебывало в юртах, к тому же это был и дар духу за благополучный приезд.

Подернутое вечернею дымкой Большое Ларьятское озеро виднелось вдали, охваченное с юга и юго-запада сопками материка, с востока и северо-востока — едва приметною каймою бора и с севера и северо-запада — прилегающим сором. Сюда, на берега этого озера, пришли с вершины близ подошедшего Обского егана первые ваховские остяки и уже отсюда спускались вниз по Ваху. Один, теперь уже умерший, старик из этих Ларьятских юрт, помнящий рассказы стариков об этом времени,

в свою очередь передавал Егору, что уйти с Оби остяков заставила ссора с своими родичами из-за необходимых на стрелы орлиных перьев, красивых разноцветных перьев домашнего орла, имевшего разнообразную пеструю окраску, подобную петушиной: перьев на всех не хватало — и вот результат. Судя по вспыльчивому характеру остяков, в этом рассказе есть доля правды, но, вероятно, причиной переселения были более существенные причины, главной из которых можно поставить появление русских на Оби.

Тот же старик рассказывал, что, пришедши сюда, остяки нашли здесь остатки какого-то народа, но не самоедов — с самоедами встретились позднее. На одной из сопок окружающего озера материка, по рассказам, и сейчас еще есть поросшие лесом остатки земляных укреплений бывшего их города. Народ этот погиб в кровопролитных междоусобиях, происходивших главным образом из-за обладания бабами. «Бабы красивы были; из-за них и дрались»,— заключил Егор. Отсюда у остяков начались стычки с самоедами. В верховьях Ваха на самоедов в то же время напало другое племя, пришедшее с верховьев реки Таза, на который перебрались с Енисея (Енисей-Кегкэн-ас — Каменная Обь). Племя это и сейчас живет частью в верховьях Ваха (юрты Корольские), частью же — в верховьях Таза (р. Каралька), усвоило остяцкий язык и причисляется к остякам, но это не остяки: их коренной язык, имеющий грубый гортанный выговор, нисколько не похож на остяцкий, и тип его не тип остяка: большинство стройны, горбоносы. Как ни странно, но это племя, встретившись с остяками, не воевало с ними, а подверглось их влиянию, и так же, как и остяки, было безоленно (не имело оленей).

Ехать на озеро было уже поздно, и мы бродили по мысу. Высокая трава росла на месте еще существовавших остатков юрт, и кой-где появился мелкий березник. Наступил вечер. Мы спустились с мыса. Егор поехал на соровую сторону, за протоку, чтобы выбрать место для ночлега и запасти дров, я же отправился на живец караулить уток, вылетающих вечером на него в поисках пищи.

Наутро, чуть свет, мы уже ехали по живцу. Живец не глубок и не широк, но быстр; вода — белая, мутная. Там и тут по берегам — охотничьи шалаши: это остяки караулят по вечерам и утрам уток. Пред шалашами, неда-

леко от берега, немного выступая из воды, виднеются заостренные сверху палки: на эти палки ставят маньщиков (т. е. убитых уток), пропустив заостренный конец сквозь голову маньщика, так что туловище его свободно; оно подымается и опускается и отклоняется в стороны под напором течения, изображая плавание живой утки. Этот Ларьятский живец славится далеко по окрестностям своей маньшиковой охотой, особенно обильной при наступлении первых осенних утренников, когда собравшаяся на озеро птица вылетает с него, ночами покрывающегося тонкою пленкой льда, сюда, на быстрые и не замерзающие воды. В хорошие тихие и морозные ночи часто приходится на охотника штук по 20—30 уток, большею частью востроховоста.

Миновав «вар», находящийся в среднем течении живца («вар» не был еще разобран окончательно, лишь из средины вынуто несколько полос жильника — путь для проезжающих), и «пол» (немного выше «вара», по течению), мы въехали в озеро, открывшееся пред нами гладкою, слегка рябившеюся от легкого ветра чистою поверхностью. Озеро почти кругло. Дальний противоположный берег его был как в тумане, и до него было не менее 10 верст. Вода уже значительно сбыла и отошла от берегов, оголив чистые пространства топкой няши. Мы отъехали с версту от берега, глубины — 2 четверти; отъехали еще столько же — почти такая же глубина и дно вязкое, илистое,— вывернись из обласа, кажется, не выберешься. Мы решились объехать его краем кругом все, начав с ю.-з. материковой стороны, держась насколько возможно ближе к берегу, и стали пересекать его неширокий, верст до 2, вдающийся в сор тупик, направляясь к материку. Табуны уток плескались вдали перед нами, но близко не подпускали, и все наши старания подъехать хотя на дальний ружейный выстрел оставались в большинстве случаев безрезультатными. Птица была сильно напугана, так что, даже слетев, далеко стороной облетала облас. С средины тупика открывалась красивая картина материка, покрытого невысоким смешанным лесом, с резко выделяющимся зеленым ельником. Через вершину материка, на запад, были просечены две утиные плохи (просеки), как две дороги; это, кажется, единственные по Сургутскому уезду плохи через материк: в большинстве случаев они устраиваются на низменностях.

К полудню мы не окружили и половины озера, которое было так мелко, что не было возможности грести. Лишь в некоторых местах его материчной стороны можно было приблизиться к берегу, и место здесь было крепче, слышался твердый песок, больше же приходилось держаться от него то на версту, то на несколько сот сажен, и притом — все та же глубина — $1\frac{1}{2}$—2 четверти. В некоторых местах встречались хотя и не обширные, но глубокие ямы: оказывается, что ямами прошли по озеру русла двух впадающих в него с материчной стороны еганов. Ямы огорожены тычками: на них остяки неводят своими небольшими неводами. Еганы ретиво исполняют свою службу и ежегодно наносят в озеро массу песка и ила, так что впоследствии озеру грозит полное обмеление,— сор захватит его, разобьет на множество мелких озер и озерков, но пока еще оно не поддается, и лишь в очень малые воды на нем появляются берущиеся зеленью острова. Край восточных берегов озера глубже — 2—3 четв., уже сажен на 50 от берега, и к берегу, хотя и с трудом, можно подъехать. Часу в 3—4 дня мы, не надеясь до темноты окружить озеро, решились пересечь его по направлению к живцу. Весло хватало дна на всем протяжении пути, и глубина редко где достигала до 2 аршин; дно было такое же вязкое, илистое.

Солнце близилось к закату, когда мы ехали обратно живцом. В Ларьятских юртах слышались звуки топора: народ уже возвращался. Переночевав на старом своем становище, рано утром поехали домой и ночью были в селе, сделав обратный путь в 12—13 часов (не считая времени для остановок), нигде не перетаскиваясь волоками и проезжая в час по течению 4—5 верст.

БЕРЕСТО И ИЗДЕЛИЯ ИЗ НЕГО У ОСТЯКОВ Р. ВАХА

I

Бересто[1] играет большую роль в домашнем обиходе остяков: из него приготовляют посуду, набирки и кузовья для ягод, спальные детские люльки; сшитое в свертываемые полотнища, оно служит непромокаемым

брезентом, которым кроют юрты, припасы; берестом обертывают покойника, его гроб, им же прикрывают его могилу; разделенное на более или менее тонкие пласты, оно служит для оклейки предметов, предохраняя их от сырости. Различные оттенки слоев береста и свойство его сохранять выдавленные на нем линии послужили к тому, что остяки, счищая ножом который-нибудь из слоев или выдавливая на нем концом обуха ножа или клеймом нужные линии, производят на берестяных изделиях всевозможные ленточные, угловатые или волнообразные узоры *.

Еще большее значение имело бересто в старину: за неимением котлов пищу варили в особо устроенных куженьках. Даже и сейчас клей варят в небольших берестяных чумашках.

Но для приготовления тех или иных предметов, напр. предметов, подвергающихся давлению или скручиванию, необходимо, чтобы качество береста соответствовало предъявляемым к нему требованиям, т. е. чтобы бересто было или твердо, или мягко и эластично. Имея давно дело с берестом, остяки применились к его особенностям и, подвергая его обработке, хотя и не сложной, придают ему требуемые качества.

Выделкою береста и изделиями из него по Ваху занимаются почти исключительно женщины, мужчины же выделывают лишь «кучумы» и употребляют в дело оклеечное бересто.

Из инструментов при работе пользуются ножом, иглой, употребляя ее при сшивании береста и закреплении накладных узоров, и узорчатым клеймом, вырезанным ножом на срезанном конце оленьего рога.

Описание приготовления поделочного береста и изделий из него и служит предметом настоящего очерка.

2

Бересто снимают три раза в году: 1) весною, по насту, 2) в начале июня или позднее, когда оно «на соку» и легче отстает от луба и 3) осенью, когда спадет лист.

Предпочитают березы, растущие в глубине сайм или среди высокого, редко глубоко потопляемого осинника,

* Изделия из береста имеются в Тобольском губернском музее.

где они прямее и на значительном протяжении от корня чисты от крупных сучьев и уродующих бересто шероховатых расколов и водяных лишаев.

Снимают пластами, делая ножом на поверхности дерева вертикальный надрез, проходящий в глубину до лежащего поверх древесины луба, и в длину — на аршин или менее, смотря по чистоте бересты; от концов вертикального разреза делают, преимущественно в левую сторону, по горизонтальному надрезу — такой же глубины — короткому или идущему кругом; затем, сначала ножом же, слегка отделяют бересто от луба, потом отдирают его руками, оттягивая в левую сторону, с намеченной поверхности дерева, пособляя ножом лишь там, где едва приметные зачатки сучьев прикрепляют бересто к лубу.

Снимаемое по насту бересто отстает с тонкою коричневою пленкою, лежащею поверх луба; снимаемое в другое время — без нее.

Поделочное бересто делится на 4 сорта:

1) *грубое коричневое*, снятое по насту или осенью, со слегка сдернутою верхнею белою пленкой; оно не подвергается дальнейшей обработке и идет прямо на приготовление предметов; оно сохраняет приданную ему форму, и на нем возможно производить узоры;

2) *грубое не коричневое*, содранное летом (без коричневой пленки) и на некоторое время выставленное внутренней стороной на солнце, благодаря чему краснеет или, вернее, желтеет; оно идет в таком виде на поделки;

3) *мягкое*; оно подвергается дальнейшей обработке и идет на приготовление предметов, которые приходится свертывать, подобно полотнищам;

4) *оклеечное*, идущее на оклейку предметов.

Оклеечное бересто разделяется на *толстое*, идущее на оклейку плоскостей, и *тонкое*, идущее на оклейку кривых поверхностей.

Для получения из грубого береста 2-го сорта мягкого береста с него, насколько возможно, счищают ножом («соскабливают») верхнюю белую пленку и, свернув в трубки, стоймя, трубка к трубке, помещают в большой котел, который наполняют водой; прикрыв сверху, парят бересто на медленном огне в продолжение 3—4 часов, переменяя положение концов трубок, если вода не покрывает их.

Полученное таким образом бересто остается мягким и прочным (не ломким) в продолжение нескольких лет. Чтобы сделать его еще более эластичным, вместо воды его пропаривают в рыбьем жиру. Такое бересто вдвое прочнее первого. По-видимому, это остаток старины, когда еще было обилие рыбьего жиру, в настоящее же время такой способ приготовления редок.

Из *мягкого*, пареного береста получается *оклеечное*:

1) *толстое*, для чего еще теплый пласт пареного разделяется на 3—4 более тонких, легко отстающих друг от друга пласта,

2) *тонкое*, для чего каждый пласт толстого разделяется на более тонкие, в толщину тонких номеров курительной бумаги.

3

Из *грубого коричневого* береста выделывают, белою стороною внутрь, *мальчы* *, бураки известные среди местного русского населения под именем «кучумы» **, *кыньте(э)т*, кузовья, и *канчэн туяс*, узорчатые туясья.

Цилиндр кучума — в аршин и более высотою и до аршина в диаметре; сшивается из нескольких, в высоту цилиндра, одинарных пластов. На один из концов цилиндра с наружной стороны надевается черемуховый обруч и вместе со дном, диаметр которого равен диаметру обруча, черемуховыми саргами *** пришивается к нему; такие же обручи пришиваются саргами же с наружной и внутренней сторон к верхнему краю цилиндра, причем под внутренний обруч кладется берестяная подкладка. Размер крышки одинаков со дном. С внутренней стороны она имеет тонкий ободок-обруч, не доходящий до окружности, а потому свободно входящий внутрь цилиндра. Этот обруч препятствует сдвиганию крышки.

Кучумы, назначенные для хранения запасов в течение продолжительного времени, имеют вместо крышки просто круг береста, который наглухо пришивается к цилиндру.

Кыньте(э)т, кузовья, ничем не отличаются от берестяных кузовьев, распространенных в Тобольском уезде.

* Названия — местные, остяцкие.
** Множественное число от слова «кучум».
*** Сарга — кедровый корень или черемуховые ленты.

Кучумы и кузовья — грубой работы и предназначены: первые — для хранения сухой рыбы, *чемэха* * и порсы, вторые — для носки ягод и шишек.

Канчэн туяс, узорчатый туяс — это тот же кучум, лишь меньшего размера и лучшей работы, с узорами по бокам и на крышке; предназначается для хранения принадлежностей шитья и мелких хозяйственных вещей.

Туясья эти бывают различных размеров, от больших, в $2^1/_2$ четв. высотою и 2 четв. в диаметре, и до самых маленьких, в 2 верш. высотою и 2—3 верш. в диаметре, причем диаметр цилиндра нередко больше его высоты. Дно у средних и больших туясьев состоит из двух, белою стороною внутрь, пластов береста и пришивается вместо сарги нитками; под внутренний черемуховый обод верхней части цилиндра вставляется для крепости неширокое, белою стороною внутрь, бересто; края крышки несколько выдаются над наружным обручем цилиндра, и сама крышка делается из двух, белою стороною внутрь, пластов береста.

Из береста 2-го сорта, грубого, не коричневого, выделывают: *согэн*, куженьки, *тундэх-амтэ*, спальные детские люльки, *эдэн согэн*, с крышкою куженьки, и *киль*, ягодные набирки.

Согэн, куженька,— четырехугольная коробка без крышки, белою стороною наружу, с овальными поперечными и почти перпендикулярными продольными боками. Делятся на: *амп согэн*, собачья куженька, и *паны янтэ согэн*, дратвой шитая куженька, для варки **.

Кул согэн, рыбные куженьки, бывают размером от больших, в аршин и более длиною, четверти $2^1/_2$ шириною и в четверть глубиною, и до маленьких, четверти $1^1/_2$ длиною, в четверть шириною и в $^1/_2$ четверти глубиною. Делаются из прямоугольного пласта береста, стороны каждого угла которого, отступив от его вершины на известную необходимую для высоты длину, подогревают над огнем, сводят вместе и загибают в сторону продольных боков куженьки. Края куженьки с наружной и внутренней сторон обводятся двумя тонкими черемуховыми ободьями, которые часто, на $^1/_4$—$^1/_2$ дюйма, пришиваются к ним черемуховой саргой, причем меж каждой ее наружной поперечной стороной и наружным обо-

* Чёмэх — сушеное рыбье мясо.
** Варка — сваренные в жиру рыбьи пузыри с икрою.

дом вставляется, белою стороною внутрь, овальный снизу и достигающий до средины стороны пласт береста, утолщающий последнюю в этом месте: тут куженьку захватывают руками. Вдоль продольных сторон под наружные ободья подкладываются такие же пласты, но не овальные снизу, на которые, ближе к ободу, саргами пришивается (в нескольких местах) по одной планке, которые проходят концами под загибы углов. Планки эти не дают наполненной куженьке изменять приданную ей форму.

У маленьких куженек планок не делают.

Инг согэн (водяная куженька), куженьки для ношения воды, имеют почти квадратную форму и делаются большею частью среднего размера: до 2 $/_2$ четв. длиною и до 2 четв. шириною, отличаясь от других лишь своей глубиною — до 1 четв. К средине продольных боков куженьки прикреплены концы деревянной ручки, имеющей форму угла и сделанной наполовину из тонкого древесного ствола, наполовину — из отошедшей от него ветви.

Для кормления собак употребляют старые куженьки, уже отслужившие свой век, но тем не менее специально собачьи куженьки, *амп согэн*, можно найти у многих хозяев. Они — среднего размера, но загибы углов сделаны на поперечные стороны и края — без ободьев.

Варку сохраняют в рыбных куженьках и куженьках для воды и лишь предназначенную для дневного пропитания держат в *паны янтэв согэн*. Она имеет форму четырехугольного, большею частью квадратного блюда с небольшим дном и большими отлогими боками. Размер ее: до 1$^1/_2$ четв. в длину, столько же или менее — в ширину и до $^1/_2$ четв.— в глубину.

Тундэх амтэн *, спальные детские люльки, имеют форму неглубокой куженьки, длиною немного более роста младенца: они делаются более широкими, до 1$^1/_2$ четв., и полукруглыми в головной своей части и более узкими в ногах.

По краям люльки (так же, как и у куженьки) с внутренней и наружной сторон проходит по черемуховому ободу, и под ободом на поперечных сторонах подкладываются полосы береста: над изголовьем, ближе к средине,— тонкая черемуховая дуга, свободно прикрепленная

* Дневные люльки делаются из дерева.

концами к продольным краям и удерживаемая в вертикальном положении двумя ремнями, идущими от ее средины и прикрепляемыми один — к средине головной части люльки, другой — к средине ножной; по бокам люльки — ременные петли, пеленки.

Положив младенца, остячка пеленает его, ставит обруч и при холодной погоде или при комарах закрывает сверху шалью. Обруч поддерживает шаль и, кроме того, предохраняет ребенка, если мать во время сна навалится на люльку.

Элель согэн, коробушка с крышкою, представляет прямоугольную рыбную куженьку, лишь более тонкой работы и из лучшего береста, с которого часто почти совершенно сдирают верхний белый слой, а иногда и парят. Предназначается для хранения в дороге дневных запасов пищи.

Крышка плоской коробушки делается из двух пластов пареного береста, и к ней пришивается, немного отступая от окружности, обод, ширина которого равна высоте куженьки, так что крышка совершенно закрывает бока куженьки. Обод сделан также из двух пластов пареного береста и выкрашен с наружной стороны в черный цвет, и на нем нашиваются берестяные узоры.

Киль,— ни что иное, как маленький кузов. Высотою она четверти $1^1/_2$, в четверть длиною и $^1/_2$ четв. шириною внизу и сужена кверху. С наружной и внутренней сторон к верхнему краю пришиваются саргой черемуховые ободки с берестяною подкладкой под наружным ободком. К двум углам широкого бока прикрепляется тонкий ремешок; этим ремешком набирка надевается на пояс. Крышки не имеет, а наполненная затыкается сверху мхом.

4

Из береста 4-го сорта приготовляют, как уже сказано, крышки к *элель согэн*, главным же образом приготовляют *тундэх*, киску. Киска — арш. $1^1/_2$—2 шириною и до 2 и более саж. длиною — одинарное берестяное полотнище, сшитое нитками обыкновенно из трех продольных, также сшитых в длину из многих полос, полотнищ, у которых нижний край второго приходится на верхний край первого и нижний третьего — на верхний второго.

Кисками, белою стороною вниз, кроют юрты (располагая киски так же, как расположены их составные продольные полотнища), лабаза (амбары) и возят их с собою в качестве брезента. При перевозке их свертывают в трубки.

5

Оклеечное бересто служит для оклейки предметов, подвергающихся действию сырости, главным образом — предметов склеенных. Толстым берестом оклеивают луки, ножны, табакерки. Расслаивая его и раздирая на узкие, в $^1/_2$— $/_4$ дюйма, ленты, получают тонкое оклеечное бересто для тетивы луков, основания ушей и наконечников стрел и т. п. мелких поверхностей.

При оклейке бересто намазывается с одной стороны клеем и слегка подогревается над огнем. При оклейке толстым берестом намазанную клеем сторону накладывают на поверхность, при тонком же — ленту береста постепенно закручивают по длине предмета так, чтобы край одного оборота приходился на край предыдущего; наклеенное бересто притирают сверху сначала смоченным в воде чипом, а потом, когда оно везде хорошо пристанет, сухим.

6

На берестяных изделиях остяки производят, как уже сказано выше, узоры. На изделиях из грубого коричневого и мягкого береста, как изделиях женских, узоры производятся исключительно женщинами, на оклеечном же — мужчинами.

Женщины производят узоры двух типов: 1) узоры на крышке и боках цилиндрических коробушек и на внутренней стороне куженек для варки и 2) узоры на боковой поверхности крышек элен согэн.

Узор на цилиндрической коробушке сначала вычерчивается тупым концом ножа, потом — в намеченных местах — его острым концом соскабливается тонкая коричневая пленка, которую пред соскабливанием сдегка смачивают. Находящийся под пленкой бело-желтый слой тогда резко выступает, образуя узор.

У элен согэн узором украшается боковая поверхность крышки; назначенное для этого бересто коптят в чувале,

и на этот черный фон нитками пришивается узор, вырезанный ножом из светло-желтого береста.

Мужчины производят узоры на табакерках, ножнах ножей, луках и т.п. На бересто ставится узорчатое клеймо, и по последнему слегка ударяется сверху. Набивающаяся впоследствии в линии узора грязь придает ему темную окраску. То же самое происходит и с узорами, выдавленными обушком ножа.

1913 г., июнь,
с. Ларьякское, р. Вах

О ВЫМИРАНИИ ИНОРОДЦЕВ Р. ВАХА, ИХ БОЛЕЗНЯХ И ЛЕКАРСТВАХ

Инородцы р. Ваха, остяки, начинают, хотя и не особенно заметно, вымирать, и вымирание это началось с недавних, 4—7, лет, до этого же — почти ежегодно наблюдалась прибыль, так что, начав в 1799 году, по исповедальным росписям, с числа 210 душ мужского и 186 * душ женского полов, к 1908 году они уже достигли более двух тысяч душ обоего пола.

Вот выписки из «Памятной книги» Ларьякской Знаменской церкви о числе родившихся и умерших с 1805 года по 1908-й, из которой видно, что смертность остяков была очень незначительна, за исключением некоторых, вероятно, эпидемических годов.

Года	Род.		Умерших		Прибыль		Умерших	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1805	20	10	2	8	18	2	—	—
1806	7	1	5	3	2	—	—	2
1807	8	6	7	6	1	—	—	—
1808	12	5	3	2	9	3	—	—
1809	6	4	3	5	3	—	—	1

* В «Памятной книге» Ларьякской церкви вместо 186 душ женского пола, по-видимому, ошибочно значится — «286».

Года	Рож.		Умерших		Прибыло		Умерших	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1810	8	3	2	3	6	—	—	—
1811	6	7	9	4	—	3	3	—
1812	3	2	8	5	—	—	5	3
1813	8	6	2	2	6	4	—	—
1814	9	7	8	7	1	—	—	—
1815	10	7	**12**	10	—	—	2	3
1816	3	3	**3**	4	—	—	—	1
1817	3	4	**3**	1	—	3	—	—
1818	4	6	**10**	11	—	—	5	6
1819	3	1	**32**	25	—	—	29	24
1820	1	4	**19**	16	—	—	18	12
1821	1	1	**9**	11	—	—	8	10
1822	4	6	**1**	2	3	4	—	—
1823	9	11	**1**	1	8	10	—	—
1824	13	11	**1**	3	12	8	—	—
1825	15	6	**4**	5	11	1	—	—
1826	9	9	**3**	2	6	7	—	—
1827	17	13	**5**	4	12	9	—	—
1828	16	12	**7**	3	9	9	—	—
1829	16	15	**5**	1	11	14	—	—
1830	3	9	**2**	2	7	7	—	—
1831	17	9	**2**	3	15	6	—	—
1832	21	10	**10**	13	11	—	—	3
1833	20	15	**4**	3	16	12	—	—
1834	16	10	**1**	4	15	6	—	—
1835	10	15	**8**	4	2	11	—	—
1836	7	14	**7**	13	—	1	—	—
1837	11	20	**2**	2	9	18	—	—
1838	16	9	**4**	2	12	17	—	—

Годы	Род.		Умерших		Прибыло		Умерших	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1839	14	15	11	9	3	6	—	—
1840	11	9	8	7	3	2	—	—
1841	16	20	34	34	—	—	18	14
1842	11	12	5	3	6	9	—	—
1843	5	16	3	6	2	10	—	—
1844	18	13	6	1	12	12	—	—
1845	19	13	1	2	18	11	—	—
1846	12	16	7	16	5	—	—	—
1847	17	13	2	1	15	12	—	—
1848	15	9	4	5	11	4	—	—
1849	17	21	7	4	10	17	—	—
1850	18	23	24	24	—	—	6	1
1851	11	10	9	3	2	7	—	—
1852	16	10	10	3	6	7	—	—
1853	15	13	19	9	—	4	4	—
1854	18	15	17	18	1	—	—	3
1855	21	14	10	11	11	3	—	—
1856	13	9	8	2	5	7	—	—
1857	21	11	7	2	14	9	—	—
1858	29	18	7	8	22	10	—	—
1859	19	26	4	5	15	21	—	—
1860	19	21	13	9	6	12	—	—
1861	15	12	12	10	3	2	—	—
1862	17	15	23	10	—	5	6	—
1863	18	16	20	9	—	7	2	—
1864	20	13	8	5	12	8	—	—
1865	28	22	15	9	13	13	—	—
1866	27	21	12	10	15	11	—	—
1867	34	15	7	15	27	—	—	—

Года	Род.		Умерших		Прибыль		Умершие	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1868	33	20	25	22	8	—	—	2
1869	37	23	3	5	34	18	—	—
1870	24	17	12	7	12	10	—	—
1871	41	34	7	3	34	31	—	—
1872	27	25	2	2	25	23	—	—
1873	20	22	5	10	15	12	—	—
1874	32	31	4	12	28	19	—	—
1875	36	33	14	22	22	11	—	—
1876	28	31	23	17	5	14	—	—
1877	37	35	11	10	26	25	—	—
1878	38	41	13	3	25	38	—	—
1879	32	29	21	21	11	8	—	—
1880	36	39	11	11	25	22	—	—
1881	32	25	8	7	24	18	—	—
1882	32	19	14	15	18	4		—
1883	30	23	11	6	19	17	—	—
1884	16	26	18	19	—	7	2	—
1885	18	25	11	18	7	7	—	—
1886	29	23	8	8	21	15	—	—
1887	19	24	12	10	7	14	—	—
1888	16	19	3	3	13	16	—	—
1889	20	28	18	8	2	20	—	—
1890	32	26	10	10	22	16	—	—
1891	23	19	15	23	8	—	—	4
1892	31	26	26	37	5	—	—	11
1893	13	17	12	12	1	5	—	—
1894	26	26	8	5	18	21	—	—
1895	30	25	14	8	16	17	—	—
1896	23	41	10	5	13	36	—	—

Года	Род.		Умерших		Прибыль		Умерших	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1897	37	37	11	11	26	26	—	—
1898	42	32	11	8	31	24	—	—
1899	36	29	8	11	28	18	—	—
1900	47	38	9	14	38	24	—	—
1901	54	44	26	33	28	11	—	—
1902	37	32	15	16	22	16	—	—
1903	34	26	26	18	8	8	—	—
1904	31	31	22	19	9	12	—	—
1905	27	46	31	20	—	26	4	—
1906	50	53	17	10	33	43	—	—
1907	27	42	18	16	9	26	—	—

Экономические условия, на которые обыкновенно при вымирании инородцев сваливают всю вину, не играют тут главной роли: громадная и не особенно бедная местность может прокормить и не такое по количеству племя и к тому же в неблагоприятные годы инородцы могут пользоваться мукой из казенного хлебозапасного магазина; более существенными являются происходящие от неприспособленности к новым окружающим условиям жизни болезни: оспа недавних лет и за последнее время чахотка и сифилис. Последние две быстро делают свое дело, так что из оставшихся более чем 2 (цифра неразб.— *В. Б.*) тысяч душ инородцев мало наберется здоровых. При таких условиях в недалеком будущем ваховские остяки, не очень давно отличавшиеся крепостью и долговечностью, исчезнут незаметно, если только не случится какой-либо повальной эпидемии, для которой налицо все благоприятные условия и которая заставит обратить внимание на их исчезновение.

Кроме чахотки и сифилиса в настоящее время существуют и другие болезни, как, напр., рак, рахитизм, куриная слепота, трахома, головные парши, сумасшествия, но в каких размерах, еще никто не определял.

Если поинтересоваться хотя и не очень отдаленным

прошлым, то на существование каких-либо местных определенных болезней и их размера нет указаний, лишь глухо и смутно припоминают, что старики рассказывают о раз бывшем море на людей. Молодые остяки поймали живой ленную утку, ощипали ее и голую пустили; Бог разгневался, и в результате наказание, которое не могут забыть внуки и правнуки. По-видимому, это было в 1819—1821 годах, отмеченных в вышеприведенной выписке из «Памятной книги» Ларьякской церкви, когда убыль превысила прибыль на 101 чел. из 629.

Наблюдая за отношением инородцев к больным, приходится убеждаться, что и в то время местные болезни, а вместе с ними и эпидемические если и были, то или незначительные, или с легкими последствиями, так как остяки нисколько не предубеждены даже против больных оспой, чего, например, не допускают уже испытавшие всю тяжесть подобных общений тунгусы, бросая на произвол судьбы даже самых близких при малейших признаках этой знакомой им болезни.

Однако, несмотря на незначительность или легкость болезней, инородцы не оставались пассивными к ним, а боролись и даже по-своему вывели их причины: болезнь или посылает за грехи Бог, или это черт грызет в чем-нибудь провинившегося перед ним инородца. А так как посредником меж Богом, чертом и народом служили шаманы, то за вырешением причины болезни и способа избавления от нее обращались обыкновенно к шаману. Старые шаманы были на славе и, по-видимому, кроме словесного лечения ворожбы, обладали как способностью определения некоторых болезней, так и знанием соответствующих лекарств; настоящие же шаманы лишь слабая пародия их: они не обладают ни верой в свое дело, что приметили остяки, ни медицинскими познаниями своих предшественников, поэтому в настоящее время остяки хотя по привычке и обращаются к шаману, но если есть поблизости врач, обращаются и к нему, и, по-видимому, будь край обеспечен действительной * медицинской помощью, это были бы самые послушные пациенты.

Медицинские познания, известные старым шаманам, исчезли вместе с ними, так как они не передавали их

* Настоящая медицинская помощь — прокать и радать направо и налево лекарства — не может считаться хоть сколько-нибудь действительною, и еще вопрос, более пользы или вреда приносит подобная помощь.

никому; некоторые, подмеченные народом, сделались его достоянием, но и они постепенно исчезают. Привожу некоторые из сохранившихся и употребляющихся в настоящее время.

1. «Чынэс» — полувершковый конус из березовой губы в $^3/_4$ дюйма в диаметре основания. При скрытой внутренней боли головы, спины и проч. его ставят на больное место и зажигают с вершины. Истлев, конус образует на теле язву, начинающую гноиться. По уверению остяков, по истечении гноя чувствуется значительное облегчение, если только не полное исцеление. Если после первого «чынэса» из язвы не получается гнойного истечения, ставят, но только в другой части больного места другой и даже третий.

2. «Кот паны» — руку положь. Здоровый человек кладет на больное место другого свою руку и держит на нем почти до отерпения руки. Это средство, вместе с первым, «чынэсом», распространено.

3. При головной боли перетягивают голову лыком, тесьмой или чем другим подобным в надежде, что она не распадется.

4. При легкой болезни глаз их промывают негустым водяным наваром пережженной красной березовой губы.

5. При трахоме в глаза пускают сильно едучие естественные капли пихтовой смолы.

6. При укусе змей на рану привязывают кошачье сало. Это средство, вероятно, перешло от русских и средство действительное. Мне приходилось видеть, как распухшая до невозможности рука через несколько дней леченья становилась здоровою.

7. При поясничной боли носят на поясу медвежий зуб, иногда несколько. Зуб, вбирая в себя болезнь, должен, по их поверью, треснуть.

8. Рваные и резаные раны заживляют присыпкою мелких стружек медвежьих костей.

9. Если «растет селезенка» и выпучивается находящаяся против нее поверхность тела, ко всему больному месту привязывают кедровую серу.

10. При параличе какой-либо части тела ее растирают муравьиной массой, полученной от выпариванья в котле муравьев, завязанных в платок и слегка политых водою, чтобы не пригорали. Муравьев ловят бутылкой, положенной в муравейник, в которую они и попадают. При выпариванье котел сверху прикрывают.

11. От сифилиса лечатся «дорогой травой», покупной. Лекарство это перешло от русских, свое же, сохранившееся лишь в рассказах старожилов, «цветковый краснотальник», «кот верта юг» — ручное поделочное дерево. Больного, уже покрытого язвами, кладут в облаз и мочат распаренной, с наваром, корою краснотальника.

Раз верховские остяки, по рассказам, решили, что это больного грызет поселившийся в него злой дух. Они нарубили краснотальника и принялись им драть больного, вернее, находящегося в нем духа. Говорят, что злой дух не вынес этого и убежал, больной выздоровел.

12. Ознобленные места мажут лисьим салом.

13. При болезни груди ее натирают медвежьей желчью. Кроме этого, медвежью желчь, разведенную водою, пьют от грыжи. Женскому полу — желчь от медведицы, мужскому — от медведя.

14. При болезни сердца едят нащатырь.

15. При сильном сердцебиении при ходьбе, когда про человека говорят, что он уже «загорелся», пьют с водою растопленную на огне серу с концов кедровых веток.

16. При коликах в животе пьют слабо разведенную с водою чувальную сажу.

17. От удушья пьют настой багульника.

18. При чахотке, когда горлом идет кровь, пьют настой цветкового краснотальника.

19. От глистов пьют разведенный с водою порох.

20. При переломе костей, для скорейшего их срастания, пьют разведенные в воде опилки котельной меди.

21. Женщины для истечения месячных очищений пьют настой лиственничной губы.

Из домашних животных лекарство дают лишь одному оленю при еще не определенной в здешней местности болезни, когда олень теряет жвачку, делается понурым, не ест и через несколько дней пропадает *. Лекарство это — квасцы, употребляющиеся с пользою лишь при начале болезни, как только олень потеряет жвачку. Их дают пить разведенными в воде.

С. Ларьякское.
1913 г., июнь

* Пропавших подобным образом животных остяки употребляют в пищу, но сильно проваривая мясо.

МОИ РАБОТЫ ПО ВАХОВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ТОБОЛЬСКОГО ГУБЕРНСКОГО МУЗЕЯ В 1913 ГОДУ

Дневник

Участвовать в Ваховской экспедиции Тобольского музея я был приглашен еще зимою 1913 года. Экспедиция задержалась в Тобольске, я же в это время обрабатывал собранный ранее материал, следствием чего были статьи «Ваховской облас», «Изделия из береста на Ваху», «О вымирании инородцев, их болезнях и лекарствах», «Наблюдения над явлениями природы четырех времен года на Ваху» и «Ваховской край в описаниях» [1]. «Ваховской облас» был напечатан в ежегоднике музея, остальные же статьи находятся в его распоряжении.

В экспедиции я участвовал с 27 июня по первые числа августа на протяжении 800—900 верст. В первых числах августа, спустившись с нею верст на 50 ниже с. Ларьякского, я, торопясь в Тобольск, сел в одиночный облас и в 4 дня проехал 400-верстное расстояние до устья Ваха.

Настоящий дневник велся с 27 июня и кончая 26-м июля.

Гр. Дмитриев-Садовников

27 июня 1913 года в с. Ларьяк прибыла экспедиция, снаряженная Тобольским губ. музеем на средства Императорской академии наук и С.-Петербургского ботанического сада. В состав ее входили Б. Н. Городков, студент-естественник С.-Петербургского университета, и Л. Ф. Мельников, от Ларьяка должен был войти я. Экспедиция прибыла в нанятом за 40 руб. на все лето среднего размера каюке с тремя постоянными, нанятыми в Тобольске по 100 руб. за лето русскими рабочими и несколькими остяками, нанятыми на время.

Вместо Л.Ф. Мельникова должен быть участвовать Шульц [2]— топограф, участник экспедиции музея на р. Салым, но сложившиеся обстоятельства не позволили ему принять участие в настоящей поездке. Топографические работы, благодаря этому, пришлось уменьшить:

вместо инструментальной съемки производить маршрутную.

В тот же день нами был выработан маршрут дальнейшего пути, по которому сначала предположили сделать на несколько дней экскурсию в глубь материка до ближнего болота с целью собрать материковые растения, определить характер материка и почв, потом подняться вверх по Ваху до притока Куль-ёган *, проехать им на имеющие на него сток Лохкэн-тугские озера, с них сделать пешеходный переход на приток правого притока р. Ваха Сабуна Ерган-еган **, спуститься им на Сабун и Сабуном — обратно в Ларьяк. Эта экскурсия должна была занять около месяца.

Работу второстепенную, могущую встретиться по экскурсии, решили распределить равномерно, т. е. помогать друг другу по мере надобности. Главная же работа заключалась в следующем: Городков — ботаника и почвенно-географические исследования, Мельников — метеорологические наблюдения, я — этнография.

28 июня. Часов в 12 дня мы, взяв проводником инородца с. Ларьякского Алексея Камина по 1 р. 50 к. в день на нашем содержании, знавшего материк, «как свой дом», как он говорил, и двух рабочих, отправились в глубь материка через сайму Прохора Кайдалова, выходящую устьем на Вах верстах в 2—3 от села по прямому направлению. До саймы доехали на лодке и двух обласах.

Материковая экскурсия у нас разбилась на три части.

1) Сначала, собирая по пути растения, дошли до «мошарины», образовавшейся в конце левого, считая от устья, разветвления саймы, по определению Городкова, недавно заболоченного мелководного материкового озерка. На мошарине были собраны растения и смотрена ее диагональ. Для определения почвы, довольно крепкой и покрытой пухлым слоем мха, под которым чувствовалась вода, вырыли несколько ям, быстро наполнившихся во время работы водою. Здесь же было сделано несколько фотографий.

Общий характер «мошарины» — это чистая котловина, образованная в месте разветвления сайм, стороны которых пологими увалами, покрытыми низким сме-

* Рыбий приток.
** Самоедский приток.

шанным лесом, отходят от ее краев. Из сайм в мошарину бегут полускрытые во мху ручейки и вытекают из саймы довольно большим и глубоким ручьем, направляющимся по главному, левому разветвлению саймы Прохора Кайдалова. По направлению саймы русло ручья понижается уступами: здесь он сжимается, образует небольшое озеро-чашу, из которого с шумом падает вниз и опять ровно бежит до следующего уступа. В сухое время ручей почти высыхает.

К вечеру пришли на болото, лежащее в вершине «игола» *, начинающегося в верховье небольшими, но глубокими «чашами», сообщающимися узкими и мелкими проточками, высыхающими в засухи; далее «чаши» учащаются и, наконец, переходят в сплошное, узкое и глубокое, русло. Игол протекает верст 10—15.

Ночевали на возвышенном мысу, край болота [3], растянув для защиты от комаров полога. За день умаялись порядочно, потому что весь путь, за исключением саймы Кайдалова до мошарины, был по тонущему под ногами мху, сильно ослабляющему шаг. Ночь была тихая, теплая.

2) 29 июня. Утром сделали экскурсию на ближний небольшой кедровый остров, где срубили для определения кедр и несколько елин, собрали растения, произвели фотографические снимки и выкопали несколько ям глубиною около аршина. На дне некоторых ям начиналась мерзлота. Вероятно, благодаря этой мерзлоте, лес болотных островов развит менее, чем лес увалов материка. Достигнув вышины 4—5 печатных сажен, он как будто сразу останавливается в развитии.

Болото длинными зигзагами направлялось на SW и было до полуверсты шириной. Место топкое. По словам проводника, за этим болотом начиналось другое, более обширное.

К полудню вернулись на мыс, место ночевки, где выкопали яму для определения почвы.

3) После чаю отправились обратно на Вах другою дорогой. Сначала шли край берега игола, потом отдалились от него на NW, пересекая луки, опять приблизились к нему и взяли от него прямое направление на реку. Место было более крепкое, чем в передний путь, и сухое, встретили лишь несколько высохших болотцев.

* Небольшой горный приток, местами до полуверсты шириной.

Дорогою собирали растения и фотографировали местность.

Часов в 6—7 вечера вышли на протоку Ларьякскую верстах в двух от устья, прошли край ее берега и, пересекши направившуюся от материка гриву, окаймляющую зашедшую с р. Ваха курью, берегом Ваха пришли к лодкам, срубив по дороге для определения несколько лиственниц.

Общий характер пройденной местности был таков: материковый берег Ваха представляет сначала сухую, изрезанную саймами местность, покрытую низким смешанным лесом, выросшим на гари; далее встречаются мошарины, за ними — болота с находящимися на них сырыми, сохранившимися от пожара островами.

От саймы спустились в лодках немного ниже, в плохи Кайдалова, находящиеся в отошедшей от материка гриве смешанного леса. Собрав растения, вернулись обратно к займе. На отошедшем от материка мысу с камнями и галькой купались. Солнце уже садилось, когда приехали в село. Погода все время была солнечная, теплая, с легким ветром.

30 июня. Большую часть дня занимались приготовлением к предстоящему пути. К вечеру ходили за сбором растений в Ларьякский деревенский бор.

1 июля. Ходили с Городковым на сор за протокой против села собирать растения. Уже поспела княжница (на болотах — морошка). Спугнули с гнезда чирушку. Городков сфотографировал гнездо, наполненное яйцами. Вечером прикладывались в путь.

Проводником на Куль-еган и Сабун взялся инородец Микаль (Максим) Прасин с платою по 1 р. 50 к. в день на его содержании.

2 июля. Отправились в 4 часа дня на гребях вверх по течению деревенской протоки; местами, где позволяли берега, шли бечевой. Микаль был на корме, трое рабочих то в гребях, то бечевой. За каюком был привязан облас человека на три вместимостью. Мы сидели наверху каюка, я зарисовывал реку. Погода стала хмуриться. То набегали небольшие тучи и моросил мелкий дождь, то светило солнце. Выехали на Вах. Мы с Городковым сели в облас: я на корму, он вперед — производить маршрутную съемку. В обласу доехали лишь до средины стоящего среди Ваха против нижнего устья Соктуара острова — полил дождь и заставил нас перебраться

на каюк, с которого и производилась дальнейшая съемка.

В каюке подвигались очень медленно, быстрее шли бечевою, но хороших бечевников, благодаря все еще большому подъему воды, было мало. К 8 часам приехали к верхнему устью Соктуара, где стояли несколько остяцких юрт, обитатели которых при нашем приезде приготовляли «мёгтек» *, иные сушили на «лимезах» «чёмох» **, один толок «порсу».

На жердях висела сушившаяся, вернее, преющая от дождя рыба; у берега реки, в образованном жильником круге, сидели караси; у юрт встречались клетки с утками. В одной были два молодых вострохвоста, в другой — халей.

У юрт остятки варили в котлах «варку».

Палатку разбили немного выше устья Соктуара.

Местность по берегу Ваха до верхнего устья Соктуара — заливная низменность, заросшая гривами смешанного лиственного леса (осина, тал, береза), с сорами по берегам речек и озер. Берега спускаются в реку то низкими ярами, то небольшими закосистыми песками. Ширина реки — 100—150 сажен.

У устья Соктуара, немного ниже его,— остров, поросший тальником. Левая протока Ваха у острова почти вся высохла.

Соктуар, начинаясь двумя устьями, сначала узкими, уходит далеко, расширяясь постепенно в верхнем и быстро — в нижнем устьях. Далее идет то узкою до 2 саж. шириною, то широкою саж. до 50 речушкою, протекает через широкое, 1,5—2 версты в поперечнике, озеро и близко подходит к Сабуну, имея в него, кажется, несколько выходов.

Мне приходилось подыматься по его медленному течению дня по 2, но истоков его не предвиделось: урей за урьем, соединенные узкой речушкой, и так, кажется, бесконечно идет он, спустя немного после прохода большого озера.

Оба устья перепираются «варами» и славятся как рыбные места.

3 июля. К утру пошел мелкий дождь и моросил по палатке. Палаток у нас две: в одной помещаемся мы,

* Жареный чебак.
** Мясные части мёгтека.

в другой — рабочие. Напившись чаю, ходили меж юртами, заходили в них, разговаривали с остяками и делали фотографические снимки. У нас два аппарата размера 13 × 18: музейский у Городкова и мой собственный — у меня.

Часов в $9^1/_2$ утра отправились дальше. Дул встречный ветер, к полудню пошел частый дождь. Мы подвигались медленно, почти по версте в час, местами каюк даже сносило назад. Ехали больше на гребях, так как пески были с длинными, частыми косами, или незначительны по протяженности. Вах широк, даже местами шире, чем у Ларьяка, но на нем, ближе к берегам, частые гольцы[6].

Городков ненадолго выходил на берег за сбором растений, потом дождь загнал его в каюк, где он взялся за перечерчивание вчерашней карты; Мельников производил очередную съемку, а я то греб, то пособлял рабочим, то записывал дневник. Из этнографических наблюдений нового для меня ничего не встречалось. Грести приходилось всем, кроме Мельникова, после меня засел Городков, и так переменялись.

После полудня, часов в пять, мы едва добрались до летних Панаскиных юрт на левой стороне Ваха, против них, на берегу Панаскиного ёгана,— зимние юрты. Отсюда Вах круто повернул почти на полдень. Ниже юрт по берегу реки начинают попадаться сосновые деревья.

Остяки весело встретили нас в юртах. У них мы купили шаманский бубен за 12 руб., шаманские, расшитые бисером шапку и рукавицы за 3 руб., деревянный «томар» за 40 коп. и за 1 рубль старинный «томар» с костяным наконечником.

В 8 часов остановились ночевать, поднявшись по реке немного выше юрт, на песке правого берега реки, которая в этом месте была узка, саж. до 80, но уже березник и осинник по ее берегам становились выше и гуще.

Дождь прибавлял, не переставая ни на минуту, когда мы разводили костер, а рабочие разбивали палатку. Сушились у огня, сделав навес из брезента. Настроение, несмотря на погоду, было веселое. Смеялись над Микалем и вместе с ним, когда он, будучи мокр, говорил, что для него все равно: ведь в брюхе всегда мокро, но вреда не получается.

Греясь, Микаль рассказывал нам о предстоящем пути, о названиях Лох-кэн-тугских озер, о рыбе, о множестве тетерь в верховьях Сабуна.

Когда перешли в свою палатку, то оказалось, что это произведение маньчжурского солдата (Городков заказывал шить ее маньчжурскому солдату, рекомендовавшемуся специалистом по этой части: даже для господ офицеров работал) промокло сквозь, промок даже постланный на полу брезент.

Дождь шел, и, чтобы не промокнуть самим, пришлось закрыть верх палатки брезентами. Брезенты намокли и переломили шест палатки: образовалось углубление, в котором не замедлила накопиться вода и стекала на уснувшего «ангельским» сном Мельникова.

Был ветер. С деревьев сыпались крупные капли. Мы крепко заснули, посетовав перед сном на наше положение.

4 июля. Утром не хотелось вставать, несмотря на то, что дождь уже перестал. Было ветрено и морочно. Ехали быстрее вчерашнего. По берегам начал попадаться хвойник, смешанный с лиственным лесом. Ветер к 11 часам стал стихать. Движутся серые облака с белыми просветами, несколько раз выглянуло солнце. Городков ездит в обласе около каюка. Один раз зачерпнул воды и чуть не перевернулся, но скоро справился, подъехал к берегу и вылил воду из сапог.

Я в продолжение дня производил маршрутную съемку, сидя на крыше каюка. На одном из островов, к которому пристали пить чай, ходили с Городковым собирать растения.

После полудня все чаще и чаще стало проглядывать солнце, появились кучевые облака, и наступил довольно сносный день. Дорогою встретили остяков из юрт Больших Ромкиных, едущих в село. К вечеру доехали лишь до «Катькиного бора», где встретили не очень давние остяцкие могилы. По обыкновению, кресты были увешаны платками и полосами ситца, могилы покрыты киской [7], валялись куженьки, чайники, посуда — все, по обычаю, сломанное. На одном из крестов висел медный колокольчик, чего мне прежде не приходилось встречать.

В «Катькином бору» часто встречаются лиственницы, довольно высокие и толстые. От них и проходящая край бора протока Ваха называется Нян-мугэт — Лиственничная протока.

Микаль рассказывал, что в протоке водится много щук. У нас были молоток, шипцы, зубило и несколько

напильников, и вечером я сделал из куска меди, который отсек от чайника, и нескольких удочек — блесну. Микаль уехал с ней на промысел. Когда стало смеркаться, он вернулся и привез аршинную щуку, попавшуюся на блесну.

Ночью, пред утром, шел мелкий дождь.

5 июля. Микаль и рабочие варили пойманную вечером щуку. В сделанном кискане были очень малы уды, Микаль жаловался, что щуки срываются; я сделал новый, большой, загнув уды из выдернутых из каюка проволочных гвоздей.

Городков с Микалем поехали на болото бора (нужно было спускаться по Ваху, проехать протокой и далее идти пешком), я же, Мельников и рабочие пошли брать почвенные образцы. Были подзол и типичный боровой песок. Покончив с образцами, измеряли срубленные вчера для определения сосны. Они были более 8 сажен высотою, 1 фут $4^1/_4$ дюйма в отрубе.

Счет годовых слоев дал 190 лет.

После полудня вернулся Городков и описал образцовые ямы.

От бора отправились в 4 часа дня. По берегам Ваха часто встречаются сухостои хвойного леса, спаленного пожарами. На реке — гольцы. Едем больше с помощью гребей, медленно подвигаясь вперед. Городков сидит на крыше каюка и производит съемку.

Выше «Катькиного бора» Вах идет длинными и широкими плесами, по берегам — горелый вперемешку с сырым хвойный лес.

Перед отправкой Микаль ездил на Нянь-мугэт — поймал щуку и застрелил двух уток: гоголюшку и маленького гоголенка.

В одном месте правого берега встретили протоку, по словам Микаля, значительно сокращающую путь, но ей не поехали: очень быстра.

Остановились ночевать часов около 9 на покрытом густым смешанным лесом левом берегу реки. Росли высокие и стройные березы, кедры и ели, черемошник, рябина; к сырорастушему лесу прилегала гарь. Для палаток расчистили место, развели костер, заварили рыбу, уток. Погода тихая, морочная, с сырым полутуманом, прорезываемым мелким дождем.

6 июля. Перед утром опять шел дождь и вымочил палатку, которая каким-то образом не протекла. Проснулись часов в 8. Погода хмурая.

Близ места стоянки местами был сильный буреломник горелого леса. В одном месте лесины стояли вверх корнями, поднимаясь сажени на $1^1/_2$. Я залез на один из корней и сделал снимок гари.

Каюк отправился вперед, мы же с Городковым пошли на гарь. Гарь молодая, густо заросла мелким подростом березника и осинника край берега, внутри подрост был реже. Повсюду страшный лом. Ствол на стволе, горелые пни, высоко задранные корневища поваленных бурею громадных кедрин, елей, сосен.

Сделав описание гари и собрав растения, поехали в обласе догонять далеко ушедший вперед каюк, который и догнали близ верхнего устья протоки Ларьякской.

Это устье узкое и мелкое, так что в малую воду в каюке невозможно проехать. Выше его на 2—3 версты несколько лет назад в густом лесу стало образовываться новое устье, значительно сокращающее по протоке путь до юрт Ларьякских.

Вах при впадении в него протоки сажен до 40 шириною: по берегам — смешанный лес. Ель и кедр — гривами.

На правом берегу устья протоки — две бревенчатые юрты. Одна заперта, в другой живет до 10 человек, частью разъехавшихся на промысел.

Здесь мы встретили битых ленных гусей и одного молодого — живого. За гусями остяки ездили в ближний ёган, где они линяют и гнездятся.

Один из остяков, старик, выделывает обласа; доканчивает уже третий.

Купив в юртах на 2 руб. берестяных изделий и остяцкий нож с ножнами, мы догнали порядочно ушедший вперед каюк.

Против второго, верхнего устья протоки Ларьякской на песке правого берега Ваха — также несколько бревенчатых юрт. На берегу — свежесделанные обласа. Остяк из этих юрт приносил продавать мех с беличьих лап, мех был очень плохой, со вставками из заячьих шкур, просил же он 10 руб. Не взяли.

Погода стоит плохая. Едва-едва проглянет клочок синего неба и опять — сплошные водянистые облака с темными волнами по ним. Моросит дождь.

Едим мы три раза в день: утром — чай, иногда с горячей закуской (жарим ветчину или поджариваем с маслом вчерашнюю кашу); после полудня — обед: жарим

ветчину и — чай; вечером — жаркое и чай. Мельников ведет метеорологические наблюдения три раза в день. Съемку реки производим попеременно.

Выше Катькиного бора пески становятся более удобными для передвижения бечевой. Каюк идет, сравнительно с прошлыми днями, довольно быстро.

Помеченная вчера Городковым протока с нижнего устья, а сегодня Мельниковым — с верхнего значительно сокращает путь, но мы не поехали по ней, как я уже писал, опасаясь сильного течения и неудобных, коротких песков. На гребях же наш каюк подается медленно.

Версты на 3—4 от нижнего устья этой протоки к северу пошел Тэгэ-ёган, начинающийся с Куль-ёгана; немного выше его, в правом берегу протоки,— нижнее устье Тылес-пасыл [8], протоки, идущей от Куль-ёгана. В некоторых местах эта протока пересыхает.

Мы подвигаемся. Рабочие больше идут бечевою. Микаль — на корме. Погода холодная; рабочим приходится трудно, особенно на закосках: ни один из них не имеет сколько-нибудь сносных броден, а забредать приходится далеко. Но парни старательные и выносливые.

Не доезжая до юрт Ераскиных версты 3—4, в правом берегу Ваха есть волок на большое, версту в длину и сажен 100—150 шириною, озеро с белою водою. В нем водится сырок.

Ераскины, две бревенчатые юрты, находятся на левом берегу реки, почти на половине песка.

Городков сидит на крыше каюка и перекладывает растения, которые уже начинают, благодаря сырой погоде, преть. Выставить наверх невозможно: моросит дождь. Решили в Ераскиных взять жильник и сушить растения над огнем подобно тому, как остяки сушат «чомох». Что-то выйдет?

Берега Ваха после соединения с прямой протокой становятся шире, сажен до 100; растительность по берегам та же, но уже резко выдаются, возвышаясь среди другого леса, ели.

В юртах Ераскиных живут остяки Больших Ромкиных и Ларьякских юрт, приехавшие сюда для рыбной ловли, в предыдущих же, против верхнего устья протоки Ларьякской,— остяки Больших Ларьякских юрт.

Против юрт Ераскиных, между Тылес-пасылом и Вахом,— небольшие сора. В круглежащей местности, по

рассказам остяков, также есть небольшие и нечистые, но все же сора.

В Ераскиных купили две пестреных внутри куженьки за 40 коп. и за 20 коп. жильник — для сушки растений.

Остановились ночевать на яристом, покрытом кедровником и смешанным лесом, берегу. Ходя по лесу, видели много срубленных в прошлом году огромных кедров. Это остяки, несмотря на то, что инородной управой под страхом 25-рублевого штрафа за каждый срубленный кедр запрещено рубить его, рубят для сбора шишек.

В юртах Ераскиных мы видели инородца с недействующей правой ногой. Он искусно сделал деревянную фальшивую ногу с шарнирной двигающейся подошвой и высокой рукоятью, за которую он при движении держится рукой.

Там же остяки просили у нас лекарство для девочки, у которой сильно распухла рука: уже образовался гниющий нарыв. Посоветовали промывать ее и дали какого-то лекарства, лишь бы исполнить просьбу.

В медицинском отношении край поставлен плохо: никто почти не проезжает, а если и проезжает фельдшер, то в 3—4 года раз.

Близ места стоянки Городковым была найдена ольха. На месте стоянки много красной смородины, чего мне не приходилось встречать близ Ларьяка, где много черной.

7 июля. Перед утром опять шел дождь. Часов в 9 стало просвечивать синее небо, облака стали кучиться, проглядывает солнце — день поправляется.

Утром на одном дереве мы вырезали «Тоб. Губ. Музей 1913 г.», на другом — я поставил свои инициалы «Г. Д.-С.» с обозначением года.

В 10 часов 50 минут мы были у юрт Гришкиных (3 юрты), где купили за 10 коп. карася. Видели молодого гуся. Рыба, по словам инородцев, ловится плохо.

Леса по берегам Ваха — с преобладанием ельника и кедровника. Соров нет. Край песков — хвощ (гусенец).

В $1^1/_2$ часа подъехали к юртам М. Ромкиным. Они стоят на высоком, 2—3 саж., яристом боровом берегу. Против бора, на другой стороне Ваха, хвойная грива с преобладанием кедровника и ели.

У юрт прошли две протоки. Одна, ближе к бору, уже высохла, по вязкому ложу пробегал лишь небольшой ручеек, по другой же можно ездить. Эта протока сажен 100 длиною.

Берег, образованный ложем прилегающей к бору протоки, отходит от бора к Ваху саж. на 20—30.

Остяков в юртах нет, живут в лежащих ниже Больших Ромкиных юртах.

У юрт, в подошве яра, по указанию Микаля нашли серо-белую гриву — то отдельными комьями, то пластами. Взяли образцы. В яру левого берега Ваха, выше юрт, близ воды встречается мелкая галька.

Немного ниже — протока Лярэх-кэн-мугэ (Ершовая протока), сильно сокращающая путь по Ваху. На ее устье Городков поймал большую жабу.

Протока Короткая: до 200 саж., не очень быстрая и усеяна торчащими из воды деревьями, особенно в верхнем устье. Гребцы налегли на весла, и мы с уханьем, быстро проехали по ней.

Против устья, на противоположной стороне Ваха — юрта. Живет остяк.

Подвигаемся больше бечевою край песков. Я произвожу съемку реки.

Погода в средине дня полудождливая. То и дело набегают тучи с довольно крупным дождем. К вечеру выяснило; масса комаров.

Близ Больших Ромкиных — низкий сосновый бор на обрывистом, саж. до 7 высотою, левом берегу; подходит к Ваху. Берег спускается в реку то круто, то пологими полуувалами — закосками.

Вах все уже: саж. до 80—40.

Перед юртами, по левому берегу, залежи болотного торфа.

К 9 часам вечера проехали юрты на левом берегу и остановились ночевать немного выше их в густом еловом острове той же левой стороны. Ночь тихая, лунная; масса комаров; поднимается туман.

В юртах много остяков. Они называются еще Огэр-ёх-пугол (Высокие юрты), потому что прежде находились на помеченном уже высоком берегу, но были заброшены: стал почему-то вымирать народ. Это летние юрты, зимние же — в близлежащем бору.

М. Ромкины называют еще Нягэл-ёх-пугол (Низкие юрты), потому что находятся они на менее высоком месте, чем бывшие Большие юрты.

8 июля. В Больших летних юртах — до 10 строений, считая вместе с амбарами. Есть курная оленья изба, но

оленей, кроме одной важенки, не было: ушли на болот
Есть уличная печка с лежащими около сковородам
Видел несколько пойманных весною лисят, сидящ
в тесном ящике с деревянной решеткою с одной ст
роны.

Этот день мы решились провести на месте и посв
тить сушке растений на лимезе и экскурсии на болот
Сушить растения остался Мельников, мы же с Город
вым, Микалем, двумя рабочими и остяком-проводнико
нанятым за 50 коп., собрались на болото.

От места стоянки спустились в обласах до места бы
ших зимних юрт, поднялись на высокий берег и отпр
вились вглубь.

Сосновый лес сначала был невысокий, редкий, мес
ровное и крепкое, как пол, покрытое низким оленьи
мхом, испещренное протоптанными оленями тропинк
ми. На далекое пространство все было видно. Дал
кой-где подымались из-под мха черные стволы, свид
тели бывшего давно пожара. До пожара рос, по расск
зам остяков, высокий, тоже сосновый лес.

Шел частый дождь, и нестерпимо ели комары, ког
мы подвигались вперед. Скоро кончилось чистое мест
начались признаки заболачивания: багульник, сфаг
Срубили несколько сосновых деревьев. От сердцевин
шли довольно крупные годовые кольца, потом мелк
потом опять сильно крупные и, наконец, до того ме
кие, что без лупы невозможно было различить их гран
цы. Одному средней толщины дереву я насчитал око
150 лет.

Началось болото. Лес становился мельче, почва
мягче, проступала мокрота. Скоро начались топкие л
вины и обширные высокие крепкие кочки с низким
сосенками, белым мхом и морошкой.

Лес пошел гривками. Встречаются глубокие озе
разъединенные кочковатыми гривами. На озерах плав
ют выводки птицы, преимущественно черной. Встрети
бегающую меж кочками пеструю куропатку. Я застрел
ее из винтовки. На одном из озер из винтовки же з
стрелил молодую гагару. В этих озерах нет рыбы, но,
рассказам проводника, дальше есть большие озера, и
них водятся окуни.

На другой стороне болота темнел боровой лес. С
брав ботанический материал, пошли, лавируя меж оз
рами, к недалекому хвойному острову. Перед остров

место стало крепче, суше. Встретились озерки с крепким песчаным дном и лежащим поверх него тонким растительным перегноем.

Остров был из смешанного кедрового и соснового негорелого леса средней вышины. Перед ним встретили кедр вышиною до $1^1/_2$ сажен с плодами.

Часа в 3 пошли обратно, поедаемые множеством комаров, которых на чистом болоте, у озер, было мало. К 4 часам вышли на берег Ваха к обласам. Здесь я сделал фотографии с речной долины и с ира (жертвенного места), находящегося на остатках нескольких деревянных юрт и высоких шестах.

К нашему приезду Мельников высушил уже порядочно растений. Оказалось, что сушить их на лимезе при медленном огне очень удобно.

К вечеру Городков занялся разборкой растений, Мельников ушел на охоту, я же поехал в юрты. Народу было мало, человек 10 с бабами и ребятами. Я разговаривал с остяками и остячками. Был тихий и ясный вечер. Комаров, благодаря безлесной, расчищенной вокруг юрт местности, было очень мало. Разговаривавший со мной старик остяк то и дело смотрел вниз по реке, где под яром расплывались небольшие круги и порою проблескивала выскочившая из воды мелкая рыбка. Это двигались вверх по реке в места зимовок косяки «мёхтека». Двигаются они близ яров, переходя с их изголовья на подошедший песок того же берега; пройдя песок, пересекают реку и переходят яр противоположного берега. Поэтому ходовой мёхтек хватает на каждый песок, и остяки замечают те, край которых он движется, «чистят» их, ставя палки на местах «задев», чтобы миновать их при ловле неводом.

Мы прошли по яру вниз по течению реки и стали вглядываться в прибрежные воды. Близ берега густыми косяками двигался мёхтек. «Дальше в реку идет еще гуще»,— сказал остяк, загораживая рукой от солнца глаза. В продолжение 5 или 10 минут, пока я смотрел, густота хода не изменялась. Остяки молчали, не давая шуметь бегающим детям, унимали собак. Двое остяков отправились в обласу за реку, на песок, чтобы взять невод и перевезти его яром противоположной стороны до примыкающего к нашему яру песка, край которого должен был пройти мёхтек.

Взяв невод, они помчались вперед. Следом поехал в

большом обласу старик, а за ним я, чтобы посмотреть на ловлю.

Мы поднялись край яра вверх по реке, переправились на «изголовье» * песка, оставили здесь невод с обласами, сами же пошли по песку вниз по течению. Мёхтек уже подходил, быстро проскальзывая край закосков, иногда оставляя за собой одинокие круги на воде, иногда выпрыгивая кверху. Остяки молчали.

Дав пройти ему до середины песка, они прибежали к обласам и быстро стали забрасывать невод навстречу приближающейся рыбе.

Для хода невода со стороны реки двумя палками было отмечено узкое, сажен 15, пространство, но, несмотря на это, когда небольшой невод промчался по течению сажен 40—50 и был притянут к берегу, мотня его была почти полна мелким, трепещущимся мёхтеком, порядочное количество навязло в крыльях невода.

За мёхтеком, спустя несколько недель, должен двинуться язь, идущий также на зимовку. Его караулят так же, как мёхтека. За язем движется нельма. В сентябре вверх идет налим.

У наших палаток носились тучи комаров, пришедший с охоты Мельников принес их на себе целые полчища, объяснив, что едва спасся бегством. Развели несколько дымокуров, но помощи было мало. Винили знаменитое произведение маньчжурского солдата — палатку: не пробегай она, мы бы становились на чистом месте, а не здесь, в хвойнике, где было безопасно на случай дождя, зато нестерпимо от комаров...

Голову для защиты от укусов мы повязывали женским платком и сверху еще надевали «намордник» — густую сетку, замазанную кровью наших мучителей. Это все же предохраняло. Есть садились в палатке, предварительно как будто выкурив их легионы. Но стоило только разойтись дыму, как с потолка и со стен вновь мчался на нас неприятель и грыз уже не защищенное лицо и руки. На плавающих в пище комаров мы уже не обращали внимания.

В первые ночи по выезде из Ларьяка мы спали без пологов: было холодно, комаров почти не было. Теперь же даже и в палатке приходилось растягивать полога.

---

* Начало песка, считая по течению реки.

9 июля. Утром, наевшись сваренными гагарой и куропаткой и напившись чаю, отправились в путь, взяв проводником от юрт до речного лома на Куль-егане вчерашнего проводника-остяка, нанявшегося за 80 коп. и бутылку спирту в виде угощения.

Вах такой же: то уже, то шире, то с длинными, то с короткими плесами, встречаются небольшие протоки. Идем больше бечевою, благодаря хорошим пескам. Греби употребляются лишь на перевалках. Стоит солнечный день с кучевыми облаками и приятным, отгоняющим комаров ветерком.

На одном из песков определили скорость хода каюка: 200 сажен, отмеченных лентой рулетки, прошли в восемь с половиной минут.

После полудня приехали к юртам Ласкиным (Ласка — остяк Б. Ромкиных юрт). Тут я сфотографировал молодого орла, сидящего в сооруженной на песке клетке из тала. Орлов держат ради перьев из хвоста и крыльев, необходимых для оперения стрел.

Ласка сказал, что рыба до них еще не дошла. Выше юрт, на левой стороне Ваха, встречаются маленькие сора, есть протока с березовым островом меж нею и рекой.

Ласка сильно жаловался, что рыба не подымается вверх по Ваху. Виною, по его словам,— ходящие в село пароходы: они пугают рыбу. Катера, работающие нефтью, к тому же еще и отравляют воду.

Лес по берегам Ваха — смешанные елово-кедровые с частью сосны гривы, с редкими березово-осиновыми каймами с одной стороны и с таловыми и березовыми зарослями — ближе к воде. Красиво выделяются острые верхушки то одиночных елин, то образовавшихся среди леса небольших еловых островков.

После обеда подъехали к устью Куль-егана. От Б. Ромкиных юрт до него верст 10—15, от Ларьяка до Ромкиных считают верст 100—150: таким образом, от села Ларьякского до Куль-егана верст полтораста с небольшим.

Вах отсюда пошел на полдень, образуя левым берегом острый, лежащий против устья Куль-егана мыс, поросший высоким еловым лесом... Пред нами протока Ваха, в которую верстах в 3—4 выше впадает Куль-еган.

Правый берег реки порос хвойным лесом, от него отходит песок. Левый — тальником, ракитником, начиная от воды; потом — березово-сосновая гривка, прилегающая к смешанной высокой лесной гриве. Этот берег

(Куль-егана) образует с берегом Ваха небольшой сор, поросший край песка гусенцом. Течение быстрое, ширина — 40—20—15 сажен.

Немного ниже места впадения Куль-егана в протоку на левом берегу есть несколько юрт, в которых жили две семьи остяков.

Верст на 6 выше устья по берегам стали преобладать березник и тальник, по левому берегу пошли небольшие сора. Отстав в обласу в поисках уток и проехав узким варом в глубь левого берега, я был поражен ширью раскинувшегося предо мною сора, окаймленного вдалеке лесом, среди которого резко выделялись верхушки елин. Вар [16] в этом месте расширялся и образовывал широкое, но мелкое озеро, от берегов которого и расходился сор. Тут я застрелил чирушку и востроховостицу и пустился догонять ушедший вперед каюк. Каюк шел бечевою по небольшим, но удобным пескам. Течение очень быстрое.

Остановились ночевать на песчаном русле высохшей проточки, отделяющей от лесистого правого берега небольшой талдовый остров. Противоположный берег реки, имеющей тут 15—20 сажен ширины, порос осинником и березником.

10 июля. Ночью на 10-е шел дождь. Утром мы с Городковым спускались на помеченный выше сор. Городков собирал растения, а я взобрался на березу и сфотографировал сор. С лесины были видны небольшие озера. Сор порос крупной осокой, а в кустах и по гривам — низким пырьем с цветами.

Когда мы догнали порядочно ушедший вперед каюк, Мельников сообщил, что случилось несчастье: ветром снесло в воду несколько листов маршрутной съемки, которые и исчезли в быстрине. Я в небольшом обласу спускался далеко вниз по течению, но, несмотря на тщательные поиски, листы исчезли: вероятно, намокнув, утонули, так как прошло уже более получаса.

Чем выше поднимаемся мы от устья, тем более лиственный лес (береза, осинник, тал) вытесняет хвойный и, наконец, сплошные высокие чисто лиственные стены окаймляют реку. Встречается красная смородина.

Местами, более с левого берега, подходят сора, просвечивая сквозь лес. Иногда стену прорезают заросли чернотальника: тут ямы-курьи. И опять — сплошная стена или березника или осинника.

Подвигаемся мы больше бечевою по довольно удобным, хотя и коротким пескам. Мельников производит съемку (вчера ее вел Городков).

С левой стороны впал еган. Выше него к лиственному лесу начинают примешиваться хвойные гривы такой же вышины.

Верстах в 20 от устья реки, немного не доезжая до прежде бывшего, но теперь уничтоженного народом речного лома, остатки которого видны по правому берегу, инородец указал нам в правом берегу вершину Тылеспасыл-протоки, помеченной мною в дневнике 6 июля. Вершина узка и загромождена ломом.

По мере приближения к юртам старика Мукульчина хвойные гривы встречаются чаще и становятся выше и стройнее; вперемежку с ними — высокие стройные березовые и осиновые гривы — рощицы, стремящиеся достигнуть такой же высоты; в глубине, за лесом — небольшие крепкие сора с озерами; пески выше (в сравнении с пройденными), без закосков; общий характер реки становится плавнее, ровнее.

Старика в юрте не было: куда-то уехал и надолго. Близ юрты была курная оленья изба, а около нее нашли запутавшегося в сети оленя, уже отощавшего. Мы освободили его, изрезав сеть. Он кинулся к воде и стал жадно пить.

В курной избе край стен было устроено два куревиша, огороженных вертикально поставленными палками. Песчаный пол был крепко утоптан. Несмотря на то, что курево уже давно потухло, комаров было мало; часто забегали олени.

В берестяной юрте висел завязанный в черную закоптелую шаль бубен, стояли кухеньки, бересто. Около юрты — жильники, лимеза для сушки рыбы и тяжелый хозяйственный скарб: котлы, ступы и т. п.

Микаль с проводником расположились ночевать в юрте, где было мало комаров, мы же, по обыкновению, разбили палатки. Было еще рано, светило закатывающееся солнце.

11 июля. Отправились в 8 ч. 55 мин. утра, как показывали наши часто останавливающиеся часы. Я производу съемку реки. Утро ясное, теплое.

Лес такой же, как и вчера. Местами новое: небольшие гари с мелким подростом. Река шире — встречаются длинные плеса. К правому берегу подходят осоковые бо-

лота. К полудню — леса смешанные, с преобладанием то хвойника, то лиственника: осина, береза, тал.

Встретился первый голец среди реки. Тут по берегам нет песков и сильное течение. По левому берегу хвойный лес (преобладает кедр), по правому — высокий лиственный, с хвойными деревьями. Река шириною до 50 сажен. Пройдя это плесо, она суживается сажен до 20—15.

Часам к трем приехали к юрте Ивана Ильича Катхалева. Перед юртою, на повороте, река шириною до 10—15 сажен; выше юрты, в локте — большой урей шириною до 30—40 сажен.

Далее река опять идет широкими, до 40 саж., длинными плесами, встретилась молодая гарь с оставшимся кой-где хвойником и лиственником. За нею — еще гари, такие же незначительные по занимаемому ими пространству. Микаль говорит, что пожар произошел лет 10 тому назад.

Идя широкими и длинными плесами, река суживается на поворотах, будучи сжимаема песком какого-либо берега до 15 сажен.

До летних Сар-муровских юрт гари встречаются часто.

Вечером мы остановились ночевать близ юрт, находящихся на песке левого берега реки. Разбив палатки, заварили настрелянных дорогою уток. Ночь была лунная. К нам подплыли два обласа с ездившими на охоту остяками. Они из дальних юрт, в поисках ленных лебедей перебрались на Куль-еган к большому лому то по озерам, то волоками и теперь спускаются на Вах. Охота была неудачной, не убили ни одного лебедя.

Они попросили хлеба. Мы дали, и они исчезли в темноте сжатой лесом реки.

12 июля. Утром приехали в летние Сар-муровские юрты. В них — трое инородцев, промышляющих рыбу. Еще не доезжая юрт край песков можно было встретить торчащие из воды талины — это отмечены задевы-карчи: признак близости юрт.

В курной избе юрт было до 20 оленей — это все, что имеют сар-муровские остяки.

Зимние юрты находятся выше, в бору правого берега реки.

Мы хотели купить у остяков «панэн-юг» (струнный музыкальный инструмент) — не продали: свою душу нельзя продать.

В этих юртах иногда добывают нельму. Говорят, что замора здесь не бывает.

От юрт река идет широкими плесами, саж. до 40, иногда суживаясь на поворотах до 20 сажен. По левому берегу — гари.

Лом был близко. От него мы должны были отправить обратно каюк с несколькими рабочими и двигаться далее в обласах. Один большой облас у нас был, другой приобрели на время в этих юртах. Тут к нам пристал попутчик, также идущий на Лох-кэн-тугские озера остяк с молодой женой. Они едут в гости к тестю.

По берегам преобладает хвойный лес, расположенный гривами. Течение медленнее, чем в низовье. Каюк движется бечевою.

Река, по сравнению с низовьем, изменилась. В низовье, близ Ваховской протоки, она узка и имеет растительность берегов Ваха: преимущественно хвойник с выделяющимися елинами; потом — хвойник с преобладанием лиственного леса, сора; далее лиственный лес вытесняет хвойник и идет густыми стройными стенами по берегам узкого течения. Потом опять идут гривы хвойника, но уже чисто выраженные: то стройные средней толщины сосны, то кедры, за ними вверх по течению — смесь как тех, так и других, вперемежку — гривы лиственного леса (береза, осинник), стремящиеся достигнуть такой же высоты. Потом преобладает хвойный лес, изредка, например, перед юртами Катхалева, вытесненный лиственным.

По левому берегу то и дело попадаются гари, иногда чистые, с чуть поднявшимся между черными и серыми стволами часто густым подростом. Изредка пожар, но лишь низовой, хватил и правый берег. Берега песчаные, особенно там, где гари.

В одном месте берега реки, извилявшиеся между двумя протоками, суживаются до 15 сажен. Тут гарь среди высокого густого леса, перешедшая в одном месте на правый берег.

Вершина одной из проток густо завалена ломом. На лому — заросший тальником остров.

Правый берег реки, заросший близ лома снизу осокой, а выше тальником идет дальше чистым сыпучим песчаным яром, на котором растет мелкий сосняк со следами низового пожара. Против яра, на левой стороне — чистый и ровный песок. В одном месте средины

яра выходит подмытый водою неглубокий торф с расположенным поверх него болотом. Тут, край воды, встречается галька.

Скоро доехали до вершины другой протоки. Оказывается, она охватывает остров, опоясанный с севера, северо-востока и северо-запада описанным яром.

Отсюда река опять идет широкими, до 40 саж., плесами; пески — длинные, крепкие, очень удобные для передвижения бечевой. Встретилась узкая, недавно образованная в правом берегу проточка длиною до 5 саж., загроможденная валежником. Она пересекает основание 2—3-верстной луки. На поворотах река суживается. Иногда встречаются старые гари, мало выделяющиеся среди высокого леса, и по правому берегу.

Река сильно извилялась, но встречаются и прямые плеса. Выше одного из таких, длиною версты в полторы, встретился по левому берегу глубокий, уходящий в воду торфяник с низким сосняком поверху. Выше его, на «изголовье» противоположного песка, мы остановились ночевать.

Пока остальные устраивали палатки, мы с Городковым поехали на торфяник. Он был сильно заболочен, но у берега реки крепок, и мы прошли им до низовья. Местами попадались высыхающие лывы, встречались морошка, голубица, мох, мелкий кедровник, масса росянок [11].

Осмотрев болото, вернулись к палаткам, где уже подымались клубы дыма от разложенных дымокуров.

По словам ехавших с нами остяков, далее на болоте есть озера.

Мы ночевали в палатках, остяки же — в пологах, сделав над ними навес из кисок. Ночь тихая, холодная, подымается туман.

13 июля. Утром мы с Городковым опять были на болоте торфяника, сделали снимки, взяли отрубы болотного кедра и догнали, проехав узкой и длинной протокой, далеко ушедший каюк.

Река идет длинными и широкими, до 50 саж., плесами; гари — редко, зато участились береговые торфяники.

К полудню приехали к лому. Перед ним река суживается, течение становится быстрее; по берегам преобладает лиственная растительность. Лом протянулся версты на 2. В нижней части река занесла его песком, образовав остров, заросший талом с там и тут торчащими деревьями.

Выше — сплошной хаос леса, под которым журчит и шумит пробивающаяся вода. Стволы деревьев то в беспорядке нагромождены один на другой, то, засев вершинами, почти вертикально поднимаются вверх корнями. В одном месте — перерыв, не заполненное лесом пространство, за ним — море тесно сплотившихся деревьев, тянущееся до верхнего конца лома. Во многих местах на лому растут береза, тал. Год от году лом увеличивается со стороны верховья от массы приносимого, особенно весной, леса.

Сделав фотографии (я залезал на высоко поднявшееся корневище, откуда снял лом и на котором меня сфотографировал снизу Городков), мы пришли к разбиваемым на левом берегу палаткам. Отсюда шел волок, направляющийся к верхнему концу лома.

Отобедав, принялись за работу. Нужно было отобрать необходимые для дальнейшего пути вещи и приготовить к отправке каюк, на котором с двумя рабочими должен был спуститься в село Мельников, чтобы дорогою возобновить съемку той части пути, которая была отмечена на листах, унесенных ветром по его вине. С ними же отправлялся и взятый нами из Б.Ромкиных юрт проводник: дорогу брались указывать ехавшие с нами молодожены.

Нам предстояло ехать в двух обласах: я с Городковым в одном, в другом — Микаль со Степаном, рабочим. Часть вещей брали в свой облас проводники.

Городков засел за разборку растений, мы же — за разборку имущества, которое вместе с двумя обласами нужно было перетащить на противоположный конец волока.

Волок, сажен 100 длиною, сначала шел по лесу крепким проторенным местом, потом выходил на два густо заросших и зыбунистых по берегам озерка, соединенных густо заросшим проливом, и отсюда сначала по топкому месту, край озерка, и, наконец, опять по сухому выходил на реку выше вершины лома.

Сначала мы перетащили обласа, потом постепенно — пудов 15 багажа, оставив часть на завтра. В обласах оказались небольшие течи, которые пришлось заделать кедровой серой: я накопал ее с кедрин, разложил по шели, зажег и размазал нагретым концом ножа.

14 июля. Мы собираемся в путь. Досушиваются растения. В полдень перетащились окончательно и уложились в двух обласах, положив часть вещей проводникам.

Я на корме. Городков — в носу, производит съемку, в свободное же время пособляет мне грести. Обласа подаются ходко. Река такой же ширины, но гари реже, разве выдвинется небольшой мысок; растительность по берегам более лиственная, подходят сора.

Погода жаркая, но кругом ходят тучи, и часто гремит гром. Часу в четвертом нас слегка смочило дождем, была сильная, но короткая гроза.

К вечеру приехали к одной юрте семьи лохкэнтугских остяков, промышляющих здесь рыбу. Хотели купить у них охотничий лук, но просили дорого: 2 руб. В юрте я сделал снимок остяцкого ребенка. Освещение было слабое, вынести же ребенка на улицу остяк не захотел: «Хворает, да и зачем снимать: возьмешь с него карточку — он совсем умрет».

Немного выше юрт — волок на Тэгэ-еган, близко подошедший к реке с ее правой стороны.

Остановились ночевать на песке левого берега, близ чьих-то недавно бывших юрт. Багаж весь вытащили на берег, сложили в одну кучу и закрыли брезентом. Мы с Городковым расположились ночевать в палатке, Микаль со Степаном в пологу, остяки — тоже. Погода морочная, тихая, масса мошек и комаров.

15 июля. Сырое морочное утро. Собрав растения, часов в 8 мы отправились далее. Река идет широкими плесами. Пески, смешанная растительность по берегам. Встретили две пустых юрты старика Андрея, стоящие на возвышенном, до 1,5 саж., левом берегу реки. На берегу сосновый бор. Проехав далее, на том же левом берегу опять встретили сосновый бор, горелый, по-видимому, два раза и в нем — лиственницы. Это вторые встреченные нами в долине лиственницы, первые — в Катькином бору. Мы пристали и, собрав растения, поехали догонять ушедшие обласа.

Отсюда лиственница, то отдельными деревьями, то группами, часто встречается по обоим берегам реки.

Встретились в правом берегу речной протоки. Близ нее по берегам — густые еловые стены с заметными лиственницами. Их много по берегам протоки. Протока мелка в среднем течении и очень быстра, в вершине же и на устье течение слабое. Остановились ночевать близ вершины протоки, на правом берегу. Встречается пихта. Ночь холодная, морочная, с сильным северо-западным ветром. Ни одного комара.

16 июля. Утро холодное, ветреное. Комаров нет, тогда как в предыдущее утро в лес невозможно было зайти.

Проехав немного по реке, мы свернули в Лох-кэн-еган, живец, протоку правого берега, соединяющую Лох-кэн-тугские озера с Куль-еганом.

В низовье живец шириною до 10—15 саж., глубиною до сажени и менее (до нескольких четвертей), со средней силы течением. Скоро по его правому берегу начался материк вышиною до 5 саж., заросший большею частью высокой лиственницей, по-видимому оставшейся от пожара, так как везде видны обгорелые пни и черный валежник. Местами материк отходит от берега — он становится яристым, заросшим по скатам травой; растут березник и осинник, смешавшиеся с хвойником.

По рассказам Микаля, приходившего сюда зимой на охоту, материк этот уходит частью к Сабуну, частью — на Вах, к Панаскиному болоту, составляя водораздел между настоящим живцом и Сабуном. В материке встречается много сырых, пошаженных пожаром мест.

Далее и левый берег стал более возвышенным. Встретились плоха, заброшенная юрта и две варовые речки с признаками вара.

Близ выхода на озеро берега живца, в большей степени — левый, становятся соровыми. Тут живец перепирается в нескольких местах запорами, остатки которых видны и сейчас. Лов рыбы производится весной, когда еще стоит лед. В середину запора ставят морды, устьем против течения, в береговых концах устраивают котцы. Рыба стремится с озера и набивается в ловушки. Перед ледоходом ловушки караулят и убирают перед движением льда.

На правом берегу встретили деревянную юрту в березовом лесу с уличною глиняной печью и стоящими лимезами для сушки рыбы. Хозяева куда-то уехали. В юрте лежали два непочатых мешка ржаной муки, куженьки, лыжи и прочий скарб.

Проехав отсюда версты полторы, выехали на озеро. Озеро версты полторы шириною и до 4 верст длиною, протянулось с юга на север, образовав к востоку длинные курьи.

Материк, идущий по правому берегу егана — живца, непрерывно окружает его с юга, запада и северо-запада, на севере образуется как бы проход, чуть виднеется про-

сека-плоха (там, за плохой, озеро Вэс-эмдер — Мамонтово озеро); с северо- востока и востока вдали его также окружают материки. Микаль говорил, что на севере, где виднеется плоха, живет остяк Карыс, и от его юрты — самая ближняя дорога на Ерган-еган, но оленей, на которых мы предполагали перевезти наш багаж и один из обласов, мало; нужно ехать на большое озеро. Озеро, по которому мы едем сейчас, Ваньть-лохкэн-туг — ближнее.

С него еган идет на другое, самое большое озеро. По берегу егана и озера — чистые сора, затопляемые вешнею и летнею водою, покрытые крупной осокой.

Сначала еган идет глубокою, но узкою, до 10 сажен полосою, поросшею по берегам низким березником. Далее к березнику примешивается сосна, выходят мысы боров. В березнике встречаются плохи. Это славящиеся по всему Ваху плохи по массе добываемых в них головней (турпанов) [12].

Перед выходом на озеро еган течет среди соровых берегов и образует длинное, саж. до 150 шириною мелкое озеро, которое затем суживается: тут загорожен вар, в нем для проезда оставлен небольшой проход.

Лов производится отличительным образом. Осенью рыба поднимается с низовьев в озеро для зимовки. Для нее край правого берега оставлен небольшой проход, к которому подходит с верхней стороны «выт» — четырехугольная, образуемая жильником, «комната».

В одной из стен «выта» — широкий проход, в который поставлена морда. При большой воде проход сверх морды закрывают лимезом. Выше этого запора — остатки старых запоров. Сейчас в морде добывают идущего в озеро язя. Ход еще незначителен. Как озеро, так и живец, не пропадают [13]. Выше запора берег истоптан: это место притонения вешнего невода, которым неводят спускающуюся с озера рыбу. Ниже — подобное истоптанное место притонения осеннего невода, им неводят остановившуюся у запора, идущую в озеро рыбу.

К вечеру мы выехали на озеро, протянувшееся с юга на север на пять верст, шириной около 2 верст. Далее оно загибается на северо-запад. Окружено сорами, большею частью с северо-востока, и прилегающими сосновыми борами. Берега озера отлоги, частью вязки, все озеро мелко, за исключением русла егана, который, пройдя озеро, уходит далеко на восток, поворачивая вершиной на северо-запад. Местами берега песчаные, очень

крепкие. Встречаются галька и железисто-коричневый рассыпчатый камень.

Летние юрты находятся на западном берегу, версты на 2 от егана, край соснового бора. Они состоят из деревянных и берестяных конусообразных юрт и высоконогих амбаров. Есть курная оленья изба, уличные печи. Сейчас в юртах человек 10 мужиков, 5—6 женщин и десяток ребят. Летнее занятие — рыболовство на егане и озере: неводят, промышляют мордами.

Зимние юрты — на северо-восток от летних, за озером в бору. Когда мы подъезжали к юртам, обитатели их высыпали на берег и молчаливо, с любопытством смотрели на нас.

Мы пристали выше юрт к трем отдельно стоящим амбарам. Обласа вытащили на берег. Из остяков долго никто не приходил к нам. Потом, когда разбивали палатки, они потянулись один за другим, молча, длинной вереницей. Каждый подходил по очереди к каждому из нас и жал правую руку. Последним подошел, держась за руку ведущего его мальчика, слепой старик.

После обыкновенных путевых разговоров мы повели речь о переносе багажа через волок. На предложение расплатиться деньгами остяки отказались, прося по одной бутылке спирта на каждого из 8 работников. Срядились: 4 бутылки спирту и денег, сколько дадим, смотря по трудности пути. Остяки говорили, что нести придется на себе и далеко: отправившись с утра, придется ночевать. Можно было бы перевезти на оленях, но они, благодаря холодной погоде, ушли на болото. Пробовали было подрядить переправить волоком и обласа, но об этом и говорить не велели: нельзя. Обласа можно найти в ближних, лежащих за волоком юртах.

Один из тех обласов, на которых мы приехали, подрядили инородцы за 2 р. сплавить за попутным делом в село, другой же, согласно договору с хозяином, оставляли в юртах.

Все вино остяки просили вперед, но мы дали лишь две бутылки, опасаясь пьянства. Спирт остяки разбавили водою — получилось 5 бутылок довольно крепкого вина.

Недалеко от места стоянки есть длинный мыс. Отсюда, по рассказам, иногда переплывали через озеро внезапно появляющиеся кони, в большинстве пегие. Мираж видели на утренних зорях. Теперь не появля-

ются. От этих коней и получило название озеро Лох-кэн-туг — Лошадиное озеро.

Остяки пришли сюда с Ерган-егана. Об этом рассказывал слепой лохкэнтугский старик. До них здесь жили самоеды. Старик про самоедов не помнит, но еще молодым слышал от стариков, как они воевали с самоедами, поселившись в этих местах. Как-то раз между ними был один русский. Самоеды были близко и хотели напасть. Русский стал стрелять из ружья — самоеды услыхали, испугались и убежали. Недалеко от юрт есть могилы «арэх-лунг» — больших чертей.

17 июля. Сегодня мы на месте: сушим растения. Днем фотографировали местность и инородцев. Ходили край озера за растениями. Одна часть озера, начиная от Лошадиного мыса, загнулась на северо-запад. Берега большею частью песчаные, крепкие или покрыты вязким темным налетом. Много гальки, иногда величиною в пудовую гирю.

Разговаривали с пришедшими к нам инородцами, которые готовы просидеть около нас целый день. И немудрено: мы первые из русских, приехавшие сюда летним путем. Зимою иногда проезжает священник или фельдшер.

Главное занятие этих инородцев, как и остальных ваховичей, звероловство. Добывают преимущественно белку. На зимний промысел они отправляются на высокий водораздел между Куль-еганом и р. Толькой. Там много камня и редкий лес. Если ехать быстро на оленях, то отсюда до водораздела дней десять пути.

Вечером на сухой сосне у нашей стоянки инородцы вытесали плоскость, и я написал карандашом, сильно вдавив буквы: «Здесь 1913 года 18-го июля была Экспедиция Тобольского Губ. Музея. Б.Городков и Гр. Дмитриев-Садовников».

Условились отправиться в путь завтра, в полдень, утром же сходить на могилы «арэх-лунг» и, если окажется возможным, произвести раскопки.

Погода уже второй день стоит ясная. Сегодня даже теплая. Ночи тихие, холодные. Днем ветер, стихающий к вечеру.

18 июля. Утром пошли на могилы, находящиеся к югу от юрт на выдающемся от бора мысу в получасе ходьбы.

Могилы представляют собой заросшие ямы длиною до полутора сажен и в аршин шириною. Расположены

они частью рядами, частью беспорядочно. Раскопки одной из них не дали никаких результатов. Подобные могилы встречаются в Ваховском краю во многих местах.

Утром, часов в 8, двое остяков, взяв немного клади, отправились по волоку вперед, чтобы дойти до ближайших юрт и доставить нам навстречу обласа. Эти ближние юрты были Ерган-еганские юрты самоедского притока.

В 3 часа 55 минут после шумных и хлопотливых сборов отправились и мы — 13 человек. Все нагрузились, как кони. В числе носильщиков две девушки, нисколько не отстающие от мужчин. Я вел съемку пути с шагомером и компасом. Шли бором по крепкой, в несколько тропинок, дороге, направляясь на запад, почти перпендикулярно озеру.

Бор горел лет 10 тому назад. По краю дороги встречаются болота. Прошли вершину бегущей на юго-запад речки с прозрачною, чистою водою. Это бегущий на Сэвес-эмдер игол. Перейдя его по свалившимся деревьям, мы остановились на отдых. Инородцы согрели чай и пьют.

Тяжелая кладь заставляет нас часто останавливаться. Отдохнув минут 5, опять движемся вперед.

Остяки быстро напились чаю и захватили с собой воды в бутылки, т. к. впереди ее не предвиделось. Мы опять двинулись в путь.

Часу в девятом остановились ночевать в небольшом сосновом бору, перейдя слегка водянистое, но довольно крепкое моховое болото, протянувшееся с севера на юг. Была масса мошки.

Вечером, когда мы уже легли спать, остяки долго с хохотом бегали по бору, играли.

Дорога до этого бора шла больше по сухому и крепкому месту, временами близ болота, загроможденного сухостойным буреломником. Против места нашей стоянки, на другой стороне болота, был небольшой, уцелевший от пожаров кедровый остров.

19 июля. Ночь холодная, от болота — туман. Утром ходили на кедровый остров, где копали яму до 1,5 арш. глубиною. На дне ее постепенно начала показываться вода. Почва песчаная.

В 9 с половиной часов отправились в дальнейший путь. Дорога крепкая, по чуть приметным тропинкам. Везде выступает чистый песок и галька; лес редок. Местами идем без всяких признаков тропинок. В одном месте пересекли болото.

По дороге остяки указали на почти аршинный камень-валун, почитаемый ими. Половина камня — в земле, наружная часть покрыта лишаями. Бисер и несколько поржавевших колец видны на нем и около. Одна из наших носильщиц сняла с пальца два кольца и бросила их на камень. Кольца глухо звякнули и покатились на мох.

Мы отдыхали около камня. Тут к нам подошел один из ушедших вчера утром остяков. Они еще вчера пришли в зимние Ерган-еганские юрты, но в них не оказалось обласов, в летних — также. Пришлось съездить на Сабун и оттуда приехать вшестером до конца нашего пути.

Пройдя немного, мы встретили и наших новых проводников, хорошо знакомых мне сабунских остяков. Они сидели на дороге и дожидались нас. Скоро утомительный переход был кончен, в 12 часов мы были на берегу маленького, но быстрого игола, где стояли два больших обласа.

Носильщикам заплатили 11 руб. Они были мало довольны, несколько бутылок спирту было бы лучше. Вино здесь ценнее всего.

Игол сажен 5 шириною, мелок, дно усеяно крупной и мелкой галькой, галька по берегам. Берега моховые, но не болотистые. Растут ракитовые кусты и березник. Местами справа подходит бор. Пройдя немного, игол впадает в другой — более крупный игол. Он шире, но глубок (несколько аршин) лишь в русле, остальное — слегка покрытые водою мели, заросшие водяными растениями. Местами эти растения покрывают всю воду.

В низовье ширина игола достигает сначала 100 саж., далее — до 200 и образуется мелкое озеро в 2—3 версты длиною. Это и есть озеро, на берегу которого — зимние Ерган-еганские юрты. Озеро протянулось с северо-востока на юго-запад. Его песчаные берега во многих местах поросли травою, но крепки. На северо-западной стороне — бор.

Юрты на правом, северо-западном берегу. Недалеко от них, в отдельной юрте, живут старик со старухой, караулящие оленей. В лесу две курные оленьи избы, в которых до 40 оленей.

Мы приехали сюда часа в 3 и остановились, разбив палатку на берегу озера.

Проводники оставили нам обласа и одного мальчика, а сами уехали во взятом у старика обласе в свои юрты,

на Сабун. За свои труды они взяли по рублю на человека, выпросив в виде награды бутылку спирту.

Перед отъездом они угостили половиной вина старика со старухой и мальчика-проводника. Через некоторое время старики с веселым пением были уже у нас и настойчиво просили вина. Вино здесь редко, на их долю пришлось по получашке — и они уже пьяны. Мы не дали. Старик оказался игроком на «панэн-юг». Я ходил к нему в юрту слушать, играет хорошо. Просил продать инструмент — не продает. «Если продам,— вот». И проводит рукою по горлу.

После обеда ездили с Городковым в обласу в зимние юрты, находящиеся версты на 2 выше, в глубине бора. Место чистое, крепкое, на берегу много гальки. Остяки рассказывали, что недалеко от юрт встречаются большие валуны.

Вешний разлив воды, судя по отметкам на деревьях, был не более 1 сажени выше настоящего уровня, считающегося средним.

Плывя по иголу, мы застрелили четырех уток. Трех из них подняли остяки и увезли с собою: обычай охотников брать убитое товарищем себе соблюдался и тут. Незнакомый с обычаем мог бы заподозрить остяков в краже. Вечером мы сидели в палатке. Мы были довольны как окончанием перехода, так и ясной погодой: пока мы ехали в открытых обласах, начиная от лома, нас лишь раз помочило дождем, и то слегка. Что-то будет дальше?

Тихо, слегка морочно. Масса комаров и мошек. Из палатки их выкурили и развели дымокур у входа.

Микаль передал со слов старика, что из рыбы в озере водится лишь один окунь.

20 июля. Сегодня отправились дальше. Я произвожу съемку. По выходе из озера, немного ниже, игол соединяется с пришедшим с запада Ерган-еганом. Мы идем по Ерган-егану.

Берега его поросли затопляемым во время разливов березником, вперемежку с ним попадается осинник, изредка — хвойник. Есть небольшие сора. Течение среднее, ширина до 10 саж., река сильно извилялась. Пройдя версты 4, еган соединяется с устьем и расширяется до 40 сажен. Вид его почти сразу изменился. По берегу — хвойник вперемежку с другим лесом, берега яристы. Перед выходом на Сабун по берегам преобладает ель.

В некоторых местах река переперта варами, уже старыми, край берегов стоят морды; в лесах — плохи.

В полдень выехали на Сабун, бегущий тут с севера. Ерган-еган впадает в него с востока, слева. Сабун в этих местах до 30 саж. шириною, с высокими, до 1,5 саж., затопляемыми вешнею водою берегами. Преобладающая растительность — тонкие, стройные ели.

Немного выше устья, на песке правого берега,— юрты. Живет здесь молодой остяк Мискаль, один из вчерашних проводников, знающий по-русски. В юртах купили за 80 коп. две берестяные коробушки.

Ниже встретили край песков стоящие в воде палки, не часто расположенные и доходящие до середины реки. На палки надето свернутое трубкой бересто, держащееся одним краем в воде. Вода шумит вокруг. Дойдя до береста, рыба пугается и повертывает на противоположный яристый берег, пройдя край которого, идет вдоль прилегающего к яру песка, удобного для неводьбы. Так инородцы направляют рыбу в нужное им место.

Сабун течет то короткими, то длинными, сажен до 300, плесами. Встречаются длинные луки, путь вокруг которых можно сократить волоками, но с нашими тяжелыми обласами не захочешь пользоваться ими. Берега реки покрыты невысоким смешанным лесом с преобладанием красиво выделяющихся чисто еловых и елово-кедровых островов и грив. По берегам часто видны устья урьев, то узких и закиданных ломами, то широких, со свободною водою; течение среднее.

По рассказам инородцев, вся местность от материка одного берега до материка другого затопляется весеннею водою.

По берегам — одиночные юрты ерган-еганских остяков, промышляющих здесь рыбу.

Не доезжая до юрт Якушкиных, на левом берегу мы встретили обширный высокий сор, неудобный для сенокоса: сплошные кочки. Выйдя в одном месте, ниже юрт, на берег, Городков встретил много срубленных кедрин: кедр уничтожают, чтобы собрать с поваленных деревьев шишки, и здесь.

Первоначально у нас плохо обстояло дело с обласами. Живущий против устья Ерган-егана остяк просил с нас 6 руб. за то, чтобы доехать в его обласе до села, тогда как сам облас стоил не более 5 руб. И это несмотря на то, что в скором времени ему самому нужно было

сплавлять этот облас в село за мукой. Мискаль советовал нам спуститься в юрты его брата Якушкины: «Тому что предложите, за то он и даст». Спустились до юрт хозяина одного из обласов, на которых мы плыли,— он запросил 9 руб., а за проезд до юрт Якушкиных, верстах в 5—7 от него — 2 руб. Мы пригрозили, что возьмем облас до юрт с поверстной платой по 3 коп. за версту — согласился дать за 1 рубль и даже поехал с нами.

Яков оказался хорошим парнем. Он кликнул свою бабу и поехал с нею за недалеко находившимся обласом, не рассуждая о плате: «Сколько дадите». Мы дали ему 3 руб. и в благодарность бутылку спирту. Парень был доволен. Микаль долго трунил над облизывающимся теперь инородцем, уже говорящим: берите мой облас, не буду рядиться, сколько дадите.

Еще лучше обстояло дело с хозяином другого обласа: он взял лишь 2 руб., бесплатно дав на дорогу «чёмэху» и ласково распрощавшись.

На ночь остановились на песке левого берега реки. Было тихо, тепло, полуморочно. Масса комаров и мошек. Ночью было слышно, как плескалась подымающаяся вверх по реке рыба.

21 июля. Утром, когда мы вставали, за лесом кричали журавли. Слышали мы их и до этого: на Куль-егане, Ваху. Мы идем по Сабуну. Берега те же, что и вчера: лишь к елям примешивается березник одинаковой с ними высоты.

Часто встречаются табуны гоголей, гагары, реже — востроxвост и чирок. Съемку ведет Городков. Я еду с Степаном.

Перед летними Мёхтег-еганскими (мёхтег — плотва) юртами встретили длинное, более версты, и широкое плесо. Юрты находятся на левом берегу реки.

Мёхтег Ваньки, хозяина юрт, не было: уехал на житье ниже. Это мало обрадовало нас: уже вышел весь хлеб, здесь мы думали запастись мукой.

Немного ниже на реке — лом, громадный, больше Куль-еганского. Перед ним на правом берегу волок. Он длиною с полуверсты и сильно проторен, но неудобен: ямы, выбоины, стволы деревьев — черт ногу выломит. Пересекши луку, он идет берегом Сабуна краем лома, потом опять сворачивает в лес, путается и извивается и, наконец, оканчивается на берегу быстрой протоки.

Перетаска по нему заняла более двух часов и была сильно тяжела, особенно когда тащили обласа. Рубашка льнула к телу, волосы были как смоченные водой. Было уже темно, когда кончили перетаску. Проточка шумела и бурлила вокруг торчавших из нее лесин.

Проточка не широка и с версту длиною, впадает в Синтег-еган (Турпан-еган), недалеко от впадения последнего в Сабун. Синтег-еган называют еще Мехтег-еганом.

Тут, на берегу протоки, мы ночевали, заснув под рокот и шум воды. Комаров и мошек из-за морочной погоды много.

22 июля. К берегам проточки подходит кочковатый сор с погибшим березником на нем и редкими зеленеющими кустами тальника.

Микаль рассказывал нам про образование ломов на Куль-еганс и Сабуне. Их начинали сами же остяки в давнее время, чтобы загромоздить реку и сделать ее недоступной для проезда русских. Это подтверждают и рассказы других остяков. Например, в Лох-кэн-тугских юртах слепой старик еще помнит, когда начинали строить лом на Куль-еганс, загородив реку несколькими деревьями, а сплывающий весною по течению лес дополнил их работу.

Бассейн Сабуна далеко развитее бассейна Куль-еганс: много полноводных притоков, урьев, озер. Вешний подъем воды высокий, судя по отмелям на деревьях.

До часу дня стояли на месте ночевки, Городков перебирал растения. Я прошел с шагомером и нанес на бумагу волок. Длина — 301 сажень.

Собравшись, промчались по проточке, лавируя меж стволами. В одном месте, на повороте, наш облас чуть черпнул воды. Быстро проехали по сильно извилявшемуся, с крутыми поворотами, неширокому Синтег-еганс — и снова на Сабуне.

У юрт Мехтег-Ваньки на правом берегу остановились пить чай. Постройки состоят из деревянной юрты, дымокурной оленьей избы и четырех амбаров. У Ваньки купили за 1 рубль убитого ленного лебедя, которого нам тут же и обеловали.

Утром остяки ездили на охоту за ленными утками и настреляли из луков штук 30. Спрашивали муки — у них не было. Степан ест кашу вместо хлеба, мы едим кашу и пьем кофе с печеньем. Настроение, в общем, веселое.

Несколькими плесами ниже юрт к правому берегу реки подходит материк саж. до 6—7 высотою с не очень давно горелым редким лесом. Речные плеса становятся шире, саж. до 50, по берегам — смешанная растительность.

Не доезжая до юрт Лув-Пугольских, издали заметили лесной пожар. Быстро подымались клубы дыма, кучились и неслись по ветру. Пожар был немного ниже юрт, на противоположной, левой стороне реки. В юртах остяки объяснили нам, что один из них там разводил костер, потушил его, но огонь, не замеченный им, прошел под мох и дня через три вырвался наружу во многих местах. Пробовали затушить — не могли.

У остяков купили за 70 коп. фунтов 8 крупчатки. Степан ожил...

Ниже юрт, где огонь был недалеко от берега, мы выходили смотреть. Пожар был низовой. Огни перебегали внизу, тухли, разливались змейками и вспыхивали ярким пламенем, дойдя до кучи хворосту. Потухали и снова вспыхивали в другом месте, иногда несясь с треском и негромким рокотом.

Остановились ночевать ниже юрт, проехав длинное и широкое плесо, на конце следующего за ним песка, поросшего хвощом. Дул легкий низовой ветерок и отгонял комаров. Стали жарить лебедя. Неожиданно Городков хватился термометра-минимума — его не оказалось: забыл на волоке на месте вчерашней ночевки. Порешили, что завтра утром Микаль со Степаном съездят в нижние юрты и там наймут съездить за термометром и затем переслать его в село с попутчиками.

Во время чая я предложил Микалю съездить, пока не поздно, со мной в юрты, нанять там остяка, который немедленно поехал бы за забытым и к утру доставил его в юрты, где его должен был дождаться Микаль. Мы же продолжали бы свой путь дальше. Микаль согласился, и мы поехали.

Доехав до длинного плеса, не поплыли по нему, решив, что через такую длинную луку должен быть волок. Волок, хорошо проторенный, действительно скоро нашелся. Мы вытащили облас на яр. Тащились с полверсты, добрались до озерка, с него небольшим волоком на какую-то узкую со слабым течением речушку и поехали по ней, благо она шла к виднеющемуся впереди дыму.

Ехали, ехали — проехали дым, а речушке все нет конца, и вот она пошла в совсем противоположную от реки сторону. Вышли на берег и пешком пошли по направлению к рекс. Пробродив в каком-то болоте, вернулись к обласу и часов в 12 ночи без всякого результата выбрались обратно на реку, по которой и двинулись вперед.

Стал накрапывать дождь. Было тихо. Порою в облас запрыгивала разбуженная шумом полусонная рыба. Через час подъезжали к пожарищу, заревом выделяющемуся над темной стеною леса. Было тихо. Порою на пожарище с глухим шумом падали деревья, яркими фонтанами вырывались снопы искр. И опять тишина.

Тут встретили двух остяков, неводящих на песке, и наняли одного из них. Микаль пересел в его облас, я же поехал обратно. Шел дождь.

Промокший, наскоро закусив холодным лебедем, я крепко спал эту ночь в палатке под шум колотящего сверху мелкого дождя.

23 июля. Простояли до 12 часов, и, осмотрев старую, чуть приметную гарь противоположного берега, двинулись в путь. Я с Городковым (он ведет съемку), Степан один.

Река все такая же, лишь чаще подходят гари и от боровых мысов в реку — длинные пески.

Шишек на береговых кедрах мало... Плодоносный кедр здешней местности растет по островам.

Часа в 3 остановились обедать. Микаля еще нет.

В обед приехал Микаль и привез термометр.

Спустя несколько плесов от этого места, к левому берегу подошел материк, идущий от Лох-кэн-тугского егана, и обрывом саж. четырех высотою спустился в реку.

На материке — невысокий кедр, ель, лиственница. Местами выходит гарь с молодым березовым подростом. По берегу встречается галька.

Несколькими плесами ниже этого материка тянутся гари бывшего лет 8 назад пожара.

К вечеру приехали ко второму, последнему лому. Лом густой, в средине виден таловый лес. Волок начинается близ самого лома и пересекает луку правого берега реки, выходя на узкую, с тихим течением протоку. Это лучший из встреченных нами трех волоков как по длине (шагов 150), так и по чистоте и крепости. Его неудобства — одна яма и несколько лежащих поперек лесин.

Часу к 10-му вечера мы перетащились через волок и остановились ночевать на сыром берегу протоки. Степан забыл на прежней ночевке Микалев нож, платок и сетку...

24 июля. Ночь холодная. Утром роса и ни комаров, ни мошек. Городков перебирает растения. Отправились часов в 11.

За этим ломом встречается еще много ломов, но Сабун прорыл стороною небольшие проточки, свободные для прохода.

На крутом и высоком яру левого берега реки стоит юрта Калиног-ики (плешивого старика). Тут, на правом берегу, подошли два обрыва материка вышиною один до 7 саж., другой — ниже. За этим обрывом в реку впали иголы, в которых зимует много крупного сабунского язя.

Часа в 4 приехали к юртам. Городков решил остановиться, не доезжая до юрт, на левом обрывистом материковом берегу. Мы с Микалем вошли в юрту. Там все сидели молча. Закрывшая лицо женщина всхлипывала, вздрагивая плечами. Микаль шепотом спросил сидевшего рядом остяка о причине горя. Оказалось, что на днях у них умерли один за другим двое уже взрослых, до 9 лет, сыновей. Остяк-отец говорил, и слезы катились из заплаканных глаз.

Я пошел по берегу. На берегу был поставлен, вероятно, одним из умерших остячонков, детский черкан. В него попал кулик и так и не был вынут. Две смерти в юртах, доставившие столько страданий оставшимся обитателям, и третья смерть здесь, в черкане, доставившая бы столько радости остячатам, если бы они были живы! Но их нет. Веет какою-то печалью от этих одиноких юрт.

Спросили у остяка рыбы — не оказалось. Поехали дальше, оставив Городкова, что-то фотографировавшего. В одном месте на левом берегу встретилась высокая, саж. до 10, обрывистая сопка. На ней — невысокий лес.

Река извилялась большими луками. Встречаются длинные, более версты, плеса шириною до 50—80 сажен. Погода стоит ясная, на небе — ни облачка, дующий днем средней силы ветер к вечеру стихает.

Остановились ночевать у недавно образовавшихся юрт Данилкиных. Деревянная, покрытая кискою, придавленной сверху гибкими поперечными деревянными дранками, юрта, затем юрта кисочная, амбар — все

новое, веет жизнью. Обитатели занимаются промыслом карасей, окуней и язя. На песке развешаны невода.

25 июля. Утром сфотографировали остяков, распрощались с ними, прокричав взаимное: «Тя, имулэм!» (Ну, прощай!) И снова мчимся вниз по течению.

По берегам береза и тал все больше примешиваются к хвойнику. Не доезжая до устья Котэк-егана, впадающего справа, увидели подошедшие слева увалы материка, которые скоро исчезли. Потянулась хвойная стена. Проехали еще несколько плесов, подошел еще материк песчаною стеной саж. до 12 высотою и на протяжении почти версты идет край реки...

Мы поднялись наверх. Чистое, крепкое место; растет невысокий, голый внизу и шапкообразный вверху сосняк. Есть оленья, сделанная из древесных ветвей курная изба, конус кисочной юрты, палки, огневища: здесь веснуют оленные остяки. Ночевали на песке противоположного берега. Погода тихая, жаркая, небо — ясное.

Завтра — дома, в селе.

26 июля. Вечером были в селе. Низовья Сабуна заполнены сорами, удобными для сенокоса, и на них, когда мы проезжали, там и тут виднелись стога сена.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ИЗ С. ЛАРЬЯКСКОГО В ГАЗЕТУ «СИБИРСКИЙ ЛИСТОК»

Внутренние известия

(От наших корреспондентов)

С. Ларьякское. 7 марта. Весною настоящего года на Вах, вероятно, прибудет экспедиция из Томского университета, от одного из профессоров которого пришло в Ларьяк письмо с вопросами, ответы на которые необходимы ей. Цель экспедиции — пробраться р. Сабуном, правым притоком Ваха, впадающим в него близ села Ларьякского, на р. Таз или Енисей или из верховьев Ваха на Енисей. Путь верхнего течения Сабуна доступен лишь легким обласам, потому что встречается много заломов. Инородцы попадают с него на Таз, перетаскиваясь через незначительные волока.

В верховьях последнего издавна поселились остяки, пришедшие, вероятно, с р. Тыма, правого притока Оби, потому что язык как их, так и тымских, одинаков и не похож на язык инородцев, занимающих низовья.

Народ далеко здоровее ваховского, обладает значительным количеством оленей — у одного, напр., считают их сотнями, тогда как у наших самое большее 10—15 найдется лишь у некоторых, а у многих совершенно нет их.

Наши инородцы, доходящие во время зимних охот до них, передают об их образе жизни далеко не привлекательные вещи. «Хоронить-то даже путем не умеют,— говорят они,— умрет кто — положат на землю, забросают ветками и уедут. Мы сколько таких покойников видели». Старики передают, что там давно уже было обыкновенным делом бросить родившегося ребенка на произвол судьбы, если он не был мальчиком.

Года четыре тому назад в Ларьякской инородной управе разбиралось дело одного пожилого инородца по жалобе его жены и взрослых сыновей. Отец влюбился в свою дочь. Выстроил ей отдельную юрту и говорит: будь моей женой, когда умру, все твое будет. «Нас убить хочет,— заявляют жена и дети,— если только мы мешать ему будем». Посудили это дело сотники да кандидаты, да так ничего и не вырешили.

Часто приходится им терпеть от самоедов, живших там и по Ваху до прихода последних и уступивших место только после продолжительной борьбы, о которой передается много далеко небезынтересных легенд, картинно рисующих быт и обычаи предков. Но и самоедам не очень сладко живется от своих соседей, занимающихся торговлей и берущих за все высокие цены. Так, напр., дешевкой считается купить лист табаку за белку, а об остальном и говорить нечего.

Таз богат осетром, щекуром и др. рыбой; масса птицы. Очень жаль, что мало предприимчивых людей, сделавших бы доступными эти местности. Так и приходят на ум герои Майн Рида, Купера и Эмара, которым хватило бы места в этом неисследованном крае.

У Тазовской губы живут несколько семей г. Сургута, занимающихся торговлей и промыслами. Рассказывают, что порою бывает такая масса рыбы, что не хватает рук, да и некуда девать ее. Везти приходится в г. Сургут зимою, совершая на оленях длинный и утомительный

путь, частью по безлесной равнине, на которой рыскают массы волков.

Про некоторые притоки верховьев Ваха ходят слухи о находящемся там золоте. Мне передавали это как здесь, так и на Оби: инородец нашел небольшой, очень тяжелый камень и дал его здешнему, уже умершему теперь, купцу, который продал его еврею. В камне оказалось золото. Этот слух едва ли верен, потому что еще при жизни купец и еврей едва ли не обратили бы внимания на золотое место.

С верховьев Ваха можно пробраться на притоки Енисея также при помощи волоков.

1909, № 44

* * *

Село Ларьяк. 13 марта. Весна, сравнительно с прошлыми, еще холодна. Снегирь не появлялся, а обыкновенно в это время уже прилетает.

Думают, что весна будет продолжительна и хороша для ловли птицы. Сейчас нет ни рыбы, ни птицы, а о мясе и молоке говорить нечего. В прошлом году привозили рыбу тазовские остяки, а сейчас, напуганные болезнью, они редко показываются.

Оспа прекращается, потому что из заболевших мало кто в живых остался. Приезжал недавно фельдшер и, сейчас только, врач.

Инородцы сильно напуганы слухом, что к ним направляются из Турухана «мычим яг» — разбойники. Некоторые убежали из материков домой, а некоторые, живущие ближе к Енисею, караулили с ружьями несколько дней Туруханский путь; слух так и остался слухом.

1909, № 48

* * *

С. Ларьякское Сург. уезда. Прилет птицы: снегирь — 22 марта, ворона — 26 марта, скворец — 6 апреля, коршун и лебеди — 8 апреля, галка — 13 апреля, ласточка «плешка», как ее здесь называют,— 14 апреля. Рассказывают, что в это же число видели двух мартынов, а 17 апреля — пару селезней. 21 апреля прилетела

пестренькая певчая птичка, табун мартынов и две пары уток, пара гоголей и пара вострохвостов; гусей табун — 22 апреля, гагары — 1 мая, чернеди — 2 мая. Лягушки начали квакать с 8 на 9 мая. Петушки табунами — 10 мая. Петушки прилетели с востока, обыкновенный прилет птиц с полудня и юго-запада. Стрижи — 15—19 мая.

Лес начал распускаться между 15 и 25 мая. Черемуха зацвела в конце мая, княженика в первых числах июня.

Вах близ Ларьяка пошел 28 апреля. Большие полыньи появились на нем еще после 20-х чисел.

Вода средняя, несмотря на то, что снега были очень глубоки; начала сбывать 30 мая.

Ярмарка, с 20 мая по 1 июня, сопровождалась самым отчаянным пьянством. За вином десятки инородческих обласов отправились, лишь только вскрылась река, и вернулись к началу ярмарки. Десятки ведер выпивались ежедневно, трезвых можно было видеть лишь утрами. В прежние годы все жаловались, что торговые спаивали их, теперь же торговые были совершенно в стороне; кого винить? Хотя Александровская винная лавка и прикрылась, но винные пункты остались еще и в Каргаске, вверх по Оби, и в г. Сургуте, съездить в которые инородцы могут во всякое время.

Ярмарка сопровождалась и кражами, и грабежами, чего никто здесь ранее не слыхивал. По кражам обвинялись несколько лиц из служащих у бр. Баскиных, торговая лодка которых впервые появилась здесь, но, по недостатку улик, были оправданы. Приезжали на ярмарку несколько торгашей и из Нарымского края. Главный предмет скупки — белки, незначительное количество лисиц, выдр, горностаев и медведей. Приезжали на ярмарку становой пристав [2], мировой судья [3], доктор с фельдшером для вскрытия инородца в юртах Охтеурьевских, убитого весною во время попойки инородцем же.

1909, № 84

* * *

С. Ларьякское (Сургутский уезд). 13 марта. В ясные утренники Великого поста из села можно наблюдать красивые марева. Находящиеся верст за тридцать юрты, обширные эмдара (озера), перелески и даже одинокие деревья выплывают из-за дали и выделяются на небе.

Потом, по мере восхождения солнца, все это постепенно исчезает, чтобы в следующий подобный утренник появиться вновь. В темные ночи видны отдаленные отблески северного сияния, кажущиеся каким-то светлым туманом, местами прорезанным чуть приметными лучами. Столько нашумевшая комета была видна в январе и здесь. Показываясь с наступлением темноты, она скоро исчезала на западе, оставляя за собой длинный хвост.

Снега в настоящую зиму глубоки. Погода стоит ровная. Тепла еще нет. Вышедшие из материков инородцы говорят, что в некоторых местах белка пропала из-за недостатка еды, в некоторых же промысел был так же хорош, как и осенний. Любопытно отметить тот факт, что белка, переселяясь осенью в места, обильные пищею, затыкает на сучья деревьев грибы, которые высыхают и служат пищею или им самим, или же сзади идущим. Мне часто приходилось наблюдать это во время осенних охот.

С осени вошли в моду коньки, на которых начинают кататься не только наши ларьячане, но и ларьячанки. В масленицу была катушка со звездою, шаром и страшным дьяволом, сверкающие глаза и страшные светящиеся зубы которого оттоняли от катушки малых ребят.

По воскресным вечерам в училище показываются туманные картины, охотно посещаемые жителями. Книг в селе можно найти порядочное количество почти в каждом доме. Не говоря уже о прославленных сыщиках, выписываются «Природа и люди», «Вокруг света», «Родина», «Нива», «Новый голос», «Искры», «Дружеские речи», «Фельдшер», «Сибирский Листок», «Сибирская торговая газета», «Сельский вестник». Выписываются также и отдельные сочинения; для ребят же — книги «Библиотеки новой школы», около сотни которых, читаемых нарасхват, были выписаны через посредничество сургутского учителя Суханова [4]. Глубокую благодарность можно принести сургутским учителям, снабжающим наше село «Вестником знания», «Новым словом» и прочими книгами.

Только иногда, по разу в три месяца, а иногда по разу в целое лето ходящая почта и заставляет негодовать: приходят письма, книги, газеты, так что не знаешь, за что и хвататься.

1910, № 42

* * *

Село Ларьякское. 15 июля нынешнего года мне пришлось проездом побывать на нижнем течении р. Югана, левого притока р. Оби, впадающего в одну из ее длинных проток Юганскую Обь немного повыше Сургута. Хороши места по Юганской Оби и Югану. Огромные и крепкие сора, удобные для работ сенокосилкой, поражают обилием травы. По окраинам соров встречаются небольшие хвойные негорелые острова, тогда как главный Юганский материк горел уже несколько раз, и настоящий лес вырос на гари. Часто встречаются табуны уток, расплывающихся во все стороны от парохода; инородцы-остяки подъезжают с сухой рыбой, приготовленной отвратительным способом: засушена вместе с начавшими поедать ее червями.

Повсюду удобные для скотоводства места, но малонаселенность и неразвитость населения заставляют все это гибнуть неразработанным.

Небольшое с. Юганское (есть школа грамоты, управа и хлебозапасный казенный магазин) в 60 верстах от г. Сургута по зимнему тракту, в 40 и 50 годах, вероятно, было одним из самых замечательных сел Сургутского уезда: священник его, прослуживший в нем 46 лет, занимался хлебопашеством, имел мельницу[3]. Обширное кочковатое болото, часть которого уже обвалилась в р. Юган, сохранилось и теперь, лишь изредка кой-где появились небольшие сосенки. «Юган тогда в версте от настоящего русла тек,— рассказывает мне один старожил,— это поле далеко от него было». На мой вопрос, сам ли священник обрабатывал такое поле, он рассказал следующее: «В то время священник здесь был словно князь в княжестве: что захочет, то и делает. Весною он собирал остяков, и они под его руководством по нескольку недель бесплатно обрабатывали поле; в жатву — то же самое; осенью — опять работа. И так в продолжение нескольких лет. Народ начал роптать. Было донесено по начальству — хлебопашец-пастырь получил такую головомойку, что чуть ли совсем не забросил хлебопашество». Но все же можно помянуть тебя добром, человек, показавший пример, что и в этом холодном краю возможно хлебопашество.

По р. Оби, выше г. Сургута, у деревень Покура и Ваты начинают селиться новоселы. Были случаи посева

хлеба, и результаты, как утверждают, получились хорошие. С нами на пароходе ехали несколько крестьян Ашлыкской волости, переселяющихся сюда. «Будем работать, что только можно: за зверем — так за зверем; за рыбой — и рыбу промышлять будем,— говорят они.— Здесь вольнее, чем у нас, и заработок найти можно. Рыбы-то сколько на пристанях! И дешева. А у нас...»

В добрый час! Трудно придется на первых порах: необходимы средства на обзаведенье хотя бы и небольшим хозяйством, а у переселяющихся, едва сводивших концы с концами и у себя дома, их нет; необходимо знание условий здешней жизни, знакомство с более удобными промысловыми местами, но человеку, знакомому с охотой, рыболовством и огородничеством, нечего бояться: места много, рыбы и дичи вдоволь, умей только взять.

1910, № 105

С реки Ваха

В с. Ларьякском Сургут. у. ярмарка проходит тихо в смысле пьянства, потому что все вино, привезенное остяками к этому времени из г. Сургута, было взято сельской полицией и заперто на ярмарочные дни.

Значительное оживление внесли платные катанья, устраиваемые моторным катером Голева-Лебедева, рейсирующим между Сургутом и Ларьяком, и небольшим пароходом Давыдова, прибывшим на ярмарку. Хозяином последнего Давыдовым были обещаны несколько железных кроватей фельдшерскому пункту, пожертвованы 10 руб. на училище и 10 руб. на церковь.

Белки сверх ожидания весенний промысел дал около 150 тысяч; цена ее колебалась между 20—25 коп. (на деньги — дешевле, на товар — дороже).

Наболевший вопрос — заселение края. Для поселения необходимо согласие общества. Сейчас здесь находится несколько лиц, желающих поселиться, выстроить дома. Обращаются к обществу за приговором. Общество, состоящее из полукочующих инородцев, не дает приговор.

— Почему?

— Мы вас не знаем.

И в самом деле: как они могут знать их, хотя и живущих в селе уже более года, когда бывают в селе лишь наездом.

Можно сладиться с обществом, перепоив их вином, но красиво ли это будет...

Инородцы до того жадны к вину, что стоит только поставить изрядное количество этого зелья, дать им попить, а потом попридержать.

— Давай!!!

— Нет, довольно.

— Давай!!!

— Давайте своих баб?

— Возьми!

— Леса?

— Возьми! Все возьми, лишь вина давай.

Что же тогда остается делать желающему не прибегать к этому, теперь единственному способу получить приговор на поселение?

Отказ в приговоре можно объяснить и боязнью за свои промысловые угодья, но их, этих угодий, бесчисленное множество; боязнью пришлого элемента, но ведь проступки его — дело закона.

К числу новоявлений нужно отнести и неоднократные убийства между ваховскими остяками, происходящие во время пьянства.

Характер остяков вспыльчив. Чуть что и вцепятся и целыми днями готовы провозиться, вцепившись друг другу в волоса. Обиды редко забывают и отплачивают при всяком удобном случае, хотя бы до этого помирились несколько раз.

Дело об убийствах в судах затягивается очень долго. Так, напр., по убийству в юртах Охтеурьевских дело тянется чуть не третий год, и большую часть времени убийца остается на свободе.

«Э, какой теперь суд»,— говорят инородцы и продолжают хлестаться, грызться зубами, словно зверье, и резаться.

Недавно поссорились брат с братом. Нож под рукой — и один валится, проколотый в спину, и умирает через несколько дней.

Думается, что и это дело потянется годы, а там, глядишь, и кончится или за недостатком свидетельских показаний, или же просто за давностью лет, и напрасно семья убитого будет дожидаться решения закона. Холод

и голод прокрадутся в когда-то богатую юрту (убитыми оказываются большею частью лучшие промышленники), и старая Ими, сидя перед потухающим костром, будет внушать голодным подрастающим внучатам, что лучше жилось в прежнее время, когда сами быстро расплачивались за обиды. Окрепнут внучата и, ободряемые былыми легендами, будут расплачиваться ножами за малейшую обиду, зная на опыте, что не скоро дождешься суда, именуемого «скорым и правым».

Самое обыкновенное явление наших сел — ругань, самая отчаянная, с выкрутасами, разносящаяся из конца в конец и эхом замирающая в лесах.

Недавно я сидел в комнате. Мой пятилетний сын стоял на окне и сквозь стекла смотрел на улицу. Слышу: смеется и ругается, да ведь как ругается!

— Что ты? — спрашиваю.— Где научился?

— Да вон, папа, остяк на улице. Слышишь, как смешно кричит? — И повторяет доносившуюся с улицы пьяную ругань.

Невольно напрашивается рассказ о генеральской дочке, которя, не будучи знакома со всеми оборотами русской речи, на вечере, где зашел разговор о пословицах, привела пословицу своего папаши, состоящую из отборной ругани.

На впечатлительную детскую душу действует все, выражаемое в более или менее резкой форме, и удерживается ей, так и тут...

Я посмотрел в окно. К запертым воротам инородной управы подлетал пьяный остяк, махал руками и что-то выделывал ногами, как бы замирая на время. Но неведомая сила, управляющая им, снова тянула его назад. Откинув туловище и протянув руки к воротам, как бы желая ухватиться за них, он семенил назад, все время ругаясь.

И сколько таких картин.

Живя несколько лет тому назад на Иртыше, в с. Самарове, среди русского населения, я вынес более горькое впечатление: ругань затихает лишь на время, когда все на работе; приедут — начинаются попойки; после попоек — молебны с крестными ходами; потом опять попойки и ругань.

А до чего груб народ. Если идешь темной ночью и встретишь толпу молодежи «мужеского пола» — берегись: мало того, что обругают, совершенно тебя не зная,

за то лишь, что на дороге попался,— отколотить могут. Представьте теперь положение девушки, встретившей такую компанию!

Летом прошлого года мне случилось быть проездом у Торопка, недалеко от Самарова, на р. Оби. На пароходе был буфет. И. Боже ты мой, что только было! Пьяные сельчане ходили по пароходу, привязывались к пассажирам и ругались, ругались. Некоторые сваливались со сходен в воду, но, выбравшись, ползли опять на пароход. На берегу разыгрывалась драка. К вечеру пароход отправился, как бы вырвавшись из плена. Наступала вечерняя тишина, а на берегу красавицы Оби в с. Торопковском мелькали кулаки и палки — продолжалась драка.

С грустью смотришь теперь на подрастающих сельских детей, большую часть времени проводящих на улице, оставленной на грубый произвол кутил, от ругани которых не могут защитить даже оконные рамы со стеклами.

1911, № 84.

Внутренние известия

(От наших корр.)

С. Ларьякское. 18 декабря. В то время, когда Тобольск беспокоится в ожидании голодовки, одна из глухих и отдаленных частей Тобольской губернии — р. Вах не испытывает ничего подобного, т. к. уездной администрацией, честь и хвала ей, было запасено столько муки, что ее с избытком хватит года на полтора. Цена ржаной 1 руб.40 коп. за пуд.

Ярмарка уже кончается. Оживлена была мало (отсутствовала порядочная часть остяков), хотя на нее съехалось и до десятка нездешних торговцев и скупщиков, угодивших как раз под плохой год: мало белки. Инородцы говорят, что большая часть ее пропала от недостатка пищи, особенно кедровых орехов. Товары на ярмарке недороги, цена же на белку дошла до 35 коп.

Первый снег выпал 9-го сентября, р. Вах стала в ночь с 9 на 10 октября, потом наступила оттепель, едва не кончившаяся ледоходом; реку закрепило крутыми морозами после 20 октября; снега сейчас неглубоки; больших, до 30 градусов, морозов мало.

Для съехавшихся на ярмарку инородцев проезжавшим сургутским исправником была устроена чайная. Черный хлеб продавался 4 коп. за фунт, белый 6 коп.; за чай с кипятком (пей, сколько хочешь, и два куска сахару) по 5 коп. с человека.

1912, № 6

* * *

С р. Вах. 4 марта. Вышедшие из материков инородцы жалуются на плохой промысел белки. Лучшие промышленники, бившие в прошлые охоты этого времени по 500—1000 штук, сейчас убили 60—80—100. Надежда на урожай ореха, который ожидается в этом году.

В январе месяце стояла теплая погода, доходило до 3 градусов тепла; февраль же стоит очень холоден. Бураны занесли и испортили дороги; снегу навалило много. Говорят, что если будет крутая весна, вода будет большая.

Во время буранов замерз один остяк, уже старик. Его нашли еще живым, притащили в юрту и положили к железной печке...

1912, № 36

С р. Вах

Весна на р. Ваху была крутая, сухая, тихая и теплая. Ледоход кончился к 30 апреля. Вода средняя вместо ожидаемой большой, потому что не была поддерживаема атмосферными осадками, и, кроме того, много ее уходило в оттаявшую до разлива землю.

Плохой весенний зверовой промысел был вознагражден обильным промыслом рыбы, преимущественно язя, как в «полах» — неводами, так и сетями на «нерцевых» местах. Ожидается промысел «варовой» после незначительного сбыта воды.

«Варовой» инородческий промысел, не требуюший значительных затрат на промысловые орудия, лишь простого устройства деревянный запор с образуемыми им же ловушками-котцами, по обилию добываемой рыбы могущий поспорить с любыми употребляемыми рыбо-

ловными орудиями, можно с успехом применить в притобольских речках: Бекеревой и Суклемке. Вероятно, он когда-нибудь и применялся, но теперь забыт, и бекеревские крестьяне, и суклемские татары, имея возможность добыть сотни пудов крупной рыбы (добыть в то время, когда другими ловушками ее почти невозможно и трудно поймать) и обеспечить себя до рекостава рыбой мелкой, предпочитают промышлять скоро гниющими в теплой воде сетями, фитилями и проч.

Опасаться того, что при помощи запоров можно совершенно выловить зашедшую в речки для еды речную рыбу, нечего, потому что не каждая речка удобна для запора, поэтому владетелям вышеупомянутых речек следовало бы обратить на них внимание.

Мало употреблявшееся в прежнее время соление рыбы теперь начинает развиваться на р. Ваху, благодаря торговому пароходу бр. Кузнецовых из Ачинска Енисейской губ. (в Тобольск их пароход не приходит), уже 2-й год начавшему совершать хотя и не частые рейсы, оставляющему на некоторых более удобных местах соль и людей для соления и приемки рыбы. По-видимому, хотят основать прочное рыбное дело. Цены необходимых товаров в пароходной лавке сносны: мука ржаная 1 р. 30, 1 р. 35 к. за пуд, сахар от 17 коп. за фунт.

Первым пароходом, пришедшим на Вах, был моторный катер сургутского купца К.В.Силина[6]. Им была сходно куплена сухая и соленая рыба здешних промыслов, которою он и нагрузил небольшую баржу, но обратно катер пойти не мог. Два дня его машину наставляли на путь спасения, но ничего не могли сделать; пришлось вести на буксире, благо был кузнецовский пароход.

Не лучше обстоит дело с моторными лодками и на Иртыше, очень сильно дает чувствовать себя недостаток хороших монтеров, могущих дать хотя бы указание.

1912, № 74

* * *

С. Ларьякское. С р. Вах. В с. Ларьякском в настоящее время наблюдается что-то похожее на дезинтерию (с смертным случаем), но необходимых лекарств, даже касторки, несмотря на неоднократные просьбы пунктового фельдшера, не высылают.

Насчет снабжения Ларьякского фельдшерского пункта лекарствами дело обстояло и обстоит очень безалаберно: их приходится дожидаться не месяцами, а полугодиями. Последствия этого неутешительны; в прошлых годах, когда оспа свирепствовала в смежной Енисейской губернии, здесь не было за недостатком лимфы сделано предохранительных прививок, в результате — более ста смертных случаев на двухтысячное ваховское население, когда оспа перекинулась на Вах; случись сейчас дезинтерия в более острой форме — старикам и детям придется плохо.

Стоят леса, молчат леса. Молчат и инородцы, поедаемые чахоткой, сифилисом и эпидемическими болезнями, и никто не идет к ним на помощь. Врачи в Сургутском уезде переменяются, как грибы,— чего же можно ожидать при таких условиях! Да и не видно между ними врача, всецело преданного своему делу. Возбуждают смех настоящие проезды врачебного персонала. Едут, торопятся, словно кнутом кто их гонит. Сунут больным (которых и осматривают-то редко, дело ограничивается лишь коротким вопросом: «Чего болит?») порошков или питья — и дальше, дальше... Потом донесение вроде: «Проехал по уезду, видел столько-то больных...» А какая кому польза от подобных проездов?!

Стоят леса, молчат леса! И одна лишь надежда на могучего шамана, который за бутылку вина готов целую ночь выгонять ревом и звуками бубна болезнь из болящего тела. Дешево и сердито. А попробуй пригласить врача на целую ночь к тяжело больному — бутылкой не отделаешься, да еще и пойдет ли? «Если ты хвораешь, ступай к фельдшеру, а нужно доктора,— это уже комфорт, за который необходимо платить»,— развивал свой взгляд на лечение один из встреченных мною северных врачей.

Пойдет ли такой тип, хотя он и получает за это жалованье, лечить простой народ, у которого часто за душой нет ни копейки? И страшно становится за себя и других.

1912, № 10

С р. Вах

Настоящая зима, вероятно, будет тяжела для р. Вахи: про белку не слышно ничего. Даже из ездивших в даль-

ние еганы за орехом инородцев редко кто видел одну, две белки.

Неудовлетворителен и промысел рыбы вверх по Ваху, начиная от Ларьяка, причина — малая осенняя вода.

В прежние годы осенью вода прибывала иногда до сажени, и ушедшая для зимовки в верховья еганов рыба снова спускалась в реку; в настоящем же году уровень воды почти на аршин ниже осеннего уровня воды прошлого года, и рыба уходит все далее от реки, в непропадающие еганские вершины.

Спустившись в прежние осенние воды, она разбредалась по маленьким соровым речкам и протокам, когда же наступал замор, часть ее вновь успевала уйти в еганы, часть же кидалась к берегам и набивалась в ловушки, гибла впоследствии, когда иссякали оживляющие берега живцы,— таким образом, малые осенние воды служат хранителями рыб, и неулов одного года может быть с избытком вознагражден уловом другого.

Основавшими по р. Ваху рыбное дело братьями Кузнецовыми в настоящее лето было набрано 4—5 тысяч пудов соленой и сухой рыбы: язя, окуня, карася и щуки. Рыба набиралась по ценам (Ларьяк): язь соленый — от 2 р. 50 к., сухой — от 3 р. до 3 р. 50 к., щука соленая 1 р. 50 к., сухая 2 р. 20 к.— 2 р. 50 к., окунь соленый и плотва — 1 р., карась сухой от 3 р. 50 к. до 4 р. Прибавим сюда еще тысяч 5 пудов набранной прочими «торговыми» и оставленной остяками для еды, получим летний улов рыбы по Ваху приблизительно тысяч в 10 пудов.

Думаю, что небезынтересны будут цифровые данные о количестве птиц всех родов, добываемых для пропитания населением Ваха. Если считать, что каждый промышленник добывает по 300 штук в год (величина средняя), а всех подобных промышленников наберется до 400 душ, выйдет, что 120 тысяч штук истребляет лишь ваховское население, а сколько истребляют ее на Оби! И после этого спрашивают: куда девается птица?

В настоящем году урожай ореха; урожай ожидается и на будущий год. В районе Ларьяка, охватывающем Вах до верховьев и верст на 50 вниз по течению, набрано тысячи 3 пудов сырого ореха. Цена от 1 р. 60 к. до 2 р. за пуд. Подвоз ореха еще продолжается, так что поставленная цифра может быть увеличена несколькими сотнями пудов.

Несмотря на урожай ореха, мало ронжи-ореховки. Промышленники объясняют это, и объясняют правильно, что урожай орехов еще более обилен в прилегающих к Ваху местностях, благодаря чему белке нет необходимости передвигаться сюда. Шишка на деревьях крепкая, так что много ее останется на кедрах и на зиму, поэтому даже выпавшие глубокие снега, засыпающие упавшую шишку, не заставят двинуться белку из тех местностей.

Принятый «торговыми» орех-сырец или складывается в амбары в мешках, или ссыпается в них нетолстым слоем, где и лежит до весны; весною сушится на огне в открытых полуящиках с железными изрешеченными днами. Масса усушки, наем рабочих для этого и еще расход на прокормление в течение зимы целой гвардии мышей делают орех не очень прибыльной статьей ваховских торговых, особенно благодаря создавшейся здесь за последнее время сильной конкуренции.

Говоря о будущем тяжелом годе для инородцев, нельзя не заметить, что год этот будет тяжел и для «торговых», потому что им все равно придется отпускать и отпускать в долг, получку же откладывать на благоприятные годы, следовательно, за торговый год получается убыток, но, несмотря на это, Сургутское раскладочное присутствие [7], производя на них раскладку, на расстоянии 800 верст, ставит им, несмотря на заявление, что прибыли получено не было, по 3 и $3^1/_2$ тысячи руб. прибыли и требует сообразно с этим налог с чистой прибыли. Подобный же налог требуется и тогда, когда в заявлениях говорится, что, благодаря павшим ценам на белку, был получен убыток. Не говоря уже о том, что некоторые из наших «торговых» платят налога более, чем один из сургутских «торговых», получающий большую прибыль, но лично участвующий в раскладке, налог этот между ними распределен неравномерно, т. е. получающие прибыли более платят налога с нее менее.

Первоначальная раскладка присутствия может быть обжалована ему же, срок на это — месяц со дня опубликования в «Губ. Ведомостях» извещений о раскладке, а обжалование никаким образом не может быть совершено из Ларьяка в течение месяца, так как в такое время извещения лишь доходят до адресатов.

С. Ларьякское. 24 сентября.
1912, № 134

Внутренние известия

(От наших корреспондентов)

С. Ларьякское. 8-го марта. В первых числах марта проездом с р. Таза на Обь в Ларьяке несколько дней жил Кай Доннер*, магистр Гельсингфорского университета, занимающийся изучением остяцкого языка инородческих племен бассейнов р. Оби и Енисея. Приехал в село тунгус тунгусом. Так же, как и тунгус (приехал с тунгусом из Туруханского уезда и несколькими тазовскими остяками), вытащил из-за пазухи несколько горностаев и начал через переводчика торговаться с торговцем. Цена подходящая — продает, объясняясь то на языке тазовских остяков, то знаками.

— По-русски знаешь? — спрашиваю его.

Только головой мотает.

— Да лицо-то у тебя русское и вопрос понимаешь. Что скрываешься? — убеждаю его.

То же мотанье головой. Спрашиваю у тунгуса и остяков, где такого нашли, но и те твердят, что это свой, тунгус.

По заведенному обычаю приезжих поят чаем. Уселся и он к самовару — сначала на пол, неумело свернув калачиком ноги, потом, когда предложили,— на стул. Сначала попробовал булки, потом напал на хлеб. И как ведь ел! Выпили один самовар, принялись за другой. От первого торгового пошли к другому — и там за торговлю и за еду. Наевшись, Доннер сразу оказался знающим русский язык. «Господа,— говорит,— извините, но мне уже стыдно скрываться». И подает свою карточку.

Оказывается, они уже несколько дней ничего не ели, да и до этого приходилось плохо. «Пропашего оленя кушали»,— поясняет он. Кроме языка, Доннер занимается всеобщим изучением края. По Енисею, напр. (опускался далеко ниже Туруханска), встречал и определял на пути громадные залежи графита, производил фотографические снимки, составлял карту, записывал быт и особенности встречных племен, собирал всевозможные коллекции. Рассказывал много о положении края в административном отношении, в отношении медицинской помощи, быта, духовенства. Отрадного мало; Сургутский уезд, по сравнению с Туруханским и Нарымским краями,— благоустроенная местность.

До весны Доннер будет работать в Нарымском уезде, потом думает съездить в Финляндию, оттуда опять назад, будет работать на Ваху, на р. Таз, где кроме наречия тазовских остяков, кажется, будет выяснять переход от леса к тундре, вообще думает еще довольно долго поработать в этих местностях.

Да, другие интересуются более разбросанными там и тут богатствами Сибири, представляющими интерес для всех родов наук, нам лишь приходится довольствоваться остатками, которые, спасибо, все же хотя оставляют, но время летит — останется ли нам что в будущем?

1913, № 43

* * *

С р. Вах. С. Ларьякское, 28-го мая. Весна настоящего года для Ваха тяжела: ничтожен промысел белки (улов рыбы средний) и не окончилась и сейчас эпидемия кори со смертными осложнениями как среди малолетних, так и взрослых. Корь начала распространяться из юрт, находящихся в верховье Ваха, куда была занесена ходящими в Томскую губернию за вином инородцами.

По обыкновению, в самый разгар эпидемии на фельдшерском пункте не хватило лекарств, не хватило потому, что на весь обширный район их высылается на 75 руб. в год, чего крайне недостаточно, и, кроме того, высылка их иногда мало сообразуется с требованием фельдшера: не присылая требуемого или посылая его в незначительном количестве, шлют то, что есть в наличности.

Кстати, о положении фельдшерской службы в здешнем краю.Настоящий фельдшер полтора года тому назад подал прошение о временном отпуске, но несмотря на то, что он уже более десяти лет не пользовался отпуском, ему даже не отвечают и по настоящее время. Положение, мало чем отличающееся от положения заживо погребенного.

С приходом пароходов, как только повеяло винным запахом, начинают проявлять себя хулиганы. По обыкновению, в Ларьяке в таких случаях пьяные свободно разгуливают по селу и «дебоширят». Невозможно показаться на улицу: ругань, драка и даже стрельба из ружей. Недавно один из инородцев, высланный за дебоширства

с устья р. Ваха, затем с р. Оби и поселившийся здесь, пьяный ходил по берегу и ругал встречных. На время исчезнув, появился снова и, встретивши станового пристава, при народе принялся ругать его отборной бранью. Посаженный на время в амбар («каталажка» еще не выстроена), вылез оттуда, бегал со стягом, грозясь кому-то, и в конце концов принялся палить из ружья.

Призванный назавтра в инородную управу, говорил, что ничего не помнит.

«Но ведь ты мог кого-нибудь застрелить»,— говорит ему становой, уже знакомый с подобным запирательством остяков.

«Нет, я только порох сыпал, одним порохом стрелял»,— говорит обвиняемый.

«Как, ты же утверждаешь, что ничего не помнишь?»

Несколько раз я интересовался разбирательством дел в камере приезжающего на время в село мирового судьи.

«Ничего не помню»,— то и дело слышишь в подобных случаях и тут ответ обвиняемых.

Одновременно с первым инородцем в юртах буянил другой, несколько лет тому назад зарезавший своего брата, но и сейчас остающийся на свободе. Оставаясь на свободе, он опять чуть кого-то не засек топором, за что и был составом инородной управы отправлен в г. Сургут. Но, вероятно, в г. Сургуте хулиганов достаточно и без наших, потому что Сургут не внял мольбам Ларьяка — инородец появился здесь снова, и теперь... То его колотят, то он кого-нибудь.

А наше молодое поколение, дети бегают тут же, обогащаются оборотами речи, учатся уму-разуму...

Прилет птиц: лебеди — конец марта, снегирь — 30 марта, галка — 9 апреля, утки — 16 апреля, скворец — 20 апреля, мартын — 20 апреля, певчие летние птички — 22 апреля, стрижи — 14 мая. Вах тронулся 29 апреля, прошел 2 мая, вода большая, прибывает немного и сейчас.

Весна холодная, со снегом, дождями. Лес начал распускаться со средних чисел апреля, к концу апреля деревья уже оделись зеленью, зацвела черемуха.

1913, № 73

ГАЗЕТНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ 1918-1919 ГГ.

Изучение Родины

Несколько лет назад, в 1915 г., умер Н. Л. Скалозубов[1] — агроном, общественный деятель, много поработавший для Тобольской губернии. «Знание своей страны есть сила, без которой народный труд не может быть успешным»,— эти слова были его девизом.

Этот девиз в настоящее время звучит во мне, и я хотел бы сказать по поводу его несколько слов, хотел бы осветить вложенную в него мысль, чтобы он стал также и нашим девизом.

«Сибирь — золотое дно!» — говорят иностранцы. «Сибирь — золотое дно!» — передается из уст в уста среди нашей интеллигенции. И вот мы в Сибири.

Стоят леса, молчат леса, и, кажется, нет конца этим лесам и болотам; громадные заливные луга (сора) и степи мерно колышут сочными густыми травами; бурливо шумят и рокочут реки; цепями протянулись мрачные, угрюмые горы, как сторожа этого загадочного царства; кой-где, местами густо, подавляемые ширью окружающей местности, раскинулись людские поселения, убогие и тесные; войдешь внутрь — та же теснота и убожество; разговоришься с обитателями этих селений — жалобы на судьбу. Иллюзии исчезли.

«Да ведь у вас здесь золотое дно»,— с укором говорят этому бедному обитателю, нищему среди богатств.

«На, лешак! — удивленно уставуривается сибиряк,— неужто и впрямь золотое дно!» И приятно ему, и обидно: старожил здешний, а не знает, что на золотом дне живет.

Уехал заезжий человек, а сибиряк уснул. Спит и видит золотые сны. Проснулся — хмуро, неуютно, пустынно вокруг, а тут то тот, то другой наедут и дуют ему в уши, как люди из таких же мест золото добывают. Свирепеет сибиряк, как медведь, хватается то за то, то за другое: ничего не выходит, и ...курит с горя самосядку[2], забываясь в ее угаре.

Беспомощность народа по созданию лучшей жизни сказывается на каждом шагу.

У сибиряка открылась школа — он туда.

— Золотое дно,— говорит,— у меня?

— Золотое дно.

— Врешь, парень?!

— Нисколько.

— Научи, как это самое золото достать?

— Дудки: мое дело — ребят грамоте учить.

— А, так ты вон как!..

И опять запил. Однако ребят своих в школу отправил.

Выучились у сибиряка ребята и тоже кто ребят учит, кто людей лечит, кто молебны служит, а кто тех и других судит.

А сибиряк всех кормит, самосядку пьет. Однако, невтерпеж стало: опять идет в школу.

— Показывай, где у меня золото, а то тебе и мне капут: из сил выбиваюсь!

— Это не мое дело: мое дело ребят учить, мое дело людей лечить, мое дело молебны служить. Да я, брат, дальше своей хаты и бывать-то не бываю, и где золото лежит — знать на знаю!

— А мне сказывали: на сорах оно да в урманах.

— На сорах? В урманах? А это что такое: сор? Урман?

— На, пятнай тя: да ты тутошний? Вон за колдобоиной — сор, за сором — урман...

— Колдобоина?!

— На, на, лешак! — разводит руками сибиряк: спятил малый! — Да неужто у вас все такие?! Кто теперь моему горюшку поможет?

И опять запил!

И так проходит жизнь.

Предо мною сейчас наш сибирский учитель. Необходимость заставляет народ то и дело обращаться к нему, и тут начинается разговор на непонятных друг другу языках; учитель не знает народа.

Чтобы врачу хорошо лечить, ему необходимо изучить человеческий организм; точно так же и учителю, если он желает принести пользу народу, необходимо изучить этот народ; благосостояние народа связано с землей — учителю необходимо взяться и за изучение земли в широком смысле этого понятия и лишь исполнив это, он может указать сибиряку на местонахождение затерявшегося золотого дна.

Мне вспоминаются первые годы своего учительства. Я провел их среди остяков р. Ваха, правого притока р. Оби, в Сургутском уезде.

Место глухое: верст на 500 к юго-востоку и западу и «бесконечность» к северу. Лишь два небольших селения с русскими полуобостячившимися жителями, остальные инородцы.

Они зверолово-рыболовы, живущие замкнутой, безынтересной с первого взгляда жизнью.

Слегка познакомился с ними.

Лето остяк живет в берестяном конусном чуме[3]. Некоторые из вас видели его воочию и почти каждый — в воображении; по видимости просто, но на деле не так просто. Бересто сдирается с березы в известное время года (весною, когда дерево полно свежего душистого сока), известным образом обрабатывается (проваривается иногда в воде, иногда в рыбьем жиру, чтобы не было ломким), сшивается крапивными нитками (выработка которых также дело сложное) в полотнища, из которых выкраивается *поверхность конуса* — чума.

С первых же шагов пришлось натолкнуться на целые отрасли местных ремесел, незнакомых как мне, так и широкому кругу русского населения других уездов.

Последуем за остяком-охотником.

Он едет в *обласе*, легкой лодочке-душегубке, выдолбленной из осинового ствола, едет по зеркальной поверхности широко разлившегося сора. В обласе у него лук с коллекцией разнообразных стрел. Как лук, так и облас достойны изучения[4], но последуем за остяком.

Навстречу ему несется табун уток. Остяк берет стрелу с яйцевидным, пустым внутри, с прорезанными в пустоту отверстиями наконечником и пускает ее пред утками.

Стрела летит и свистит, как ястреб-утятник; утки «дождем сыплются» в воду, ныряют, выплывают, но подняться боятся. Остяк перестреливает их особой стрелой, имеющей вилообразный наконечник, из развилок которого не выскользнет утиная шея.

Остяк едет дальше.

Он нашел выводок уток, кричит отлетевшая и севшая невдалеке утка-мать, хлопает крыльями по воде, кружится и захлебывается в поднимаемых ею же волнах и брызгах. Слыша призывной крик, утята с писком *не плывут, а бегут* к ней по воде, оставляя за собой длинные расходящиеся борозды.

Один или два остались. Вот один из них подпрыгнул и понесся к матери, поднимая брызги. Порхнула и мать

к нему, *грудью налетит* и ведет за собой, подзывая дальнего.

Остяк берет стрелу уже др. вида, с толстым тупым деревянным наконечником, имеющим небольшую железную развилину; эту стрелу он пускает наклонно к воде, по направлению к матке.

Стрела летит, ударится о воду, скользнет, опять ударится и понесется по поверхности, вздымая брызги, *точно* утенок к матери спешит.

А мать несется к этому утенку, грудью налетает и гибнет.

Остяк поет. Пение монотонное, мертвое.

Я стал знакомиться с языком. «Как красивы ее глаза, точно вода ваховская»,— поет остяк про любимую девушку. «Это — кожа земли»,— поет он про земное дерно. «А это глаза ее: они плачут»,— поет он про береговые ключи-родники...

Чем дальше, тем шире развертывался предо мною этот красочный, образный язык, язык природы.

И вдруг я был поражен: по-остяцки собравшиеся на сход люди — мыр, по-русски — мир, по-черемисски — мари, есть и финское племя меря — люди; если откинуть разницу легко смешиваемых гласных, получится однозначащий корень «мр» — люди.

Это заставило меня заинтересоваться родственными остякам сибирскими народцами, и уже из научных трудов я узнал, что они являются или остатками, или преемниками той таинственной Чуди, которая занимала когда-то северную и среднюю часть европейской России и Западную Сибирь.

Но в научных трудах я не нашел указаний на одно значение указанного мною корня «мр» в русском и вышепоименованных инородческих языках.

История учит, что еще до призвания варягов северные славяне и чудь составили союзы — действительно, сходились *на сходбища*, на которых нельзя избежать, чтобы они не назывались каким-либо одним именем. И сам собой напрашивается вывод, что это имя — Мр.

Сравнивая далее остяцкие слова с русскими, я натолкнулся на следующее: остяки называют себя яг — народ; этот корень есть в славянском языке: поляк — полевой человек, народ, поляне, древляне, северяне и т. д. («як» — единственное число — переходит в «яне»): як, яне — народ.

В науке спорен вопрос о значении и происхождении слова *варяг*. Некоторые ученые производят его от корней древнегерманского языка, но по смыслу оно славяно-чудское: славянское *вар* — разбойник и чудское (или даже славянское) *яг* — человек, народ.

Когда я объяснял ученикам-инородцам смысл вышеуказанных слов, я ясно замечал их интерес к своему прошлому и интерес к прошлому других народов, а отсюда, как следствие,— интерес вообще к жизни, а следовательно, и улучшение ее, начавшееся от сравнения с другой, более лучшей жизнью, которая начала развиваться при одинаковых с ними условиях. Следя за параллельным развитием обеих народностей, наталкиваешься и на культурное развитие одной: пойдешь этим путем — найдешь золотое дно.

Следуя этим путем, учитель и народ увидят, что им необходимы и знания культурного народа, знания, которые были бы пригодны на этом пути; подобные знания могут на месте проверяться опытом. А это — путь, связывающий народ с наукой через своего посредника — учителя.

Но может ли учитель один более или менее успешно выполнить эту задачу?

Прошлые годы опять встают передо мною. Оторванный от населенных местностей, я шел одиноко, случайно знакомясь с научными трудами по заинтересовавшим меня вопросам, не обмениваясь мнениями с другими; работа двигалась медленно, напр., я два года доставал словарь остяцкого языка Патканова и, наконец, достал, но на немецком языке; отсюда вывод, чтобы изучение шло *организованным путем.*

Другие народы уже давно идут этим путем. Напр., в Финляндии учителя являются не только лично научными работниками, поддерживая связь между собою, но и руководителями местных научных кружков. Благодаря этим местным работникам, были выяснены многие научные вопросы, заинтересованные наукой рядовые работники становились учеными.

Что же можно изучить нашим кружкам?

Говоря об остяках, об охоте с луком, об их образном языке, мы лишь слегка приподняли ту завесу, за которой столько таинственного (как, напр., шаманизм) и интересного!

Это в остяках, а как пестро население Тобольской губ.: тут и татары, остатки тех орд, пред которыми

дрожала Европа, вогулы, самоеды, зыряне и др. Их эпос, их ценные наблюдения над природой почти не изучены. Наконец, и наше русское население, смесь выходцев из разных местностей европейской России, которое, к стыду нашему, также не изучено. А тут есть что почерпнуть: народная медицина, приметы погоды и т. д. и т. д.

Мелкие инородческие племена вымирают; вымирают и наши русские старики, носители народных сокровищ, а с их смертью навеки исчезнет и то, что успел отвоевать народ от природы; придется снова остановиться пред уже разгаданными загадками.

Нам, пока не поздно, остается последовать примеру хотя бы финляндцев: взяться за изучение своей родины, памятуя слова: знание своей страны есть сила, без которой народный труд не может быть успешным.

Изучение Родины

Замор

(с. Ларьякское Сургутск. уезда)

Воды р. Ваха — ржавые болотные воды, и на них, за исключением верховья, с половины ноября месяца (среднее время) и до весны бывает замор, т. е. вода становится негодною для жизни рыбы.

Замор начинается с мелких стоячих вод среднего течения, курей и «спертых» прибылой осенней водою устьев живых с тихим течением речек. Скатывающаяся «мертвая вода» «глушит» небольшие притоки реки: на них наступает замор; за притоками замор постепенно распространяется вниз по течению и «глушит» всю реку.

По сбыче осенней воды устья коротких *живых речек* оживают от притока живой воды с близкого верховья.

Время замора реки зависит от температуры воздуха и связанных с нею водно-химических реакций: при холодной погоде мороз крепко, «наглухо» сковывает реку, и вскоре после замора стоячих вод замор начинается и на ней; при теплой погоде замор бывает через несколько недель и наступает как-то неприметно.

Остяки р. Ваха знакомы со всеми условиями образования замора и не преминули воспользоваться им для ловли рыбы, устраивая искусственные заморы.

Близ с. Ларьякского есть недлинная, верст 10, горная болотная речка, *игол*, саж. $1^1/_2$—2, а местами и в аршин

шириною, глубиною до одной сажени в омутах и до нескольких четвертей на перекатах; течение медленное.

Замор в нижнем течении игола бывает, как уже говорили, при «прибылой» осенней воде и распространяется лишь на «спертую» воду; в противном случае воды игола живы на всем протяжении, и промышленники говорят: «Игол нынче не пропадал».

Массы мелкой рыбы, преимущественно ерша, собираются в него зимовать. Промышленники, перегородив его рыбными ловушками, чумами, выше по течению «накрепко» заваливают снегом какой-либо перекат: вода медленно начинает прибывать к запору; ниже запора, в районе ловушек, образуются стоячие воды.

Промышленники наблюдают; через несколько часов выскакивает на поверхность проруби жук-водолюб: это вода начинает «мутиться», «стынуть»; вскоре испуганно начинает перебегивать рыба и набивается в ловушки.

Чем больше времени стоит запор, тем медленнее движения попавшей в ловушки рыбы; через полсуток она пропадает.

Порвет вода запор, побежит по-прежнему — успокоится и рыба, убежит вглубь и жук- водолюб.

Игол впадает в проток реки, и его слабое течение не в силах перебороть сильные, мертвые воды протока; но большие, подобные иголу, живые реки, впадая в мертвый проток, на значительном протяжении оживляют его воды; на них еще до замора собирается и зимует рыба.

Подобная речка близ села — болотный *пех*.

Близ устья речки проток почти не мерзнет, не говоря о самой речке: живые, с температурою выше нуля воды ее слегка замерзают лишь в большие морозы. Здесь зимует более слабая рыба: плотва, окунь, ерш; далее по течению — тонкий лед: зимуют щука, налим; еще ниже — более толстый лед: зимует язь; ниже — мертвые воды, и нет никакой жизни до следующего подобного живца.

Промышленники снегом заваливают на перекате течение пеха, «бутят»; мертвая вода протока «душит» рыбу. Если пех запружен слегка, значительная часть живой воды пробегает, тревожится лишь мелкая рыба, «прижимается» к берегу и заходит в уже поставленные ловушки; если пех запружен крепко, берут силу мертвые воды протока, подымается вся рыба и стремится к устью пеха: здесь она подымается на поверхность, стремится к прорубям и береговым расщелинам, где еще пробиваются

струи живой воды. Она набивается в довушки, ее черпают саками, неводят неводом. Приостановив течение пеха часов на 5, можно погубить всю зимующую здесь рыбу, но до этого не допускают: дают живой воде волю прорываться.

Бывают случаи, что живые речки иссякают по чисто природным условиям — тогда наступает трагедия: мертвая рыба устилает собою дно протока иногда на несколько верст. Такими рыбными трагедиями изобилуют холодные, бесснежные зимы с предшествующей сухой осенью. Отсюда — правильные предсказания о «рыбных» и «безрыбных» годах. Речная рыба зимует и в проточных озерах и в *урьях* (старица реки) при условии, если они имеют «живцы», ключи. Озеро или урей сообщаются с рекою в большинстве случаев неширокими и неглубоким ручьем. Если заморозить, смешав где-либо на перекате воду со снегом, такой «сточный» ручей, озеро или урей «закупориваются», вода, прибывая из ключей, «пучит» лед и, если не в силах прорвать его, живые ключи «спираются» — наступает замор, могущий погубить всю рыбу.

Если вода пробьет лед, она бросается в пробоину и мечется в наледи, пока вода не найдет стока и озеро не оживет.

Оживет игол — оживают и другие, подобные ему речки, оживляя воду край берегов, но всего Ваха оживить не могут; Вах не один: у Оби много подобных притоков, и они глушат Обь; «пропадает» и она, и мчится, мертвая и холодная, среди мертвых и холодных берегов, пока талые вешние воды не вольются под лед и не оживят Вах и др. притоки, которые, в свою очередь, оживят ее за несколько недель до ледохода.

К изучению Родины

(*очерки*)

Как только зайдет речь об инородческих племенах, населяющих Тобольскую губернию, только и слышно об остяках, самоедах, вогулах, этих аборигенах края. *Абориген, абориген* — и до того это слово связано с остяками, самоедами и вогулами, что при звуке его уже не помышляешь о каких-либо других племенах, как, напр., *о татарах*, тоже как будто «аборигенах» края.

Говорится о вымирании остяков, о их эксплуатации, о привитии к ним культуры, о поддержании их продуктами, наполняются для них хлебозапасные магазины, а пресловутые аборигены, хорошо зарабатывая, при первой возможности пьют напропалую и ни о чем не заботятся и при первой возможности выставляют на вид: ой, ой, худо живу!

«Ой, ой, бачка, хорошо живу!» — говорит находящийся в более худших условиях татарин, работая «до упаду» целые дни и зарабатывая лишь на то, чтобы быть мало-мальски сытым.

Гордый, красивый народ! И если он не сгиб до сих пор, то только благодаря своим жизненным способностям, для поддержания которых едва ли что делалось и делается, кроме разве попыток духовенства, думающего, что если они оставят свою веру и обратятся в христианство, то обретут все блага земные.

Гордый, красивый народ! Тихо переливается серебряный звон монет, вплетенных в косу, когда молодая татарка бежит за водой, перекинув через одно плечо коромысло, попевая песни и тараторя с подругами.

Коренастый, как сокол, выходит на круговую борьбу пожилой татарин и схватывается с подобным же себе сибирским крестьянином, и вольными и сильными движениями они подхватывают и кружат друг друга.

* * *

Скоро — весна, ледоход. После ледохода начнется спешная грузка промысловых «посуд», и одна за другою они потянутся «на низ», на пески, спеша захватить хотя конец вешнего хода рыбы, *вонзя*. До весны Обь мертва, за исключением живцов, где зимует местная рыба и незначительная часть не ушедшей в устье губы «ходовой».

Талая вешняя вода оживляет забереги, край берегов, начинается движение местной рыбы; скоро живая вода распространяется и на всю реку, доходит до губы, вливается в море, давая знать уже ждущей там рыбе об освободившемся пути. Медленно начинается движение передовых, разведчиков; ломает лед за передовыми, порода за породой двигаются массы морской рыбы — это *вонзь*.

В губе нет обширных соров: пески, тундра; наголодавшаяся рыба спешит далее и заполняет сора между Хе и Обдорском, частью остается на них, массы же идут

далее и расходятся по всей Оби, уходят за пределы Тобольской губернии, заходя в устья притоков, разметывая икру и отъедаясь. Метанье икры и еда — цель движения рыбы.

«Тронется» вода, пойдет на убыль, тронется назад и рыба, спеша или не спеша, сообразуясь с движением воды. Ходовая, морская спускается к морю, местная или остается на реке, или подымается к верховьям притоков в продолжение всего мертвого периода зимы.

Бассейн Оби громаден, и на всем этом бассейне кипит жизнь в воде и на берегах, где промышленники стерегут и ходовую, и местную рыбу. Безостановочно «ходят» стрежевые невода по «ходовым» пескам, скользят *кольданы* и плавежные сети; сети в сорах, запоры в соровых выходах, морды, рукава.

Бассейн Оби громаден, громадна и жизнь внутри его вод, и как-то бледнеет и мало приметна, в сравнении с окружающим простором, жизнь на берегах, на промысловых местах, одиноких оазисах на 20—40-верстных плесах Оби, и это счастье для рыбы: промышленниками вылавливается лишь незначительное количество, массы остаются нетронутыми в обширных водных пространствах, частью недоступных для лова, большей же частью — не использованных за «недостатком рук».

Природа коварна: способствуя развитию жизни этих обширных водных пространств, она готовит и гибель развившейся жизни: замор, маловодье, еще неизвестные, но существующие болезни губят обитателей вод, еще счастье для них, что Обь мало населена: человек, часто благодаря незнанию, является помощником разрушительных сил природы: запруживая осенью живые речки, он обрекает рыбу на замор или на зимовку в других, неизвестных ей местах; заморозив сток живого озера, «замаривает» зимующую в нем рыбу, промышляя в маловодье «полами», отпугивает рыбу от сора и, лишая ее пищи, заставляет метать икру в реке, в местах, неудобных для развития молоди и т.д.

Наука мало знакома с жизнью обитателей вод в природных условиях: на Оби, например, нет ни одной станции для наблюдения над кочеванием рыб. Народ, промышленники обладают обширными сведениями в этой области, но сведения эти большею частью носят лишь местный характер; обобщить их с другими, привести в систему, сделать полезные для себя выводы народ не

в силах; научные силы должны прийти на помощь ему хотя бы на первых порах выпуском общедоступной литературы по затронутому вопросу.

Наводнения

О том, какая вода, большая или малая, будет в настоящем году в «Низовье», на промысловых местах, среди рыбопромышленников Севера самые разноречивые мнения, основанные большею частью на местных наблюдениях, не подкрепленных наблюдениями других мест. Между тем предсказание наводнений, с научной точки зрения, вполне допустимо, примером чего взять хотя бы предсказание московского наводнения 1908 года Н. С. Нестеровым.

Главными условиями разливов рек он ставит (см. И. И. Полянский. Сезонные явления в природе, с. 297. Изд. 1914 года): «1) Количество осадков, выпадающих за зиму в речном бассейне; 2) расход этих осадков в течение зимы; 3) продолжительность периода таяния снега весною и 4) коэффициент стока воды по поверхности речного бассейна».

Все вышеуказанное «на местах» трудно определить: слишком мало метеорологических станций в бассейне Оби да и даваемые ими сведения поступают в Екатеринбургскую магнитно-метеорологическую обсерваторию, где, помимо того, что печатаются с запаздыванием сравнительно с требованием времени нашего края, они, повидимому, дожидаются специалистов вроде Нестерова, которые взялись бы за определение разливов Обского бассейна, так необходимое для промышленников: на некоторых песках рыба хорошо ловится только в большую воду и, обратно, в малую воду рыба не попадает на сора, а в ожидании ее промышленниками заготовлены сети и др. ловушки и т. д.

Для таких рыбопромышленных пунктов, как Тобольск, Обдорск и Сургут, крайне необходима своевременная и общественная сводка метеорологических наблюдений. Разберется ли в ней народ, послужит ли она кому на пользу — можем с уверенностью ответить в утвердительном смысле: напр., промышленники в силу необходимости интересуются этими данными, интересуются и крестьяне; «специалисты» из тех и других делают

верные предсказания относительно разливов небольших местных речек. Интерес и наблюдения сами собой натолкнут на вывод и в более широком масштабе. Интересующимися разливами низового края уже довольно точно определены, напр., пункты, дающие значительную прибыль: ниже Самарова, до Березова, знают, что вот в такое-то время пришла ваховская вода; заранее собирают сведения: каковы снега на Ваху? сколько там сегогод[1] из котла снегу выходит воды? На границе с Томской губ. интересуются и состоянием снегов в Васюганье, зная, что разливающееся на сотни верст Васюганье может дать «уйму воды».

Начало народом уже положено, необходимо прийти на помощь этому, необходимо связывать народ с наукой. Наука для народа, а не для науки.

«Безрыбье» р. Иртыша

В прошлом году на крестьянском съезде одним из представителей был поднят вопрос о безрыбье р. Иртыша, что особенно стало наблюдаться за последнее время. Причиной безрыбья был выставлен факт, что устье Иртыша окрестные жители в осеннее время перепирают сетями, чем и не пускают обскую рыбу в Иртыш.

Выставленная причина имеет действительно громадное значение.

На всем протяжении р. Оби, начиная с верховий, Иртыш является первою из значительных рек, воды которой «живы», пригодны для жизни рыбы и в зимнее время. Во время замора, вернее еще до наступления его, вне всякого сомнения, массы рыбы идут в Иртыш и тут вдруг устье заставлено сетями. Рыбе хорошо известно, что промедли она несколько дней — остановка ее в этом месте *может быть пагубна*; она должна спускаться или до следующих *живых* рек, или останавливаться на р. Оби, по живому течению р. Иртыша, что для нее может быть крайне невыгодным. Неизвестно, на какое расстояние воды Иртыша оживляют Обь: если на значительное, то собравшаяся рыба может найти себе пропитание, в противном случае — принуждена голодовать.

Кто знаком с уральскими рыбными промыслами, где казаки всеми зависящими от них мерами охраняют Урал, для того ясно, какое значение может иметь для

нас *охрана устья р. Иртыша*, крайне желательно, *чтобы земство обратило внимание на этот вопрос*, вообще на рыбные промыслы в устье.

Исчезающие инородческие племена Сибири оставляют нам ценные наблюдения, не пользоваться которыми было бы для нас преступлением. Напр., инородцами р. Ваха установлено, что рыба, направляющаяся зимовать в верховья реки, где она гарантирована от замора, начинает проходить устье с августа месяца; *верховские* инородцы, жизнь которых зависит от этого движения рыбы, то и дело «пытают» низовских, как они промышляют. И храни Бог, если, напр., узнают, что *низовские* пользуются неводами *со смолеными веревками*: на ярмарке, когда обыкновенно инородцы обсуждают свои дела, низовским «достается», выносится постановление *не употреблять смоленых снастей*. Низовские помедлят, а потом заводят невод «чуть не во всю реку» и опять со смолеными веревками: что с ними поделаешь?!

Думаю, что нам не следует становиться на путь вымирающих народов.

Лесные люди

Я сидел над полупесчаным обрывом увала, на краю лесной долины версты $1^1/_2$ шириной, уходящей в глубь материка и расходящейся там на множество меньших долин.

Обрыв, начинаясь полукругом с вершины, сначала круто спускался вниз горбастой, изрытой ручьями темно-серой массой и, постепенно ширясь, почти ровным песком отлого сбегал к полутопкому берегу бегущего внизу ручья, *саием* *;

материковая долина, которую он пробегал, называлась также *саием*, русские же переделали это название в *сайма*.

С моей стороны к обрыву с обеих сторон подходили поросшие низким смешанным лесом увалы материка, подбегали к нему и стороною, по его краям, сбегали вниз, круто останавливаясь не доходя до ручья, и бежали далее, по его берегу, на р. Вах — в одну сторону и в глубь материка — в другую.

* Саием — ручей горный, верст 5—6 длины, спускался к ручью.

Здесь, на увалах, старорасчищенные *слопцовые* места, почти ежедневно вновь расчищавшиеся от подрастающего леса. На них, среди нетронутых деревьев, серели или темнели слопцы, белели оголенный песок и площадки мха-лишая, среди которого крупными кровавыми каплями рдела брусница.

По увалам вилась тропинка промышленника-охотника, то пропадая во впадинах, то подымаясь по склону; среди низкого леса кое-где виднелись высокие сосны с зелеными шапкообразными вершинами, как столбы, торчали сухостойные деревья и чернели ветвистые коряги, следы когда-то бывшего здесь пожара.

С противоположной стороны материк ровною, постепенно понижающейся полосою, покрытою также низким смешанным лесом и более зеленым, нежели белым, мхом, спускался к ручью.

От ручья, навстречу спускающемуся лесу, бежали полосы густой осоки и приостанавливали его иногда близ воды, иногда отводя саж. на 10—15; меж осокой и материковым лесом прорастали низкие, но плотные кусты ракитника: признак близости реки.

Если пойти по направлению ручья в глубь материка — долина расширяется, лес все такой же: низкий, смешанный, плотно прилегает к ручью, мох прорастает и в воде; ручей, журча, бежит по мшистому ложу узкою глубокою полосою, часто образуя глубокие чаши — омута, окаймленные осокой.

Порою ручей внезапно выходит на чистую, довольно крепкую, покрытую мхом и осокой материковую поляну, *«мошарину»*, и иногда теряется в ней. От мошарины саиемы расходятся во все стороны, по ним в мошарину журчит ручей и теряется под мхом, невидимо пробираясь к главному ручью.

Направившись вверх по более приметному ручью, выходишь на громадное чистое болото с разбросанными по нему хвойными островами.

Чистое болото которой-нибудь из своих сторон примыкает к сырой лесной гриве, идущей по берегу егана: здесь — высокий, дремучий, безлюдный лес.

Место же, на котором я находился, не могло претендовать на звание «темного дремучего леса», а еще более — безлюдного, против чего восставали и эти расчищенные увалы, и слопцы, и проторенная охотничья тропинка. Между тем старики рассказывали, что когда-то и здесь

был дремучий лес, уничтоженный следовавшими один за другим пожарами. Оставшиеся горелые пни подтверждают это.

По пожарищу брызнули мелкий березняк, осинник; но высоты и толщины, за исключением низин, они не достигают: между ними начинается густая поросль сосняка, берет силу и глушит их. В некоторых местах, особенно на вершинах увалов, сосняк уже является преобладающим, остальное все гибнет.

Впоследствии темный дремучий лес опять покроет материк, и охотник-остяк снова будет бродить в нем, но прежние были, такие же темные, как и самый лес, едва ли будут иметь место.

И рассказы о былых делах встали предо мною. Схватки между сошедшимися на промысел инородцами различных мест из-за обладания промысловым угодьем были обыкновенным явлением еще недавних лет. Лес не выдает ничего. И разве дураки товарищи, что будут рассказывать, что сами они затеяли ссору, и в этой ссоре у них какого-нибудь *Кюрэк* * или *Кымлег* ** пропороли рогатиной, а они за них двоих топорами засекли? Бог видел, ничего не сказал; а другим — какое дело!

Некоторые старые типы, или считая это угодным Богу, или же желая обратить на себя его внимание, даже кричали ему о совершенном ими разбойном деле.

Предо мною встал рассказ об одном охотнике. Событие разыгралось, по-видимому, давно, но, судя по некоторым местам из рассказа, уже когда здесь жили русские.

Этот охотник был угрюм и необщителен. На промысел отправлялся больше один или вдвоем, и то после усиленных просьб товарища. И странно, ушедшего с ним больше не видали. «Разошлись. Ждал у Кыласа *** несколько дней: нет. Заблудился или медведь съел», — объяснял охотник.

Несколько таких случаев, и на охотника стали смотреть подозрительно. Наконец нашелся один, решившийся узнать, куда исчезают товарищи этого странного охотника. Они отправились вместе на промысел. Долго ходили. Темный лес молчал и не давал никаких указа-

* Кюрэк — орел.
** Кымлег — росомаха.
*** Кылас — место ночлега, род охотничьей полупалатки.

ний об исчезнувших, охотник же становился все угрю-
мее и угрюмее. Наконец расположились ночевать пред-
последнюю ночь: время охоты кончилось, нужно было
направляться домой.

Охотник сидит у костра и как-то странно смотрит на
спящего товарища. А тот не спит, наблюдает за ним, и
нож в руке.

Охотник отошел в лес, вырубил вилы и, воротившись
к костру, стал обтесывать их.

— Начто тебе вилы? — спросил, как бы проснув-
шись, товарищ.

Вздрогнул охотник.

— В село придем, русским продам.

Усмехнулся товарищ, и опять как-то странно вздрог-
нул охотник.

На следующий день разошлись охотиться. Товарищ
охотника воротился назад, вытесал из дерева обрубок
похожий на человека, и спрятал неподалеку в лесу. Сам
ушел охотиться.

Воротился к ночи. Охотник уже ложится спать.

— Рано что-то ты сегодня ложишься,— смотрит на
него товарищ.

— Завтра нужно раньше вставать и отправляться
дорогу.

Улегся спать и товарищ.

Молчит темный лес, и так ярко горят в вышине звез-
ды, предвещая на завтра хороший день. Последняя ночь
И чувствует товарищ, что-то странное должно совер-
шиться в эту ночь. Поглядел на охотника, тот спит. Под-
крался ближе — спит крепко. Осторожно сбегал он з
древесным обрубком и уложил его вместо себя, сам ж
отошел в лес и наблюдает.

Проснулся охотник. Посмотрел, не шевельнется л
его товарищ. Взял вилы и тихо, тихо, на носках прибли-
зился к спящему. Нащупал, чтобы шея товарища попал
меж развилками, и сначала слегка, а потом быстро,
прискоком налег на вилы.

— Торомэ!!! ливтэмэт! ливтэмэт! (Боже!!! седьмо
седьмой!) — дико закричал он.

— Энта: ливтэмэт ти тагэ! (Нет, седьмой здесь!) —
прозвучало ему в ответ. Это ответил товарищ.

Не шевельнулся охотник, как бы замер на время,
мертвым упал на снег. Бог не принял приносимой ем
жертвы.

Ваховские остяки — исконные звероловы. Каждый день — пролитая кровь, трупы животных и птиц, угрюмая северная природа: все ожесточает человека и делает его каким-то бесчувственным к убийству, хотя убийство своего сородича, с точки зрения остяков, самое постыдное дело. Но старые типы не редкость и в настоящее время.

Несколько лет тому назад поссорились брат с братом. Нож под рукой, и один свалился, проколотый в спину, и через несколько дней умер.

Я из любопытства был на вскрытии. Убийца спокойно помогал фельдшеру переворачивать труп брата. Но отцовское сердце (старик отец был тут же) не выдержало. Он упал ниц перед мировым судьей, судебным следователем.

— Это — мой мальчик; зачем резать его! Все знают, что его убили, зачем резать!

— Нельзя, старик, так велит закон! — растолковывал ему судья.

Старик тупо поглядел кругом и как-то осунулся, не встречая ни в ком сочувствия к своему «мальчику». Он встал в стороне, закрылся шалью и так просидел все время, казалось, бесчувственный ко всему, что совершалось вокруг.

А брат между тем помогал фельдшеру перепиливать позвоночник своего брата, чтобы извлечь оттуда сломавшийся конец всаженного им же ножа.

Я знал одного инородца. В одиночном промысле он встретился с посторонней компанией близ верховьев р. Таза. Те приняли его. В компании был старик ворчун. Его товарищи уже привыкли к ворчанью, но на новичка, привыкшего к одиночеству, это действовало удручающе. Погоди же, собака старая! И он подкараулил старика на его охотничьей тропе и застрелил. Труп спрятал в снег. Дело выяснилось. Его хотели судить лесным судом, но вожак партии воспротивился. «Старик получил то, что искал. Если злить собаку, и она будет кусаться; разве можно наказывать человека, так больно укусившего злившего его! Пусть он уйдет от нас, откуда пришел».

И инородец ушел.

«Разве я не прав?» — спрашивал он потом своих остяков.

Те соглашались, что действительно он был прав.

Еще большим холодом и дикостью веет от другого давнего события. Некоторые инородцы объясняют, что

главное действующее лицо этого события был сумасшедший: с умом человек никогда не поступит так; другие же говорят, что он был именно настоящий сердитый остяк, способный «в сердцах» наделать что угодно. Я более склонен к последнему мнению.

Охотясь с четырьмя своими товарищами, родными братьями между собой, он убил их, четырех. Что у них вышло, из-за чего он их убил — неизвестно, но только он нисколько не раскаивался в сделанном деле.

«Вот я сегодня добыл добычу: четырех жеребцов убил»,— воротившись, хвастался он матери убитых. Потом нашли этих убитых и поняли, что за жеребцов убил остяк.

Опасаясь мести, он вскоре убежал в вершину ближнего егана и убежал не один: насильно увез с собою подростка — сына одного из убитых.

В вершине егана прожил целую зиму и лишь на другое лето спустился вниз по реке. Дорогою кто-то увидал его и сообщил остякам. Те собрались и долго судили, как взять его и что делать с ним.

«Так, силой брать, еще зарежет кого; лучше позовем его к себе, дадим трубку (в егане он долго не курил, соскучился), а когда он опьянеет, свяжем, а потом уже решим, что делать», — предложили старики.

Между тем остяк с остячонком ехали вниз по егану. Еган был перегорожен варом. «Кто мою дорогу перегораживать вздумал?» — сказал остяк и поехал сквозь вар.

Поехал мимо юрт, остяки зазвали его: «Подъезжай, трубку покурим!»

Остяк вышел к ним — они ему место у костра дали, трубку за трубкой подносят, угощают: «Кури, друг, давно не видались». Когда же увидали, что табачный дым затуманил его голову и он стал раскачиваться, накинулись все разом и едва осилили.

Связали и стали его топором сечь; засечь не могут, все жив.

Тогда положили его на костер и жгли до вечера. И пришла мать четырех убитых сыновей и секла его топором. Он горел, а она его секла, секла и причитывала о своих погибших сыновьях, о четырех жеребцах, попавших под его варначью руку.

1913 года, февраль
с. Ларьякское

ИЗУЧЕНИЕ РОДИНЫ

Частушки

(с. Демьянское, Тобольской губ.)

Играй, играй, тальяночка,
Играй, не торопись.
На тальяночке написано:
«Милашка, берегись!»

Охо-хони, мама, горе:
У окошка стоят двое,
Охо-хо, мама, беда:
Дожидаются меня!

Ты не стукай, милый, в раму,
Не выманишь меня:
Я не глупая девчонка,
Не пойду к тебе туда!

Милашка черноброва,
Завлекательны глаза,
Не пойдешь охотно замуж,
Поташу за волоса!

Ты не стой у ворот,
Не маши фуражкой,
Я теперечь не твоя,
Не зови «милашкой».

Дайте ножик, дайте вилку —
Я зарежу свою милку!
Дайте ножик повострей —
Я зарежу поскорей!

Как по нашему селенью
Прокатилась кадца.
Один выехал ерой,
Давай палкой дратца!

Шел я бором-калидором,
Нашел карточку — валет,
Сколько-сколько любовался:
Думал, с милочки патрет!

Серо к серому пристало,
Серо носят господа:
У моёва у милова
Взгляд веселый завсегда.

Как над нашею деревней
Голубые небеса.
У милова черны брови,
Завлекательны глаза.

По демьянскому селенью
Шли японцы с турками.
У моёва у милова
Есть калоши с бурками.

У меня болит ладонь,
У подружки — пальчик.
Как миленка не любить:
Раскрасивый мальчик.

Мама спит на печке,
А я — на западенке.
Мама думат обо мне,
А я — о миленке.

День я жила, приустала,
Прилегла на бережок.

Интересный сон привиделся:
Будил меня дружок.

На «Отце», на пароходе
Електричество горит;
О хорошеньком миленочке
Сердечушко болит.

Милый мой, моя отрада,
Скучно жить мне без тебя;
Я сама себе не рада,
Что влюбилася в тебя.

У кого какие кони —
У меня буланые,
У кого какие милки —
У меня удалая.

У кого какая баня —
У меня березова,
У кого какие милки —
У меня как розова!

Моя милка в дипломате,
Распушены рукава,
Шаль пуховая, на вате,
Не простынет голова.

Папиросочка с духами,
Накуриться не могу.
Милка с черными бровями,
Наглядеться не могу.

Тонки-звонки волоса,
У милки завита коса,
Завита под шпилечку,
Душой люблю я милочку.

Ах, милашка, дай бумажки:
Живописцем буду я.
Я срисую твои глазки,
Расхорошая моя.

Шел я бором-калидором,
Там я видел чудеса:
Лет шестнадцати девчонка,
Рожа — шире колеса!

Этой улицей широкой
Я последний раз иду:
Примечай, моя милашечка,
Походочку мою!

Хорошо ли тебе, уточка,
По морю плыть одной?
Хорошо ли тебе, девочка,
На свете жить одной?

Папа с мамой — золотые,
Я — серебряная дочь.
Отпустите на вечерку:
Будет месячная ночь.

Шторы новы, шторы новы,
Шторы новы, с вязками.
Завлекает меня милый
С каренькими глазками.

Я пришел на вечеринку,
Моя милка занята;
Черну шапочку на кудри —
До свиданья, господа!

Стара баня, нова баня?
В новой лучше паритца!

Старый милый, новый милый?
Новый лучше глянется!

Я поеду за реку
По бела теленочка,
На калену доску стану,
Присушу миленочка.

Серо к серому пристало,
Серо к серому идет:
Не моя ли то симпатия
По улице плывет?!

Мне не надо пуд гороху,
Хоть одну горошину,
Мне не надо сто милашек,
Хоть одну — хорошеньку!

Над рекой стоит малина,
Кисти виноградные.
Куда, девушка, ходила,
Этака нарядная?

Два колечка пали в речку,
Оба распаялися,
Мы с миленочком сошлися,
Оба рассмеялися.

Я с миленочком в саду
На окошечке сижу,
Он тальяночкой играет,
А я песенки пою.

Хорошо воду носить,
По ручью дорожки.
Хорошо того любить,
У кого гармошка.

Двести сорок песен знаю,
Чисто все перепою,
В каждой песне, в каждой
строчке
Про милашку вспомяну.

У меня на кофте ситец,
Уж я думала, сатин.
Приходи миленок в гости
Без товарища, один!

На столе стоит прибор,
Золотые чашки.
Ко мне миленький придет
В розовой рубашке.

Я наставлю самовар,
Золоченый чайник,
Ко мне миленький придет,
Словно как начальник.

На столе стоит бутылка
Винограднова вина,
Сидит милый на диване,
Дожидается меня.

Я наелася груздей,
Напилася квасу.
Обещалася миленку
Ко второму часу.

Мой миленок — ухабака,
Ухабака, ухарец:
Поставил чурочку к окошечку,
По створочке залез.

Милый — сахар, милый — мед,
Милый сядет, обоймет,

Правой рученькой прижмет —
Мое сердце обомрет!

— Милый мой, пойдем домой!
— Пойдем, моя забавница,
Пойдем, моя забавница,
С веселого гуляньица.

— Дорогой, куда поехал?
— Дорогая, по воду.
— Дорогой, не простудись
По такому холоду.

Что это за озеро,
Да голуби купаются?
Что это за миленький,
Да все в него влюбляются?!

У меня в головушке
Малинова гребенка:
Отбивают у меня
Красивого миленка.

Ты не рой, подруга, яму,
Я в нее не попаду.
Хоть сердися, не сердися —
Одново с тобой люблю.

Не найти такой березы,
Чтобы дождь не промочил;
Не найти такой любови,
Чтоб никто не разлюбил.

Шила милому кисет,
Вышла рукавица.
Будь ты трижды проклята,
Эта мастерица!

Через речку быструю
Монастырь я выстрою,
Пущай милый молится,
За другой не гонитца!

Прилетная кукушечка,
Не ты ли мне сестра?
Сколько горечка-печали —
Их не ты ли принесла?!

Неужели нас забреют,
Во солдаты увезут,
Шинель серую наденут,
По винтовочке дадут?

Некрута наши гуляют,
Мимо окон ухают,
С девок ленточки снимают,
Коням гривы путают.

Ты, дороженька, дороженька,
Слезами улита!
Как по этой по дороженьке
Гуляли — некрута!

Лекрута каталися,
Тулупы раздувалися;
Матери в окошечках
Слезами заливалися.

Вы, девчонки, вы, сударки,
Вы-то с кем останетесь?
Коренных парней — на войну,
Соплякам достанетесь.

Некрута наши, товарищи,
Немножко нам гулять:

Мое сердечко слышит,
Что нам дома не бывать.

Погуляйте, девки, с нами,
С нами, вольницами!
Во приемной припасены
Бритва с ножницами.

Погуляйте, лекрута,
По своей деревне,
Скоро, скоро повезут
Вас по чужой губерне.

Лодка грузна, лодка грузна,
Переедем за реку,
Мы еще позадаемся
На Демьянском берегу!

Среди речки голубой
Колышек вколоченный.
Оттого платок желтеет —
Он слезами смоченный.

Болит рученька в кисти,
Завяжу я пальчик.
Отъезжает от меня
Молоденький мальчик.

Загорожена дороженька,
Покудова ходить.
Увезут дружка хорошева —
Кого буду любить?

Ты не пой, не воркуй
В поле, пташечка.
Я уеду — не тоскуй,
Моя милашечка!

Ты не плачь, не горюй,
Может, ворочуся,
На твоей белой груди
Может, належуся!

Кабы я была богата,
Выкупила бы дружка,
Дала сотню, дала две:
Не служи, милый, нигде!

Селом Карповым иду,
Все березы гнутся.
Мимо милого иду,
Слезы так и льются.

Миленочек мой,
Высоко несешься!
Прихорошенький мой,
Кому ты достаешься?

Моя милка плакала,
Весь запон окапала,
Она вышла на мороз —
У ней фартучек замерз.

Отходили кони в поле,
Откусали комары,
Отгуляли мы по улице,
Отскрипели сапоги.

Ну, прощай! Не скучай,
Может, ворочуся.
Я, когда домой приду,
На тебе женюся.

Прощайте, горы, темный лес,
Прощай, звездочка с небес,

Прощайте, синие моря!
Прощай, симпатия моя!

Ты, гармошка, ласкова,
Провожала — плакала,
Проводила до горы,
Не видали с той поры.

Не кукуй, кукушка, в поле,
На осине проклятой,
Сядь на белую березу,
Прокукуешь сиротой.

В поле — роза, в поле — роза,
В поле — роза алая.
От миленочка осталась
Сиротинка малая.

Уж ты, милый мой.
Что ты сделал надо мной:
Сгубил мою головушку;
Оставил сиротой.

Милый мой, моя утеха.
Я люблю, а ты уехал.
Ты уехал воевать,
Меня оставил горевать.

Что-то под ногу попало,
Чисто серебриночка.
Знает Бог и добры люди,
Что я сиротиночка.

Стоит липа, веют листья,
Подмывает корешок.
У меня, у красной девки,
Во солдатах женишок.

Плыла утица по морю,
Во все горло крякала;
Мой миленок во солдатах,
Два годочка плакала.

Мой-то милый на войне,
Его шибко ранили.
Карасином напоили,
Душу испоганили.

Мой миленок во солдатах,
Я, младешенька, куда?
На реке широка прорубь,
Суну голову туда.

Со стола я уронила
Два стекла да лампочку.
От миленка получила
Два письма да карточку!

Растошнехонько-тошно!
Пришло от милова письмо!
Распечатала печать,
Со слезой буду читать.

Во солдатах жизнь — не дома;
Сапоги, шинель — готовы,
Кашу гречишну варят,
Велят домашню забывать.

Распроклятый царь германец
Много горюшка нанес:
У баб мужей, у девок милых
В свою сторонушку увез.

Люди бережком гуляют,
Мы на катере плывем;

Люди девушек глазеют,
Мы германца бить идем.

Посмотрела бы теперь
Сзади на миленочка:
Ему подстала ли шинель,
Железная винтовочка?

Хорошо, друзья, на воле
Слушать ласковы слова.
Полежали бы в окопах,
Испытали то, что я!

Три я года в лодке ездил,
К берегу не приставал;
Пил я водку, ел конфеты,
О милашке тосковал.

Шел я бором, сидел ворон
На зеленом на кусте.
Моя милка черноброва
Часто видится во сне.

Рыба посуху не ходит,
Без воды не может быть.
Мой миленок меня любит,
Без меня не может жить.

Кабы елочка пониже,
Я бы ветку сорвала,
Кабы миленький поближе,
Я бы ручку подала.

Напишу царю прошенье
На бумаге ербовой:
Не отпустят ли миленочка
С позиции домой?

Пташечка, ты, пташечка,
Чисто куропаточка,
На позицию слетай,
Миленочку письмо отдай.

Голубой, не выгорай
На моей головушке.
Миленький, не забывай
На чужой сторонушке!

Пела, пела песенки,
Упала с верхней лесенки,
С аппаратнова крыльца,
Переменилась из лица.

Бурка тонет, бурка тонет,
Бурка тонет на реке,
Погибает мой миленок
У германцев на войне.

Моево миленка ранили
Германцы на войне;
Его по синему по морюшку
Везли на корабле.

Нам не дороги часы,
Дороги цепочки:
Нам не дороги вдовы,
Дороги девочки.

Я спала, свеча горела —
Не моя ли красота?!
Голова отяжелела,
Кудри веют на глаза.

Золото вито колечко
На две половинки;

Хоть сейчас умри, миленок,
Отведу поминки.

Стань картошку копать —
Руки чернятся,
Стань девчонок уважать —
Пуще сердятца!

Сено осенью косили,
Кони сено не едят.
Не любите вы Катюшек —
Они вам надоедят.

Экий ветер, экий буйный:
Когда дует, когда нет!
Экий милый бестолковый,
Когда любит, когда нет!

Мы вечор вечеровали,
Одну думу думали.
К нам ребята прибежали —
Мы огонь задунули.

Как во нонешнем году
Милашка сделала беду:
Двадцать пятого числа
Милашка сына родила!

Вы почто меня побили,
За которую вину?
За молоденьку девчоночку,
За ягодку мою.

Шел я бором-калидором,
Калидор качается.
Моя милка — первый сорт:
Со вторым венчаетца.

Шел я лесом и горой,
Нес тальянку под полой;
Оступился в ямочку,
Изломал тальяночку.

Не найти такой тальянки,
Как тальяночка моя;
Не найти такой милашки,
Как милашечка была!

У господ какой расход:
Чашечки да вилочки!
У ребят какая мода:
Перемена милочки!

Одна лампа с карасином,
А друга с гасителем.
Раньше я гуляла с парнем,
А теперь с учителем!

Я любила фершала —
Свое сердце тешила;
Я любила писаря —
Три рубашки вышила!

Я сидела, сидеть буду
У окна стекляннова.
Я любила, любить буду
Парня иностраннова.

Все я шали приносила,
Одна шаль осталася.
Всех ребят перелюбила,
Одна шваль осталася!

В хороводе я ходила,
Во траве запуталась.

Кого сердце не любило,
В того достукалось!

Я сидела, сидеть буду
У окна брюшиннова;
Я любила, любить буду
Батьку благочиннова!

Я надену сетку редку,
Приколю булавочкой.
За того я выйду замуж,
Кто торгует лавочкой.

Утка сера шибко села,
Ближе к берегу плывет.
Милка бела и румяна,
Никто замуж не берет.

На стене висит пальто,
Меня не сватает никто.
Пойду-выйду, закричу:
«Караул! Замуж хочу!»

Охохонюшки! Спогинула
Головушка моя:
Не за ровнюшку попала,
Скоротаю век одна.

Вы пошто меня женили,
Пару коней маяли?
Вы пошто такую брали,
Чтобы люди хаяли?

Запрягу я кошку в дрожки,
А теленка — в тарантас,
Повезу свою милашку
Прямо в город на показ!

Кисни, кисни квас,
У свекрови вырви глаз,
У моей золовушки
Оторви головушку.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Думы

Я снова в раздумье над книгой раскрытой
Истории русской, родимой земли,
Невинною, братскою кровью залитой,
Не кончившей честно тяжелой войны.

Я слышу, там, в сумраке, струны рокочут,
Рокочут о прежних недавних боях...
И вновь предо мною орудья грохочут
На сопках маньчжурских, на дальних морях.

Там рушилась слава. Ту славу сложили
Для Родины нашей былые бойцы,
Что русскую землю, как душу, любили
И отдали Руси все силы свои.

И тихо так струны во тьме рокотали,
И марш похоронный над Русью звучал,
Тираны в чертогах своих пировали.
Рабочий и пахарь рыдал и стонал;
Но верилось в лучшие силы народа,
Что встанет он, крепок, могуч и силен...
И дрогнули струны... И встала свобода.
Под мощной рукою разрушился трон!
И Русь всколыхнулась от моря до моря;
Запенясь, заздравная чара пошла;
Пируют славяне сквозь слезы и горе,
И вот не хватило у сватов вина.

И мир ужаснулся; у старого трона
На смену тирану тиран восстает.
Пред деспотом мира склонивши знамена,
Россия позорно себя продает.
Тираны пируют и плещут руками,
Гудят на органах, им внемлет народ,

И русские силы ложатся рядами —
И марш похоронный над Русью плывет.

А струны рокочут, рокочут, рыдают:
«Повысохнут слезы, кровь в землю уйдет,
Забытые тени над ними витают,
Позора России земля не возьмет.

Как Каин, Россия пред миром предстанет,
С позорной печатью на бледном челе;
Никто славянину руки не протянет,
И память исчезнет о низкой стране».
И хочется крикнуть, чтоб встали те люди,
Кому еще родины честь дорога,
Вдохнули отвагу в трусливые груди
И выпили горькую чашу до дна.

Погибшим бойцам

Не говорю, что волю вашу взяли,
Что ваша воля гибнет под ярмом:
Пусть весь ваш путь костями вы устлали,
Жив, крепок дух в народе молодом!
И пусть вас нет, но гимн людской свободы,
Ваш гимн, ваш вопль измученной души,
Вновь слышим мы сквозь замкнутые своды,
И знаем мы, за что погибли вы!
И мы встаем, как вы во дни былые,
Как вы — мы сгибнем в сече боевой!
Но встанет Русь за силы молодые,
И страшен будет суд ее земной.

Старые сказки

Грезы; ночи темные, ночи одинокие;
Встали, будят молодца сказка и мечта.
Прочь умчались темные думушки глубокие —
Грезится-мерещится родина моя.

Вижу я: могучая даль реки туманится;
В той дали маячатся темные струги:
Это промысловая вольница сбирается
К дальнему низовию, до Обской губы;
В воздухе разносится, в выси разливается
Крик весенний радостный дорогих гостей;
Снова притянуло их, снова собираются
В сторону холодную с теплых со морей;
На горе белеются, ярко выделяяся,
Стены уцелевшие прежнего Кремля;
За рекою звонкая песня разливается:
«Я — Сибирь могучая! Я — Сибирь твоя!»

Волны тихо плещутся, в берег ударяются;
Что-то непонятное мне Иртыш шумит.
Были и забытые годы вспоминаются...
Над рекой татарская девица стоит.
И несется горестный крик под яр обрывистый,
И лицо красивое, белое в слезах,
И играет северный ветер, злой, порывистый,
Мелкими монистами, что блестят в косах.
«Доля злая девичья! Чайки голосистые!
Старая, бурливая, ты, Иртыш-река!
Очи мои темные, косы золотистые —
Все для победителя, все для казака!»
А внизу волнуются с ревом волны белые,
Плачут, ударяются в берег Иртыша,
Манят и баюкают, будят мысли смелые...
Ринулася на волны вольная княжна.
Вспрянули сердитые! С поцелуем бешеным,
С ласкою холодною встретили княжну.
Ласкою последнею, буйною утешили,
Спрятали сокровище в омут, в глубину.

Волны тихо плещутся, в берег ударяются,
Снова над тобою я, мой Иртыш родной.
Были и забытые годы вспоминаются,
Годы, пролетевшие быстрою волной.

Спите, уснувшие!

Спите, уснувшие! Спите, погибшие,
Жизнь молодую, надежды сложившие,

Юною, чистой любовью любившие
Русская рать!
Сгибли вы — гибнет и воля свободная.
Взглядом окинешь — пустыня бесплодная,
Скошены травы, за дело народное
Некому встать!
Спите же, славой и честью повитые!
Шлет вам прощальное слово забитая,
С грудью рассеченной, кровью залитая
Родина-мать!

* * *

Смолкните, гусли звончатые:
Душу мою вы измучили!
Время ушло, яровчатые,
Плакать слезами горючими.
Слышится песня залетная,
Слышится чье-то рыдание,
Удаль звучит беззаботная,
Ласки и муки прощания.
Грудь подымают призывные
Клики в бою погибающих;
Видятся образы дивные;
Слышатся стоны страдающих;
Блещут доспехи кольчатые;
С милым девица прощается...
Смолкните, струны звончатые,
Грозы идут, надвигаются.

Странный сон

Мне ночью странный сон приснился:
Блистали по полю огни;
Внизу Иртыш шумел, струился,
Волной о берег тихо бился...
И вижу, вновь свободны мы.
Я встал, кругом тюрьма тюрьмою.
Маячит всадник на горе,
С винтовкой старой за спиною;
Оружье ищут за стеною...
И я вздохнул о странном сне.

* * *

Минувшие годы, как много вы взяли
И счастья, и воли, и песен, и грез!
Лазурные дали, манящие дали!
Иду я кустами увянувших роз.
Зачем же погибли вы, алые розы,—
Мечты и надежды души молодой?!
Подкрались к вам темною ночью морозы;
И розы погибли, погибли весной.

И лунною ночью иду я полями,
Я встретить кого-то в полях тех хочу,
Но... розы увяли, поникли цветами;
И тщетно глазами кого-то ищу.

И образ далекий пред мною не встанет,
Как прежде, меня он к себе не манит,
Очами, как прежде, мне в очи не взглянет...
Завянули розы, и поле молчит.

Качает челнок мой седыми волнами;
И волны опять разбудили во мне
Мятежную душу с былыми страстями,
Но розы увяли — и пусто в душе.

* * *

И пусть шумят «ревнители свободы»,
Свободу чтущие лишь только на словах:
Они забыли минувшие годы,
Годину рабства, пошлостей, невзгоды,
Продажу родины и голод в деревнях.
Встает заря — Сибирь освободилась;
Привет бойцам за родину мою!
Привет тому, чье сердце не смутилось
И в сече злой с врагами расплатилось,
Дало понять, что есть предел всему!

* * *

Рожденные бурей — мы бурю лишь любим.
Рожденные ветром — мы с ветром шумим;
Детей непогоды ласкаем, голубим,
Мы сердцу немилых безжалостно губим.
И в дали спешим.
Мы — волны мятежные, бурные волны.
О чем мы рыдаем — нас те лишь поймут,
Чьи думы отвагою юности полны,
В душах чьих есть струны — в затишье безмолвны,
А в бурю — поют.
И в дали лазурные с нами несутся,
И крепок удар их, и песня вольна,
В борьбе беспощадной они не погнутся;
Обнявшись, к свободному морю прорвутся
Мечта и волна.

Мотив Розенгейма [1]

Опять поднялися! О, сколько их, Боже!
Все те, что держали меня в темноте,
Годами мостили позорное ложе...
И каркает ворон над мной в вышине.
И сердце трепещет! Те силы, что были,
Что дали возможность из пепла мне встать,
В борьбе свои головы честно сложили...
Иные устали со мною страдать...
И сыплются искры! Знакомые звуки!
И каждый удар отдается в груди;
Из прошлого встали забытые муки:
Там цепи куют и куют кузнецы.

Сибирские мотивы

Всю-то ночь надо мной бушевала гроза.
Разыгралися темные тучи;
Грозным гулом с рекой говорили леса,
Бились волны в прибрежные кручи.

А наутро косач над рекой токовал,
Солнце ясное тихо всходило,
Звонко дятел в сухую лесину стучал,
И луга и леса золотило.

И легко на душе после бурь и невзгод;
Головою к кедрине склонился,
Засыпая, слыхал, кто-то звонко поет
И под песню на воле забылся.

* * *

Боже, Сибирь сохрани!
Дай ей могучую волю!
Тучи над нами прошли,
Новые тучи вдали,
Мы же — слабеем душою.
Мы родилися в бою,
Кровью облитые встали,
Честь и свободу свою
Юной рукою подняли,—
Снова над нами размах
Мощной, неведомой силы;
Снова в неравных боях,
Снова — кресты и могилы.
Боже, Сибирь сохрани!
Дай ей могучую волю!
Тучи над нами прошли,
Новые тучи вдали,
Мы же — слабеем душою.

Лебеди

Гости желанные,
Лебеди белые!
Крики призывные,
Вольные, смелые!
Ветром колеблемой
Лентою белою
Плавно несетесь вы
Поступью смелою.

Крики призывные
Вы испускаете,
Душу уснувшую
Вы пробуждаете:
Маните, тянете
В даль необъятную,
Жизнь воскрешаете,
Жизнь невозвратную.

Из старинных мотивов

Всю-то ночку, все-то утро проспала:
Снились травушка-муравушка, луга;
Я по травушке-муравушке иду,
Из цветов венок лазорев-цвет плету;
Нарядилась — убралася я в цветы,
Поглядела в речки быстрые струи
И пошла, пошла; иду, иду, иду...
Знает милый, что к нему спешу, спешу.

Я с полночи и все утро не спала:
Мне приснилися кровавые поля;
Я по полю по кровавому иду,
Вижу... вижу... бьется сердце... я дрожу:
Это он, его и брови, и глаза...
Я не сплю,— пред мною кровавые поля.

* * *

Мечта моя молнией в жизни сверкнула
И скрылась навеки за тучей сердитой.
Я все позабыла... и руль повернула
Навстречу борьбе прочь от грезы разбитой.

Я снова свободна, как волны морские,
И зори встречаю привычным приветом.
На личное счастье, на страсти людские
Холодное сердце не бьется ответом.

Но если тоскливый призыв пронесется
И если устанут бороться за счастье,

Горячею лаской вдруг сердце забьется,
И вспыхнет на миг в нем любовь и участье.

И струны рыдают, и струны трепещут
И плачут над скорбью усталых людей.
И правды сияньем все отзвуки блещут —
Зовут на борьбу за победу идей.

На голос страданья, на стон истомленных
Ответно гремит мое слово «вперед».
Нет отдыха, братья... Страна изнуренна,
И властно царит в ней насилия гнет.

Нет отдыха, братья... Над нашей могилой
Свободные гимны сильней зазвучат...
Нет больше пощады для власти постылой,
Звезды их кровавой уж близок закат.

Когда же вновь знамя бодрее взовьется,
Я стихну... и струны опять замолчат.
И только порою мой голос несется
В молитве за Русь и героев-солдат.

На личное счастье, на страсти людские
Холодное сердце не бьется ответом,
Я снова свободна, как волны морские,
И зори встречаю привычным приветом.

Сибирячкам

Если в вас еще, женщины, сердце трепещет
И душа изнывает за русский народ,
Если правды сияние ярко вам блещет
И свободным сердцам чужд насилия гнет,

Подымайте свой голос за право отчизны,
Научите за родину стойко страдать
И над братской могилой любви светлой тризну
Научите усталую Русь совершать.

Вы напомните русским былые заветы,
Старый путь справедливой борьбы за любовь,

По которому шли наши братья и деды,
Проливая за право поруганных кровь.

Вы напомните бой на Балканских высотах
За славян и за право их воли святой...
Пробуди же, о женщина, в русских охоту
Так же славно идти с вражьей силою в бой.

Научи ты их биться, как бились их деды,
Пусть не дрогнут ряды их в кровавых боях —
Жив наш дух... живы предков святые заветы,
Пока жива любовь в материнских сердцах.

ПРИМЕЧАНИЯ

Учитель, краевед и гражданин

[1] Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (далее — ТФ ГАТО), ф. 147, оп. 2, д. 27.

[2] *Григорий Александрович Пирожников* (1869—1963) — сургутский уездный исправник с 1903-го по 1917 г. Родился в слободе Усть-Ниша Тюменского уезда Тобольской губернии. Воспитывался в Тобольской духовной семинарии, но курса не окончил. С начала 1891 г. служил на севере губернии (Березов, Кондинское) по Министерству внутренних дел. В Сургуте заведовал инородческими хлебозапасными магазинами уезда. В 1917—1919 гг. был ответственным за продовольственное снабжение Сургутского уезда, затем по 1924 г. служил в советских учреждениях Сургута и Тюмени. Умер в Свердловске.

Принимал деятельное участие в изучении края. Был членом Тобольского губернского музея, способствовал пополнению его коллекций. Сохранилось письмо, в котором Парижское географическое общество благодарило Пирожникова за присылку экспонатов и содействие французскому ученому и путешественнику Полю Лаббе во время его работы в Сургутском уезде. За труды по всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. по Тобольскому округу награжден темно-бронзовой медалью. При активном содействии Пирожникова 13 октября 1913 г. в Сургуте был открыт народный дом.

Он участвовал в подготовке Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставки 1911 г. в Омске. Был действительным членом Архангельского общества изучения Русского Севера. В последние годы жизни работал над большим трудом «Обь-Иртышский Север», фраг-

менты которого публиковались в журнале «Югра» в 1994 (№ 5—9, 11) и 1995 (№ 3, 4, 7) гг.

[3] *Василий Николаевич Герасимов* (1870-1901) — священник. Его отец, Николай Герасимов, принадлежал к ненецкому роду Югомпелик, в 1869—1874 гг. служил священником Тазовского стана Обдорской духовной миссии. Василий Герасимов после учебы в Тобольской семинарии служил первым помощником настоятеля Обдорской духовной миссии (1894—1896), участвовал в исследовательской поездке проф. А. И. Якобия по Надыму. После перевода в с. Щекурьинское Березовского округа прослужил там священником Богоявленской церкви до конца жизни.

Со времени учебы в семинарии тесно сотрудничал с Тобольским губернским музеем, пополнил его коллекции гербариями из Обдорска и Щекурьи, палеонтологическими и археологическими находками, собрал небольшую коллекцию предметов по этнографии манси, предназначавшуюся для Парижской выставки 1900 г.

[4] *Прохор Акимович Кайдалов* (1857, Сургут — ок. 1926, Ларьяк) — торгующий мещанин, до 1881 г.— строевой казак Сургутской пешей городовой казачьей команды. В Ларьяк переехал не позднее 1876 г. В его доме в 1895-м и 1898 г. останавливался известный финский этнограф У.Сирелиус.

[5] По воспоминаниям Анфузы Прокопьевны Кошкаровой, внучки П. А. Кайдалова и дочери Марии Прохоровны Кошкаровой (Кайдаловой), дом, в котором помещалась ларьякская школа, был разделен пополам коридором. Слева от входа находилась жилая комната, следом за ней — кабинет учителя. Справа — класс с окнами на три стороны.

[6] Каталог экспонатов от дирекции народных училищ Тобольской губернии на 1-ю Западно-Сибирскую сельско-хозяйственную, лесную и торгово-промышленную выставку в г. Омске. Тобольск, 1911.

[7] *Виктор Федорович Костюрин* (1853—1919) — видный народоволец, был известен в революционной среде как Алеша Попович. Родился в Херсонской губернии, сын дворянина.

Учился в Новороссийском университете в Одессе, затем служил в армии. По процессу 193-х сослан в Якутскую область. В Тобольск прибыл в начале 1890-х гг. и вскоре стал участвовать в работе редакции газеты «Сибирский Листок», издательницей которой продолжительное время была его жена Мария Николаевна, уроженка Ялуторовского округа. Впоследствии не менее двух десятков лет играл ключевую роль в редакции.

В статье «Памяти В. Ф. Костюрина» («Тобольское народное слово», № 114 за 22 мая 1919 г.) Г. М. Дмитриев-Садовников писал: «...до последних дней своей жизни он не слагал оружия и нес раз поднятое им знамя народовольца, нес его и в России, нес и у нас, в Сибири, работая часто при самых трудных условиях жизни, давая все, что мог дать, и часто служа нам, жителям отдаленных концов Севера, единственной надеждой, что вот он в своем печатном органе выступит на защиту нас. И он нередко выступал: появлялись в «Сибирском Листке» корреспонденции с севера — тревожилось начальство, шли следствия — а в результате это имело немалое значение для нас, и мы чуствовали, какую помощь нам оказывает старый революционер Костюрин своим независимым печатным словом». (Статья подписана псевдонимом Н.Сугма.)

* *Василий Николаевич Пигнатти* (1877 — после 1918) — тобольский адвокат, общественный и государственный деятель. Окончил Житомирскую гимназию, был студентом филологического факультета Московского университета. В 1899 г. арестован и выслан под надзор полиции в Тобольск. Два года спустя уехал за границу, учился на юридическом факультете Парижского университета. В 1903 г. по приезде в Россию на каникулы подвергся аресту и выезд за границу ему был запрещен. В 1906 г. получил звание частного поверенного и стал заниматься адвокатской практикой. Одновременно сотрудничал с Тобольским губернским музеем, был его библиотекарем, помощником консерватора (с 1908 г.), а вскоре избран консерватором. Исполняя эти обязанности вплоть до марта 1917 г., многое сделал для обогашения музейных фондов и продолжения изучения Тобольской губернии, в особенности ее север-

ной части; привлек к сотрудничеству с музеем ряд талантливых исследователей, организовал несколько экспедиций, сам совершил в 1910 г. поездку на р. Конду.

В марте 1917 г. Тобольским временным комитетом общественного спокойствия был избран губернским комиссаром и утвержден в этой должности Временным правительством. Проводил курс на демократическое переустройство всех сторон жизни края, способствовал становлению земских учреждений, развитию кооперации, улучшению дела народного просвещения и т. д. По партийной принадлежности — народный социалист.

Г. А. Пирожников пишет, что Дмитриев-Садовников составил рукописную грамматику остяцкого ваховского наречия и передал ее в библиотеку Тобольского губернского музея. В 1925 г. правление Общества изучения края, существовавшего при музее, ввиду большой нужды в учебниках решило издать рукопись для пользования в школах и выслало ее на отзыв профессору Пермского университета Емельянову, который признал грамматику неудачной, поскольку она имеет много лингвистических неточностей.

Нужно заметить, что в 20-е годы тобольские деятели культуры и народного образования высоко оценивали вклад Дмитриева-Садовникова в просвещение Ваховского края. Летом 1924 г. в докладе правлению Общества изучения края научный сотрудник музея и член общества В. М. Новицкий, возражая против передачи Ларьякского и Нижневартовского районов в состав Томской губернии, приводил и такой аргумент:

«ТобокрОНО уже составлен и проводится в жизнь план просвещения туземцев .. Для необруселых туземцев первых культур-работников из среды самих же туземцев должна дать Ларьякская школа (р. Вах), которая существует с давних пор... Для постановки дела в Ларьякской школе ТобокрОНО имеет все шансы, и одно из главных, чего недостает для других районов — это то, что в распоряжении ТобокрОНО имеется грамматика, подробный словарь и первые статьи для ваховского туземного наречия, составленные бывшим учителем с. Ларьякского краеведом Тобсевера Г. Дмитриевым-Садовниковым».

[10] ТФ ГАТО, ф. 151, оп. 1, д. 34. Помечено 3 ноября 1910 г.

[11] ТФ ГАТО, ф. 151, оп. 1, д. 34.

[12] ТФ ГАТО, ф. 151, оп. 1, д. 36.

[13] Ежегодник Тобольского губернского музея (далее — ЕТГМ), 1914, вып. 24.

[14] Естествознание и география, 1915, № 4, с. 12.

[15] Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (далее — ТГИАМЗ), научный архив, д. 937.

[16] ТФ ГАТО, ф. 151, оп. 1, д. 36.

[17] Этот гербарий из 80 видов упоминается в «Кратком путеводителе по Тобольскому Губернскому Музею» В. А. Ивановского (ЕТГМ, 1919, вып. 29, с. 78).

[18] ТГИАМЗ, научный архив, д. 935 «Экспедиции музея в 1910—1916 гг.».

[19] *Борис Николаевич Городков* (1890—1953) — географ и ботаник, путешественник, исследователь Сибири, Дальнего Востока и европейского Севера России. Родился в Тобольске, здесь же окончил гимназию. В годы учебы часто бывал в губернском музее и под влиянием местных краеведов заинтересовался естествознанием, собирал для музея в окрестностях Тобольска растения, насекомых. По окончании гимназии поступил в Петербургский университет.

Еще в студенческие годы провел самостоятельные исследования на Тобольском Севере — по рекам Конде (1910) и Салыму (1911). В последующие годы исследовал бассейны рек Вах (1913), Полуй (1914), Северная Сосьва (1915), низовье Оби и южное побережье Обской губы (1917), бассейны Агана и Пура (1923—1924). В 1924—1928 гг. руководил Северо-Уральской экспедицией Академии наук и Уралплана, давшей богатый материал для изучения минеральных, лесных и кормовых ресурсов северо-западной части территории Ханты-Мансийского округа.

Впоследствии один из создателей Института оленеводства, где с 1932-го по 1950 г. руководил сектором геоботаники и кормов. В 1937 г. приглашен на преподавательскую работу

в Ленинградский педагогический институт им. Герцена и с 1938 г. заведовал в нем кафедрой физической географии.

Выдающийся русский тундровед, почвовед, ботанико- и физико-географ. Обширные сведения о жизни и научной деятельности Б. Н. Городкова можно почерпнуть в книге профессора Тюменского университета В. В. Козина «К верховьям неведомых рек» (М., 1981).

[20] «С лета 1909 г. ссыльных можно было встретить не только в ближайших к Сургуту селах... В Ларьяк попали текстильщик Муценек (с.-д.) и слесарь Тиборт (с.-р.). Оба они прожили в Ларьяке несколько лет и пребывание их в этом центре ваховских остяков оставило заметный культурный след. Тиборт открыл в селе кузницу и научил остяков элементарным кузнечным работам. Муценек увлекся сельскохозяйственными опытами и доказал возможность разведения в Ларьяке картофеля и других сельскохозяйственных растений. Позднее, в 1915 г., им был организован в Ларьяке потребительский кооператив» (Сургутянин. Сто лет Сургутской ссылки//Каторга и ссылка, 1929, № 12, с. 110—111).

[21] В двухклассных училищах Министерства народного просвещения был шестилетний курс обучения: четырехгодичный в первом классе и двухгодичный во втором. В Обдорском училище в начале 1914 г. было три учителя и около сотни учащихся, из которых почти половина — инородцы (в большинстве — зыряне). (Г. Дмитриев-Садовников. Обдорские очерки//Сибирский листок, 1914, № 13, 30 янв.).

[22] Река Полуй//Известия Русского географического общества.— М., 1919, т. 52, вып. 6, с. 493—497.

[23] Сибирский Листок, 1914, № 149, 18 дек.

[24] ТГИАМЗ, научный архив, д. 935.

[25] *Павел Иванович Иванцев* (Иванцов) (1885 — после 1920) — учитель. Детство его прошло в с. Конево близ Самарово, где отец был псаломщиком Пророко-Ильинской церкви. С мая 1909 г. Павел Иванович служил псаломщиком в с. Болчаровском на Конде. В январе 1911 г. по собственному прошению был уволен от службы по духовному ведомству и работал учи-

телем в Болчаровском, затем в д. Слинкиной на Иртыше и в с. Демьянском.

Краеведением начал заниматься во время службы в Болчаровской церкви и быстро выдвинулся в число активных помощников Тобольского губернского музея. Его участие в пополнении коллекций неоднократно отмечалось в музейном «Ежегоднике». Его знакомство с Дмитриевым-Садовниковым состоялось не позднее 1911 г. В 1917—1921 гг. жил на севере Тобольской губернии, принимал участие в земском движении, в конце этого периода преподавал в Обдорском высшем начальном училище. Печатался в музейном «Ежегоднике» и «Сибирском Листке».

[26] Тобольское народное слово, 1918, № 123, 15(2) декабря.

[27] Русские ботаники. М., 1959, т. 3, с. 159.

[28] В № 14 газеты «Земля и воля» за 3 апреля 1918 г. опубликован проект примерного устава волостного культурно-просветительного кружка в Тобольском уезде, утвержденный комиссией по народному образованию при Тобольской уездной земской управе. Кружок должен был объединять местные культурные силы для образования и воспитания взрослых и детей и оказания помощи уездному и волостному земствам, кооперативам и внешкольному обществу в деле народного образования. Предусматривалось, что кружок может «устанавливать» детские сады и ясли; чтения, читальни, библиотеки и продажу книг; воскресные школы; общеобразовательные и специальные курсы; выставки, спектакли, спортивные, музыкальные и певческие кружки; общества трезвости; народный дом.

По всей вероятности, в разработке устава участвовал и Дмитриев-Садовников, а демьянский кружок «Знание — сила» — одно из конкретных дел уездной земской управы.

[29] Бюллетень Тобольского Временного Комитета Общественного спокойствия, 1917, № 14, 25 марта.

[30] Тобольское народное слово, 1918, № 40, 1 сент. (19 авг.).

[31] О новой школе//Тобольское народное слово, 1918, № 63, 2 окт. (19 сент.). Подпись: Н. Сугма.

[32] Тобольское народное слово, 1919, № 72, 22 марта (4 апр.).

[33] Земля и воля, 1918, № 9.

[34] Земля и воля, 1918, № 21, 22 (4) мая.

[35] О восстании см.: Лагунов К. Я. Двадцать первый: Хроника Западно-Сибирского крестьянского восстания. Свердловск, 1991.

[36] ТФ ГАТО, ф. Р — 272, оп. 3, д. 42 «Списки бандитов, погибших, пропавших без вести во время событий 1921 г.» (л. 171—172).

С реки Ваха Сургутского уезда

Печатается по публикации в ЕТГМ, 1911, вып. 19, с. 1—21. Подпись: Садовников. Замечания автора по тексту опубликованной статьи см. на с..... в письме к В. Н. Пигнатти от 2 ноября 1911 г.

[1] *Каюк* — большая крытая лодка. Широко использовался в XIX в. для поездок чиновников по служебным надобностям и вообще как пассажирское транспортное средство. Из-за большой парусности медленно двигался против ветра. Был вытеснен из употребления с введением регулярных пароходных рейсов.

[2] *Сажень* — «2,13 м, равняется трем аршинам. *Аршин* — 0,71 м. *Вершок* — 4,4 см. *Верста* — 1,06 км.

[3] *Позём* — сушеная рыба. Нельму, муксуна или щуку разрезают вдоль спины, вынимают внутренности, отрезают голову и хвост, делают на толстых местах надрезы и на несколько дней развешивают на шестах на солнце.

[4] *Сиводушка* — лисица, у которой на груди и брюхе темная шерсть.

[5] *Белодушка* — лисица со светлой грудью и брюхом.

[6] *Мартышка* — местное название одного из видов чаек.

[7] *Востроxвост* — местное название шилохвости.

[8] *Чувал* — очаг в юрте или избушке с прямым дымоходом.

[9] *Пошевни* — сани с обшитымТ кузовом или с кузовом в виде ящика с крышкой.

[10] *Черкан* — ловушка ущемляющего действия на мелких зверей.

[11] *Слопец (пасть)* — приспособление для промысла боровой дичи, состоящее из двух-трех бревен, поднятых с одной стороны концами над землей, и насторожки — спускового механизма. Глухарь, проходя под слопцом, задевал насторожку — бревна падали и придавливали птицу.

[12] *Кулёма* — ловушка на медведя давящего действия, делалась из бревен.

[13] *Замор* — массовая гибель рыб из-за уменьшения количества растворенного в воде кислорода. Замор вынуждает рыб перемещаться на зимовку в Обскую губу (осетр, нельма, сиговые) или в таежные речки, где они отстаиваются в незаморных участках у родников. Замору подвержены: вся часть Оби, находящаяся в пределах Тюменской области, со всеми ее таежными притоками; нижнее течение Иртыша с Кондой и нижнее течение Северной Сосьвы.

[14] *Ясак* — подать мехами, собиравшаяся в царской России с ханты, манси, ненцев и других коренных сибирских народов.

[15] *Инородная управа* — административный орган в волостях с инородческим населением.

[16] *Хлебозапасный магазин* — государственное учреждение, снабжавшее коренное инородческое население мукой и другим продовольствием, а также солью, порохом, дробью, свинцом.

Кроме Ларьякского в начале века на Вахе был еще Охтеурьевский хлебозапасный магазин.

[17] *Сбелковавши добычу* — здесь: освежевав, сняв шкуру.

[18] *Подволоки* — охотничьи лыжы для осени и зимы с меховой подшивкой, препятствующей проскальзыванию лыжи назад.

[19] *Перекочкать* — здесь: в значении «побить», «избить».

Богатырь реки Сабуна, правого притока реки Вахи

Печатается по публикации в ЕТГМ, 1912, вып. 20, с. 1—6. Подпись: Садовников.

[1] *Ефим Гаврилович Кайдалов* (1846 — после 1913) — государственный крестьянин с. Ларьякского (ГАТО, ф. 706, оп. 1, д. 46), в котором жил со времени не позднее 1876 г.

[2] *Саграмка* — свежая, только что пойманная рыба, очищенная и приготовленная для еды.

Ваховской облас

Печатается по публикации в ЕТГМ, 1913, вып. 21, с. 1—10. Подпись: Гр. Дмитриев-Садовников.

[1] *Верхне-Лумпокольское* — прежнее название с. Александровского Томской области.

[2] *Кремль.* См. сноску на с. 60.

[3] *Сера* — древесная смола. Примерно до середины XX в. в крае было широко распространено применение серы не только для хозяйственных надобностей, но и в качестве жевательной резинки. Сырую смолу вываривали в печи, после чего она была готова к употреблению.

Лук ваховских остяков и охота с ним

Печатается по публикации в ЕТГМ, 1915, вып. 24, с. 1—22. Подпись: Гр. Дмитриев-Садовников.

[1] *Курья* — узкий продолговатый речной залив, не имеющий течения, зачастую — нижняя часть бывшей протоки, занесенной песком или илом в верхней своей части.

На Вахе

Печатается по публикации в ЕТГМ, 1916, вып. 26, с. 1—15. Подпись: Гр. Дмитриев-Садовников.

[1] В XIX — начале XX вв. было принято двоякое написание и произношение названия села: Ларьяк и Ларьят, Ларьякское и Ларьятское.

[2] *Ёган* — речка, приток.

[3] *Вар* — преграда для рыбы. См. описание вара в статье «С реки Ваха Сургутского уезда».

[4] *Лука* — изгиб, излучина реки.

[5] *Варнак* — разбойник, лихой человек.

[6] *Приклад* — приношение, жертва в виде вещи или денег в культовом месте.

[7] *Живец, живун* — незамерзающая речка; родник, у которого в зимнее время скапливается рыба.

Бересто и изделия из него у остяков р. Ваха

Печатается по публикации в «Живой старине», 1916, № 1—7.

[1] Бересто — местное произношение слова «береста».

О вымирании инородцев р. Ваха, их болезнях и лекарствах

Публикуется впервые по рукописи, хранящейся в научном архиве ТГИАМЗ.

Мои работы по Ваховской экспедиции

Тобольского губернского музея в 1913 году. Дневник

Публикуется впервые по рукописи, хранящейся в научном архиве ТГИАМЗ.

[1] Рукопись «Наблюдения над явлениями природы четырех времен года на Ваху» хранится в научном архиве ТГИАМЗ, д. 935. Рукопись работы «Ваховской край в описаниях» пока не найдена.

[2] *Леонид Рудольфович Шульц* (1878 — после 1926) — землемер, этнограф, краевед. Действительный член Тобольского губернского музея. В 1907—1910 гг. совершил несколько поездок по местам обитания остяков, вогулов и татар, руководил снаряженной музеем экспедицией на р. Салым (1910), в составе которой были Б. Н. Городков и Г. И. Лебедев. В 1911 г. устраивал отдел этнографии для Западно-Сибирской выставки в Омске, он был составлен из изделий остяков Тобольской губернии. В 20-е гг. заведовал Тюменским окружным архивом, музеем местного края и руководил обществом изучения Тюменского края. Зимой 1924 г. по поручению плановой комис-

сии Уральского облисполкома произвел экономическое обследование Прикондинского края.

[3] *Край болота* — около болота, по краю болота. В этом же значении употребляется выражение «край дороги» и т. п.

[4] *Мегтек, мехтег* — местное название ельца. В современном русифицированном произношении: мохтик.

[5] *Закосистый* — от слова «закосок»: место за косой; глубокое место между берегом и косой.

[6] *Голец* — речной остров, обнажающийся после спада воды и еще не покрытый лесом или кустарником; песчаная отмель.

[7] *Киска.* См. статью «Бересто и изделия из него у остяков р. Ваха».

[8] *Пасыл, пасол* — небольшая речная протока, судоходная во время разлива.

[9] *Лом* — завал, залом на таежной речке; бурелом.

[10] *Вар* — здесь: устье сора.

[11] *Росянка* — род многолетних насекомоядных трав семейства росянковых. Железистые волоски листьев выделяют липкую жидкость для улавливания и переваривания насекомых. Растет на болотах.

[12] *Турпан* — птица из рода утиных.

[13] *Не пропадают* — не подвергаются замору.

Корреспонденции из с. Ларьякского в газету «Сибирский Листок»

[1] См. работу «Богатырь реки Сабуна, правого притока реки Ваха».

[2] *Становой пристав* — чиновник уездной полиции, заведовавший станом — определенной частью уезда.

[3] *Мировые судьи* были призваны вершить независимый, пользующийся доверием населения и доступный суд для решения наибольшего числа мелких гражданских споров, житейских столкновений и правонарушений. Отправляли правосудие единолично в пределах своего участка.

[4] *Сергей Иванович Суханов* (1882—?) — учитель Сургутского двухклассного училища Министерства народного просвещения в

1900-е гг., уроженец Сургута. Его отец Иван Иванович Суханов (ок. 1860—1902) в 1881—1882 гг. преподавал в Сургутском приходском мужском училище, впоследствии — в Березовском уездном училище и Тобольском мореходном классе, известен как краевед и общественный деятель.

Иван Яковлевич Тверитин (1806 — после 1883) — священник, в 1837—1883 гг.— настоятель Богоявленской церкви в с. Юганском близ Сургута. Во второй половине XIX в. около 20 лет занимался выращиванием зерновых культур — ячменя, овса, гречихи, ржи, пшеницы. Опыты получили поддержку гражданского губернатора и генерал-губернатора Западной Сибири, ими интересовались научные общества России, куда И. Я. Тверитин посылал свои отчеты и откуда получал семена и инструкции. Наиболее результативными были опыты по выращиванию ржи. Член-корреспондент Вольного экономического общества с 1856 г. и Русского Географического общества с 1869 г. Награжден шестью медалями четырех научных обществ.

Константин Васильевич Силин (1861—1929) — сургутский 2-й гильдии купец. Торговал в городе и в уезде мукой, мануфактурой, кожевенными, бакалейными и мелочными товарами, заготавливал пушнину, рыбу, кедровый орех, поставлял дрова для пароходов. В 1906 г. стоимость недвижимого имущества К. В. Силина оценивалась в 4000 р. В 1913 г. при выяснении объема грузов, который может ежегодно давать Тобольск для перевозки по железной дороге в случае прокладки до него железнодорожного пути, обещал поставлять до 20 000 пудов рыбы. Имел в собственности буксирный пароход «Удалый», курсировавший между Сургутом и Тобольском.

Известен как общественный деятель. Так, в 1913 г. он был членом уездного отделения училищного совета, в 1914—1915 гг.— почетным мировым судьей, в 1916—1918 гг.— членом совета Тобольского отделения Императорского общества судоходства. Кроме того, он был действительным членом Тобольского губернского музея и участвовал в пополнении его коллекций.

К. В. Силин неоднократно делал значительные пожертвования на общественные нужды. Так, в 1908 г. ларьякский фельдшерский пункт получил от него дом для размещения приемного покоя и квартиры фельдшера, в 1917 г. он предоставил бесплатно для открываемого в Сургуте высшего начального училища просторное помещение, в котором кроме классов можно было устроить общежитие для приезжих детей, в 1918 г. он — один из жертвователей в пользу готовящегося к открытию Тобольского музыкального училища.

В 1922—1924 гг. входил со своим капиталом в частную фирму «Мухтаров, Силин и К». Позднее служил в Сургутском торговом предприятии Уралторга, заведовал лавкой. Как бывший торговец был лишен избирательных прав.

[7] *Раскладочное присутствие.* Полное название — уездное раскладочное по промысловому налогу присутствие. Членами его были обычно наиболее состоятельные промышленники, купцы, торгующие крестьяне. Раскладка податей — способ взимания окладных налогов; правительство назначало общую сумму налога, причитающуюся с данной группы населения, а общественные учреждения распределяли эту сумму между отдельными плательщиками. Раскладка податей применялась к поземельному, промысловому и другим прямым налогам.

[8] *Кай Доннер* — финский лингвист, магистр философии. По направлению Финно-Угорского общества был командирован из Гельсингфорса для лингвистических и этнографических исследований в Енисейскую, Томскую и Тобольскую губернии. Занимался изучением наречий остяков и общим изучением края.

Газетные публикации 1918—1919 гг.

Изучение Родины

Печатается по публикации в «Земле и воле» (Тобольск), 1918, № 12.

[1] *Николай Лукич Скалозубов* (1861—1915) — агроном, общественный и государственный деятель, краевед. С 1894 г.— тобольский губернский агроном. Одновременно исполнял обязанности консерватора губернского музея. Много сделал для исследования края и просвещения его населения, был причастен к ряду полезных начинаний: открытию первой в Тобольской губернии сельскохозяйственной школы, организации маслодельческих артелей, кружка любителей садоводства и огородничества, сети дождемерных станций, открытию в Тобольске «Народной аудитории» и др. Депутат второй и третьей Государственной Думы. В 1912—1915 гг. занимался селекцией пшеницы, овса, гороха, кукурузы на организованной им в Кургане селекционно-семеноводческой станции. Собранная им коллекция растений положила начало научному фонду опытной станции в Омске, которая затем переросла в Сибирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства.

[2] *Самосядка* — самогон.

[3] См. работу «Бересто и изделия из него у остяков р. Ваха».

[4] См. работы «Лук ваховских остяков и охота с ним» и «Ваховской облас».

Изучение Родины. Замор

Печатается по публикации в «Земле и воле», 1918, № 35, 36. Подпись: Гр. Дмитриев-Садовников.

К изучению Родины (очерки)

Печатается по публикации в «Тобольском народном слове», 1918, № 42; 1919, № 79. Подпись. Гр. Дмитриев-Садовников.

Наводнения

Печатается по публикации в «Тобольском народном слове», 1919, № 97. Подпись. Гр. Дмитриев-Садовников.

[1] *Сегогод* — в нынешнем году.

«Безрыбье» р. Иртыша

Печатается по публикации в «Земле и воле», 1918, № 35. Подпись: Г. Д.-С.

Лесные люди

Печатается по публикации в «Тобольском народном слове», 1918, №№ 60, 62. Подпись: Гр. Дмитриев-Садовников.

Изучение Родины: Частушки

Печатается с некоторыми сокращениями по публикации в «Земле и воле», 1918, № 28—34.

Стихотворения

Думы //Земля и воля, 1918, № 9. Подпись: Гр. Дмитриев-Садовников.

Погибшим бойцам//Земля и воля, 1918, № 10. Подпись: Гр. Дмитриев-Садовников.

Старые сказки//Земля и воля, 1918, № 12. Подпись: Н. Сугма.

Спите, уснувшие//Земля и воля, 1918, № 13. Подпись: Гр. Дмитриев-Садовников.

Смолкните, гусли звончатые...//Земля и воля, 1918, № 14. Подпись: Н. Сугма.

Странный сон//Земля и воля, 1918, № 18. Подпись: Н. Сугма.

Минувшие годы...//Земля и воля, 1918, № 29. Подпись: Гр. Дмитриев-Садовников.

И пусть шумят «ревнители свободы»...//Земля и воля, 1918, № 32. Подпись: Н. Сугма.

Рожденные бурей...//Тобольское народное слово, 1918, № 82. Подпись: Сугма.

Мотив Розенгейма//Тобольское народное слово, 1918, № 128. Подпись: Н. Сугма.

[1] *Михаил Павлович Розенгейм* (1820—1887) — поэт, сотрудничал в 50-х гг. в «Отечественных записках», «Русском вестнике» и др. журналах, в 1863—1865 гг. издавал сатирическую газету «Заноза».

Сибирские мотивы//Тобольское народное слово, 1919, № 35. Подпись: Н. Сугма.

Боже, Сибирь сохрани!//Тобольское народное слово, 1919, № 81. Подпись: Н. Сугма.

Лебеди//Тобольское народное слово, 1919, № 85. Подпись: Н. Сугма.

Из старинных мотивов//Тобольское народное слово, 1919, № 103. Подпись: Н. Сугма.

Мечта моя молнией в жизни сверкнула...//Голос Народной Армии, 1921, № 5. Подпись: Г. С.

Сибирячкам//Голос Народной Армии, 1921, № 13. Подпись: Г. С.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 3
В. Белобородов, И. Игонина. Учитель, краевед и гражданин 5
С реки Ваха Сургутского уезда 31
Богатырь реки Сабуна, правого притока реки Ваха . . 47
Ваховской облас 52
Лук ваховских остяков и охота с ним 60
На Вахе 78
Бересто и изделия из него у остяков р. Ваха . 89
О вымирании инородцев р. Ваха, их болезнях и лекарствах . . 97
Мои работы по Ваховской экспедиции Тобольского губернского музея в 1913 году. Дневник 105
Корреспонденции из с. Ларьякского в газету «Сибирский Листок» 141
Газетные публикации 1918—1919 гг. 159
Изучение Родины. Частушки 177
Стихотворения 195
Примечания 205

Д35 **Г. М. Дмитриев-Садовников.**

Версты и строки/Редактор-составитель В. К. Белобородов.— Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998.— 224 с., 16 с. ил.— (Люди земли Югорской).

ISBN 5-7529-0718-7

В пер.: 1000 экз.

В книге впервые собраны краеведческие статьи, газетные корреспонденции, полевые дневники, стихотворения учителя Г. М. Дмитриева-Садовникова, относящиеся по большей части к периоду его службы в с. Ларьякском Сургутского уезда Тобольской губернии (1904—1913). Публикуемые работы характеризуют природу и население Васюганского края, жизнь Ларьяка в начале XX в. и раскрывают личность автора.

Книга адресована всем, кто интересуется прошлым края.

Д $\frac{0503020300-023}{М\ 158(03)-98}$ Без объявл.—98 ББК 63.3(2Р53)

Г.М. Дмитриев-Садовников с женой Анной Прохоровной и сыном Андреем. Снимок 1907 г.

Слева направо стоят: Г.М. Дмитриев-Садовников, А.П. Дмитриева-Садовникова, З.П. Кайдалова. Сидят: В.П. Трофимов, Андрей Дмитриев-Садовников, А.П. Трофимова. Снимок 1913(?) г.

«Русские женщины на Ваху, с. Ларьякское, 1913 г.». (Здесь и далее приводятся подписи Г.М. Дмитриева-Садовникова к отснятым им же фотографиям. Авторство других снимков оговорено особо. — Сост.)
На снимке (слева направо): Антонина и Агния Прохоровны Кайдаловы, Анна Прохоровна Дмитриева-Садовникова; сидит Андрей Дмитриев-Садовников

«Церковь в с. Ларьякском. 1913 г.»

«Русские и остяки в Ларьяке. 1912 г.».
На снимке: справа в нижнем ряду — ларьякский торгующий мещанин Василий Петрович Трофимов (племянник сургутского купца К.В. Силина)

«Дом русского торговца в с. Ларьякском. 1913 г.»

«Вид части с. Ларьякского. 1913 г.»

«Инструменты для выдергии кирпичей. С. Ларьякское. 1 июля 1913 г.»

«Остяцкая землянка в с. Ларьякском. Май 1913 г.»

Часовня в юртах Октеурьевских. 1913 г. Фото Б.Н. Городкова

Хлебозапасный магазин в юртах Октеурьевских. 1913 г.
Фото Б.Н. Городкова

«Калипог» – плешивая голова, знаменитый охотник на медведей. 1912 г.»

«Участники Ваховской экскурсии: учитель Г. Дмитриев-Садовников, студент Б.Н. Городков и бывший гимназист Мельников. 8 июля 1913 г.»

«Мой проводник кузнец Егор. 1912 г.»

«Тип остячки девушки с р. Таза. 1913 г., январь»

«Тип молодого, лет 30, остяка с верховьев р. Вака. Май 1913 г.»

«Тип остяка юрт Сормуровских на р. Куль-еган. 12 июля 1913 г.»

«Тип мальчика-остяка из юрт Лохкинтуских. 17 июля 1913 г.»

«Остяки за едой.
Юрты «Мохтег Ваньки»
на берегу р. Сабуна.
22 июня 1913 г.»

«Плетет морду. 1912 г.»

«Промышленник вытаскивает из морды рыбу деревянным крюком. 1913 г., конец апреля»

«Береговая морда на Локкэнтугском озере, близ Локкэнтугского озера. 16 июля 1913 г.»

«К статье «Ваховской облас». Выборка внутренности облаcа. 1913 г., июнь»

«К статье «Ваховской облас». Инструменты для выделки облясов: кур, сугал, струг, сверло. 1913 г., июнь»

«Остяцкие пресные лепешки на роженках у огнища. С. Ларьякское. Июнь 1913 г.»

«Изжаренный мехтег на роженках. Юрты у устья Соктуавара. 3 июля 1913 г.»

«Остяцкие пресные лепешки на роженках у огнища. С. Ларьякское. Июнь 1913 г.»

«Изжаренный мехтег на роженках. Юрты у устья Соктувара. 3 июля 1913 г.»